№ 7. Апрѣль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ

новыхъ народовъ. Соч. Барона Экштейна.

Статья 1-я.

I. Во всѣхъ странахъ, во всѣхъ званіяхъ общества должна была явиться потребность въ великихъ развлеченіяхъ и общественныхъ забавахъ, послѣ того какъ прекратились блистательныя празднества и турниры, осіявающіе нѣкоторые, отдаленные уже вѣка нашихъ лѣтописей такимъ-же блескомъ, какой разливаютъ на геройскія времена древней Греціи общественныя, блестящія ея игры. Къ сей общей потребности всѣхъ странъ, равной для народовъ всѣхъ исповѣданій, у Протестантовъ присоединилась необходимость замѣстить отмѣненныя празднества и великолѣпныя церемоніи Католической церкви. Напротивъ въ странахъ, оставшихся при своихъ древнихъ вѣрованіяхъ, сценическія представленія естественно произошли отъ религіозныхъ обрядовъ, потому что у христіанъ, такъ-же какъ

древле у Грековъ и Индійцовъ, первымъ началомъ театральныхъ игрищъ были мистеріи; вѣрованія облекались и украшались всѣми своими символами, дабы раскрывать, среди общественныхъ торжествъ, свой величественный характеръ.

Для народовъ, достигшихъ зрѣлости въ образованіи, Поэзія Драматическая есть тоже, что Эпическая Поэзія была для народовъ въ вѣка героическіе: этотъ ходъ ума человѣческаго можно замѣтить и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ. При началѣ искусства, Драматическая Поэзія, такъ же какъ и Эпопея, не различала родовъ трагическаго и комическаго. Общественная жизнь была еще не разъединенною: она заключала подъ одною оболочкою и, если смѣю такъ выразиться, въ одномъ, неразвернувшемся цвѣткѣ, и сладкое и горькое. Важное соединялось съ пародіею, и изъ сихъ противоположностей родилась иронія, дѣйствіе высокаго и безпристрастнаго разума: она состоитъ въ удержаніи равновѣсія между всѣми умственными силами. Иронія является легкою улыбкою при видѣ боренія страстей и нравственныхъ силъ; она бываетъ достояніемъ того, кто высшимъ умомъ проникаетъ въ сильное и слабое предметовъ, кто судитъ объ основаніяхъ, не останавливаясь на внѣшнихъ образахъ.

Начало театра бываетъ вездѣ одинаково, если

только оно не основывается на подражаніи чужеземному, то есть если оно родилось у того народа, гдѣ мы видимъ его развитіе. У Грековъ и у Индійцовъ, единственныхъ народовъ древности, имѣвшихъ самобытныя зрѣлища, находимъ два особенные элемента оныхъ. Одинъ строгій и трагическій; другой веселый, насмѣшливый, шутливый, выводящій изъ перваго значеніе, умѣряющій смыслъ онаго и осѣняющій цѣлое созданіе легкою ироніею, которая придаетъ ему особенное единство, превосходящее единство цѣлаго рода. Трагическій и комическій элементы сихъ сочиненій имѣютъ источниками своими символы, миѳы и обряды религіи. Сіи различныя начала выражаютъ противоположныя свойства природы человѣческой, иногда живописуя мрачными, ужасающими красками генія зла, являющагося во всей силѣ своего могущества, или, въ очеркахъ болѣе нѣжныхъ, такъ сказать, невольно выказывающаго свою злобу; иногда выводя на сцену благаго генія природы человѣческой, въ борьбѣ величественной, или въ легкой шуткѣ, въ играхъ, касающагося невинныхъ удовольствій жизни.

Такимъ образомъ, въ началѣ своемъ театръ былъ откровеніемъ нашей умственной природы: не принимая на себя догматическаго тона проповѣдниковъ, онъ обращался къ сердцу человѣка со своими глубокими нравственными истинами.

Онъ естественно склонялся къ идеальному искусству, являясь свободнымъ и очищеннымъ отъ всякаго близкаго примѣненія предмета къ событіямъ обыкновенной жизни. Развязка совершалась при посредничествѣ добраго или злаго могущества, обнимавшаго всю басню поэмы и соединявшаго земныя событія съ высшими опредѣленіями Божества, дабы незамѣтнымъ образомъ согласить ихъ съ таинственною природою вещей.

Если въ началѣ своемъ драматическія сочиненія представляли только грубые очерки, то тѣмъ не менѣе въ нихъ заключалось зерно самаго идеальнаго совершенства. Вы узнаете это состояніе литтературы у Грековъ, гдѣ оба рода, сначала соединенные, вскорѣ раздѣлились, и видите его у Индійцовъ, у коихъ они продолжали вспомоществовать одинъ другому. У сихъ народовъ, первые опыты игрищъ трагическихъ и комическихъ устремлены были къ иносказательному изображенію борьбы мнимыхъ боговъ, изъ коихъ одни старались уничтожать, другіе поддерживать хаосъ, до того времени, когда Деміургъ сошелъ въ бездну и принудилъ непріязненныя могущества склониться подъ одинъ, общій законъ. Потому сотвореніе, слѣдствіе борьбы, послѣдуемое общимъ миромъ между двумя сопрязавшимися сторонами, было первою задачею Драматической Поэзіи, выражалось въ послѣдовательныхъ аллегоріяхъ и было изображаемо

трупою мимовъ, въ маскахъ и котурнахъ. Въ тоже время, сіи созданія ума являлись пародированными въ сатирическихъ представленіяхъ, гдѣ также употреблялись маски и пантомимы, и гдѣ лицами были, у Эллиновъ сатиры и циклопы, у Индійцовъ люди-обезьяны, управляемыя Гануманомъ, Паномъ ихъ Миѳологіи. Сіи аллегорическія существа забавлялись иногда надъ порядкомъ сотворенія, надъ богами, и иногда надъ человѣкомъ и всею природою; они смѣшнымъ образомъ подражали движеніямъ и дѣйствіямъ боговъ и титановъ; они передразнивали ихъ борьбы и оканчивали сіи представленія шутливымъ подражаніемъ ихъ торжественнымъ процессіямъ.

Въ позднѣйшее время, въ сіи сценическія игры, вполнѣ состоявшія изъ Миѳологіи, введены были слогъ и мысли болѣе изысканные: пантомима была согнана со сцены; герои и народъ въ свою очередь явились на театрѣ Древнихъ и замѣнили боговъ и сатировъ, принявшихъ такимъ образомъ форму человѣческую, но въ тоже время оставшихся невидимыми властителями событій, дабы сохранить онымъ характеръ идеальной возвышенности. На Греческомъ театрѣ народъ составлялъ хоръ въ трагедіяхъ; но на комической сценѣ онъ игралъ ролъ дѣятельную и совсѣмъ иначе важную. На театрѣ Индійскомъ это былъ какой-то шутъ-совѣтчикъ, изображавшійся возницею царей и воителей, мудрецомъ подъ по-

кровомъ смѣшнаго; онъ никогда не отличался мужествомъ.

Два основные элемента, составлявшіе у древнихъ народовъ Драматическую Поэзію, раздѣлились въ Греческой Литературѣ и произвели два противоположные рода: трагедію и комедію. Причина сего различія основывается частію на главныхъ идеяхъ *изящнаго*, какія развились у Эллиновъ, частію на политическихъ началахъ, относящихся къ составу государства, ибо не должно забывать, что, особенно, и, такъ сказать, единственно въ Аѳинахъ театръ оказалъ замѣтные успѣхи на пути къ совершенству.

Въ городѣ Минервы, трагедія, которая образовалась въ важныхъ созданіяхъ Эсхила и Софокла, происходила прямо отъ мистерій: она была откровеніемъ первобытнаго, духовнаго и героическаго міра; однимъ словомъ, она была чистымъ вдохновеніемъ высшей и церковной аристократіи. Представляя предметы строго миѳологическіе, упомянутые два великіе поэта встрѣчаются съ мыслію, различнымъ образомъ смѣлою, но всегда иносказательно выраженною и приноровленною къ символическимъ предметамъ, выводимымъ ими на сцену. Самыя трогательныя, патетическія событія, заимствованныя изъ сферы простыхъ человѣческихъ дѣйствій, облекаются подъ ихъ кистію идеальнымъ цвѣтомъ, и

такимъ образомъ получаютъ значеніе, высшее обыкновеннаго, видимаго въ нихъ какъ въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ. Извѣстно, что сіи два автора были изъ числа посвященныхъ въ таинства, и даже Эсхилъ былъ обвиняемъ въ томъ, что онъ дерзко открылъ конецъ покрова, закрывавшаго великія таинства. Эврипидъ не можетъ быть здѣсь разсматриваемъ нами, ибо явившись во время софизмовъ, паденія, онъ находится совершенно внѣ сей черты.

По одному качеству посвященныхъ въ таинства и по аристократическому вдохновенію своей Музы, оба безсмертные трагика, которыми особенно мы занимаемся, не могли пародировать предметовъ важныхъ и идей высокихъ, входившихъ въ составъ ихъ великихъ картинъ. Слѣдственно, у нихъ народъ могъ являться на сценѣ трагической не иначе, какъ идеальнымъ и поэтическимъ образомъ, и таковы были хоры, гдѣ народъ составляетъ свиту царей и героевъ. Ясно, что естественная сила вещей заставляла ихъ различать роды драмы.

Но такое послѣдствіе обратилось къ пользѣ искуства; идеальная красота сочиненій приобрѣла высокую степень превосходства, потому что *изящное* не можетъ имѣть ничего общаго съ комическимъ или пародіею: небесное по своей природѣ, оно отметаетъ все, что не величе-

ственно, не строго, что пріятно безъ благородства, нѣжно безъ энтузіазма, чистоты. Изъ всѣхъ народовъ міра, Греки наиболѣе обладали тонкимъ чувствомъ красоты, которому во всемъ совершенствѣ его мы удивляемся между поэтами у Софокла, между метафизиками у Платона. Можно сказать однакожъ, что трагедія Эллиновъ, и по своимъ предметамъ, заимствованнымъ изъ временъ баснословныхъ и по аристократическому направленію своему, кажется болѣе сходна съ идеями Дорійцовъ, оставшихся аристократами, нежели съ идеями Іонійцовъ, и особенно Аѳинянъ, рѣшительно приставшихъ къ демократіи. Потому-то трагедія послѣ Софокла измѣнилась, и у Эврипида является уже въ видѣ страстнаго, чрезвычайно патетическаго романа, обремененная тирадами, восклицаніями и софизмами, представленными въ видѣ правилъ, свойственныхъ вѣкамъ разврата.

Началомъ комедіи, въ Аѳинахъ и во всей Греціи, были не мистеріи, собственно такъ называемыя, но празднества и церемоніи сатирическія, въ коихъ пародировали дѣйствія боговъ, безъ всякихъ послѣдствій и не возмущая общественнаго благочестія. Вскорѣ комедія сдѣлалась чисто демократическою, ибо наклонность сія заключается въ ея природѣ. Аристофанъ былъ самымъ народнымъ поэтомъ и вмѣстѣ жесточайшимъ гонителемъ глупостей и неистовствъ про-

стонародныхъ. Будучи дерзокъ въ своихъ разбирательствахъ, онъ усвоилъ себѣ аллегорическій родъ, но не такъ, какъ первые трагическіе авторы; олицетворяя народъ различными образами, онъ показалъ его предводителей и сикофантовъ, и осмѣлился выставить на позоръ ужасную наготу общественнаго порядка. Здѣсь оканчивается жизнь древней комедіи. Менандръ, явившійся въ послѣдствіи, создалъ, или лучше сказать, усовершенствовалъ новую систему: можно сказать, что она имѣетъ всѣ достоинства, кромѣ достоинства истинной поэзіи.

По смыслу Аристофанова театра, комическій идеалъ основывается на несходствѣ между средствами и цѣлью лицъ: мысль ихъ въ основаніи своемъ ничтожна и простонародна, мудрость ихъ тѣсна, но они имѣютъ высокую идею о силѣ своего ума и могутъ вредить, потому что будучи дробями высшей государственной власти, они суть члены ея; это заставляетъ ихъ ужасно увеличивать свои средства, и отъ того честолюбивая странность выраженія и пошлость мысли находятся у нихъ въ безпрерывной противоположности. Они желали-бы взлѣсть на небо и предпринять дѣла самыя невозможныя; но желанія ихъ скоро спотыкаются о глупость, и они падаютъ въ грязь лицомъ, гдѣ поэтъ спѣшитъ показать намъ ихъ, подъ ударами своего сатирическаго бича, сберегаемаго имъ на ихъ по-

срамленіе. Древняя Аттическая комедія имѣла въ виду совсѣмъ не красоту и еще менѣе истину нравовъ, которую видимъ въ пьесахъ Менандра: ея цѣлію было самое смѣлое, дерзкое въ мысляхъ и осмѣяніе слабости человѣческой, стремящейся къ великимъ дѣламъ, которыхъ она не понимаетъ. Идеалъ комедіи, постигнутый геніемъ Аристофана, склонялся къ политикѣ и къ Философіи.

Въ Индійскомъ театрѣ, по крайней мѣрѣ сколько намъ извѣстны пружины онаго, не было такой строгой раздѣлительной черты между трагедіею и комедіею, какъ въ театрѣ Греческомъ. Однакожъ на Санскритскомъ языкѣ есть философическія комедіи, въ родѣ Аристофановыхъ, гдѣ дурачества сектъ и метафизиковъ замѣняютъ тѣ дурачества народа и его сикофантовъ, какія были представляемы на театрѣ Аѳинскомъ. Въ драмѣ: *Саконтала*, есть нѣчто навѣянное вкусомъ Софокла и вмѣстѣ внутреннее чувство идеальной красоты. Комическая часть ея нѣжна, умѣренна, какъ въ драмѣ Испанской, столь различной въ семъ отношеніи съ Шекспировскою. Разногласія самыхъ событій трагическихъ и противоположность оныхъ съ веселою, сатирическою частію, скоро сглаживаются, и поэтъ всегда старается оканчивать первоначальныя противорѣчія гармоніею. Геній Кальдерона (если осмѣлюсь сказать, самаго вѣрующаго изъ поэтовъ)

имѣетъ нѣкоторое сходство съ разсматриваемымъ нами родомъ: вѣрованіе всегда заставляетъ его оканчивать и смягчать трагическое своей драмы небеснымъ предвѣдѣніемъ о будущей жизни. Язычество Индійцовъ, въ коемъ болѣе мистицизма, чѣмъ въ Греческомъ язычествѣ, даетъ основную мысль ихъ сценѣ; оно часто возвышаетъ взоры наши къ высшему блаженству и показываетъ намъ совершенную гармонію элементовъ, усмиренныхъ умомъ Всевышнимъ. Напротивъ, въ трагедіи Грековъ предметомъ обладаетъ вѣрованіе въ неизмѣнимую судьбу, и потому въ ней все оканчивается тѣмъ, что нравственные элементы поэмы низвергаются въ хаосъ, безъ всякаго вознагражденія въ будущемъ. Одинъ Софоклъ старался прибавлять нѣсколько утѣшенія къ этому ужасному предопредѣленію и услаждать эту безпримѣсную горечь: душу его, такъ-же какъ душу Платона, можно назвать полу-христіанскою. Замѣтимъ, что Шекспиръ, въ семъ случаѣ противоположный Кальдерону, всегда оканчиваетъ свои созданія гибелью своихъ героевъ, безъ всякаго смягченія, почти такъ-же, какъ дѣлалъ это Эсхилъ.

Драматическія сочиненія, подобно Индійскимъ сохранившія въ большей или меньшей степени первобытное соединеніе элементовъ, трагическаго и комическаго, имѣютъ такъ-же свой идеалъ, какъ то можно замѣтить въ театрѣ Шек-

спира или въ театрѣ Испанцовъ. Идеалъ сей составляетъ сама иронія, не только служащая основаніемъ сочиненію, но и обладающая всею его общностью, какъ высшій разумъ, которому все покорно: онъ видитъ всѣ предметы въ ихъ противорѣчіяхъ, взвѣшиваетъ, умѣряетъ одинъ другимъ, и, такъ сказать, по наружности удерживается произнесши сужденіе, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ предоставляетъ себѣ въ этомъ полную и совершенную свободу. Здѣсь уже нѣтъ идеала красоты трагической, нѣтъ политико-философическаго идеала древней комедіи Эллиновъ: это идеалъ самаго зрѣлаго и рѣзкаго разума, какой видимъ въ произведеніяхъ Шекспира. Въ театрѣ Индійскомъ, такъ-же какъ въ Испанскомъ, комическая пародія событій трагическихъ развивается менѣе. Впрочемъ, по причинѣ развязки, совершенно мистической и религіозной, какою Индійцы и Испанцы старались оканчивать великіе, изображаемые ими предметы, данныя рода драматическаго не выражаются у нихъ столь полно, какъ у Англійскаго поэта, и почти совершенно сходятся съ красотою, ознаменовавшею классическій театръ Грековъ.

II. Христіанская религія (*), съ ея символами

(*) Говоря о религіи новыхъ народовъ, Авторъ вездѣ разумѣетъ религію *Римско-Католическую*. *Прим. Перев.*

и таинствами, представила изобрѣтательному генію среднихъ вѣковъ предметы для многихъ празднествъ и церемоній, коихъ созданіе часто величественно, часто прекрасно. Сіи празднества, въ самой торжественности своей были перемѣшаны съ веселостью и сатирическими чертами, которыя справедливо могутъ быть отвергаемы нынѣшнимъ вкусомъ нашимъ, которыя умъ нашего вѣка можетъ почитать оскорбленіемъ священныхъ предметовъ, но тѣмъ не менѣе это было, во времена не столь высокаго просвѣщенія. При основаніи сихъ церемоній господствовала даже мысль, истинно философическая: мы раскрыли характеръ оной, сказавъ выше сего нѣсколько словъ о древнихъ сатирическихъ праздникахъ и отношеніи оныхъ къ театру. Слѣды грубости, цинизма, пошлость выраженія, даже духъ подробностей, относятся къ исполненію и вовсе не касаются основанія предмета. Кто умѣетъ цѣнить таланть Рабеле и постигать его, такъ сказать, сквозь грубую, покрывающую его кору, тотъ долженъ признать въ шутовствахъ среднихъ вѣковъ печать генія, похожаго на геній Мёдонскаго разскащика. Однакожь безпрестанныя насмѣшки сего послѣдняго надъ священными предметами, показываютъ худо скрываемую ненависть, между тѣмъ какъ въ упомянутыхъ сатирическихъ празднествахъ, священное, хотя и пародируемое языческимъ, остается предметомъ глубочайшаго ува-

женія и со славою выходитъ изъ испытанія, которое служитъ ему подкрѣпленіемъ, свидѣтельствуя о его достоинствѣ самымъ блестящимъ образомъ.

Мистеріи нашей религіи, перенесенныя новыми народами на драматическую сцену, имѣютъ характеръ аллегорическій и религіозный, сохраненный подъ самою поэтическою формою въ Испанскихъ *Autos sacramentales*, въ числѣ коихъ находится нѣсколько превосходныхъ созданій возвышеннаго Кальдерона. Кромѣ религіозныхъ предметовъ, основывающихся на таинствахъ Троицы, воплощенія Іисуса Христа, и на Богочтеніи Пресвятой Дѣвы, нѣкоторыя нравственныя идеи объ искушеніи человѣка, представленныя въ борьбѣ двухъ началъ, даютъ понятіе о подробностяхъ поэмъ. Борьба происходитъ между ангеломъ хранителемъ и дьяволомъ; утверждающій побѣждаетъ отрицающаго; послѣдній насмѣхается, уклоняется, старается возбудить страсти людей, дабы совратить ихъ съ настоящаго пути. Одинъ—нѣжный и сильный, милующій и карающій, всегда благородный, простой, трагическій, иногда романическій своимъ характеромъ: это символъ Божественной любви и братскаго попеченія о родѣ человѣческомъ. Другой, шутливый, безстыдный, веселый, комическій, забавный, ненавидящій, злой, безобразный; насмѣшливое лицо его заимствуетъ нѣчто отъ страшнаго вида головы Медузиной; черты его странны и строги,

ужасны и вмѣстѣ несообразны. Таковъ вообще основный характеръ сего рода сочиненій. Они часто представляютъ разительное сходство съ театральными представленіями языческихъ мистерій, хотя ими преобладаетъ совсѣмъ другой духъ. Всего хуже въ нихъ аллегорическіе разговоры между добродѣтелями и пороками: эти олицетворенія бываютъ всегда холодны, потому что они отвлеченны; они должны быть приводимы въ дѣйствіе въ видѣ Божества, человѣка или дьявола, дабы сдѣлаться занимательными, а это невозможно, какъ скоро ихъ называютъ существенными именами.

Мистеріи, съ ихъ нравственными аллегоріями, остались только въ Испаніи, гдѣ родъ сей, освобожденный отъ всего, что было въ немъ холоднаго и грубаго, сохранилъ свой глубокій характеръ и идеальную таинственность. Такъ-же какъ въ другихъ театральныхъ сочиненіяхъ сей страны, всѣ слишкомъ рѣзкія противоположности, слишкомъ сильныя противодѣйствія, которыя разумъ Шекспира всегда выставляетъ впередъ, потому что онъ слѣдуетъ другимъ даннымъ, были еще смягчены въ Autos sacramentales Пиренейскаго полуострова. Въ нихъ трагическое строго; комическое часто дышетъ тонкою ироніею, но положенія не глубоко обдуманы въ ихъ тайныхъ изгибахъ и только мистическая развязка даетъ общности сихъ сочиненій истинное ихъ значе-

ніе. Сочиненія Кальдерона принадлежатъ къ самымъ возвышеннымъ, нѣжнымъ и прелестнымъ созданіямъ ума человѣческаго. Въ семъ случаѣ мы совершенно согласны съ мнѣніемъ двухъ знаменитыхъ братьевъ Шлегелей, разбиравшихъ сочиненія Кальдерона.

Фаустъ Гётевъ и Донъ Жуанъ Мольеровъ (послѣдній заимствованъ изъ Испанскаго театра), суть истинныя мистеріи, заключающія въ себѣ мысль глубочайшую: они совершенно входятъ въ составъ первобытныхъ категорій религіозной поэзіи. Надобно признаться однакожъ, что Французскій писатель не сознавался самъ себѣ истиннымъ образомъ въ высокомъ достоинствѣ предмета, который обработалъ онъ съ удивительнымъ умомъ, но не столь поэтически, какъ требовалъ того сей предметъ. Лордъ Байронъ недавно открылъ намъ, въ своемъ Каинѣ, какое сокровище поэзіи скрывалось въ этомъ родѣ, совсѣмъ не кстати забытомъ. Еще Данте, въ своей Divina Comedia, часто приближался къ драматической формѣ, потому что она совершенно удобна для подобныхъ предметовъ. Доказательствомъ справедливости сего мнѣнія служитъ то, что Мильтонъ и Клопштокъ, облекшіе сіи предметы въ чисто эпическую форму, являютъ менѣе движенія и жизни, до такой степени, что послѣдній впадаетъ въ однообразіе, не взирая на возвышенный тонъ своего сочиненія. О Мильтонѣ доказано,

что сей знаменитый пѣвецъ нашелъ идею своего предмета въ одной изъ множества мистерій, которыя въ семнадцатомъ вѣкѣ были еще представляемы въ Италіи.

Мы видѣли, что роль комическая, вышедши у древнихъ изъ сферы существъ сверхъестественныхъ и перенесшись въ среду человѣческаго рода, сдѣлалась существеннымъ удѣломъ толпы, по волѣ поэтовъ. Такъ театръ Аристофановъ представляетъ народъ самовольнымъ и вмѣстѣ безсильнымъ повелителемъ; такъ театръ Индійскій показываетъ его шутливымъ совѣтчикомъ, забавнымъ властителемъ, представляющимъ роль мудрости: онъ управляетъ колесницею государя, не прикасаясь къ кормилу государственному. Низшіе классы общественные, въ отношеніи къ высшимъ, играютъ роль духа отрицанія; они сильно и зло критикуютъ правительство; народная пословица: *Гласъ народа, гласъ Божій*, справедлива только до того времени, покуда народъ не отдѣляется отъ властителя: но это было въ Аѳинахъ, и народъ подвергся лозѣ Аристофановой. Сервантесъ, въ лицѣ Санчо-Пансы, схватившъ эту пародію высшаго общественнаго порядка, которую Ла-Манчскій герой выражаетъ такъ забавно и вмѣстѣ благородно, воспользовался ею истинно неподражаемо. Шекспиръ, въ своемъ Фальстафѣ, представляетъ ту-же картину и также въ уди-

вительной, хотя и совершенно различной формѣ. Впрочемъ, въ творческой силѣ онъ состязается съ Испанскимъ Авторомъ.

Въ новомъ театрѣ, комическая роль не надолго была исключительно предоставлена дьяволу и подобнымъ сверхъ-естественнымъ существамъ. Она испытала здѣсь такую-же перемѣну, какъ на театрѣ древнихъ, и послужила маскою, подъ которою стали представлять народъ. Какъ сатира величія и противоположность высшихъ классовъ, она была назначена преподавать мудрость подъ одеждою дурачества. Наконецъ, подъ всѣми видами, въ какихъ поэты употребляли это лицо, оно служило имъ пріятною, нѣжною и забавною пародіею, или насмѣшливою каррикатурою пороковъ и недостатковъ ума человѣческаго и общественнаго порядка; однимъ словомъ, характеръ сей былъ понятъ новыми съ такимъ-же талантомъ, какъ и поэтами первобытной комедіи.

Лицо сіе являлось на сценѣ сообразно народному духу и особенно сообразно тому, къ югу или къ сѣверу Европы принадлежали сами поэты. Въ Италіи и въ Испаніи, маски и другія комическія лица являютъ болѣе пріятности; въ Германіи и особенно въ Англіи, они глубокомысленнѣе поняты: это мнѣніе мы подтвердимъ различными примѣрами.

У Латинцовъ существовала только подражательная поэзія. Они поставляли себѣ образцами или

позднѣйшую Аттическую комедію, изобрѣтенную Филемономъ и Менандромъ, и предназначенную, подобно театру нашего времени, для изображенія сценъ домашней жизни, или, иногда, подражали поэтамъ Александрійскимъ и изобрѣтеннымъ ими формамъ, чуждымъ генію первобытныхъ Греческихъ сочиненій. Однакожь нѣкоторыя сатирическія пѣсни и комическія представленія, гдѣ являлись характерныя маски, насмѣхавшіяся надъ пороками и смѣшными сторонами природы человѣческой, принадлежали имъ собственно. Эти представленія, извѣстныя подъ именемъ Ателлановъ, были фарсы, но они дышали откровенною, искреннею, совершенно народною веселостью, и посему съ истинною поэзіею имѣли сходства болѣе, нежели сцены изъ домашней жизни, заимствованныя у преобразователей комедіи Аѳинской. Вѣроятно они перешли въ нѣкоторыя празднества, гдѣ господствовали шаловливая веселость и совершенное дурачество. Духъ ихъ сохранялся особенно въ Римѣ, и даже во время христіанства, ибо мы видимъ, что въ продолженіе карнавала, который есть подражаніе Сатурналіямъ, являлись характерныя роли, подъ одеждою новой Италіи напоминающія намъ Ателлаты. Семья Арлекиновъ, Коломбинъ, Пьеро, Спадассиновъ (забіякъ), и другія лица сего разряда принадлежатъ къ тому роду, которымъ обладалъ въ древнія времена Плавтъ.

Маски и гротески Итальянскіе имѣютъ собственное свое достоинство и особенный философическій оттѣнокъ. Впрочемъ, въ нихъ нѣтъ глубокихъ идей, заключающихся въ сатирическихъ лицахъ древняго Греческаго театра, котораго образчикъ остался у насъ въ Аристофанѣ; въ нихъ нѣтъ той оригинальной мысли, какая находится въ дьяволѣ пьесы Фаустъ, нѣтъ духа пьесы Донъ Жуанъ; они даже не приближаются къ оригинальному созданію ума, придворнымъ шутамъ среднихъ вѣковъ, которыхъ Шекспиръ вывелъ на сцену такъ смѣло, а Кальдеронъ такъ прелестно. Но не равняясь ни съ Фальстафомъ, ни съ Санчо-Пансою, они весьма выгодно отличаются отъ холодныхъ аллегорическихъ лицъ, подъ именами пороковъ и добродѣтелей являвшихся въ представленіяхъ мистерій пятнадцатаго вѣка. Духъ различныхъ мѣстностей Итальянскихъ въ нихъ олицетворенъ весьма забавно, и такъ, что каждый изъ народовъ, составляющихъ сію прекрасную часть Европы, показывается въ свою очередь, съ частными своими пороками и смѣшными сторонами, при помощи сихъ неизмѣняемыхъ и, такъ сказать, стереотипныхъ существъ. Какъ жаль, что люди высокіе, каковы Аріосто и Макіавель, подражали комедіямъ Теренція: это было безплодно, потому что въ нравахъ ихъ не было ничего общаго съ Аѳинскими обычаями временъ Менандровыхъ. Почему не рѣшились они овладѣть грубыми

началами Итальянской комедіи и не обработывали ихъ, вспомоществуемые, одинъ своимъ глубокимъ, неисчерпаемымъ талантомъ наблюденія, другой прелестью своей фантастической, прихотливой, но всегда остроумной, милой поэзіи! Только Гольдони и Карло Гоцци старались показать достоинство ролей, о которыхъ говоримъ: первый былъ одаренъ талантомъ гибкимъ, второй воображеніемъ блестящимъ, но оба они мало заботились о своемъ поэтическомъ языкѣ и не углублялись въ свои предметы.

Лица театра Итальянскаго оставались совершенно чуждыми лицамъ Англійскаго и Испанскаго театровъ въ то время, когда сіи послѣдніе процвѣтали совершенно народнымъ образомъ и съ независимостью, истинно иностранною. За то, они съ ранняго времени утвердились въ Германіи, и, впослѣдствіи, даже во Франціи; но, существенно, они успѣли овладѣть только одною за-Рейнскою стороною, и только тамъ одѣлись въ одежду совершенно мѣстную; на здѣшнемъ берегу Рейна (во Франціи) они были подражаніемъ, заимствованнымъ вначалѣ у комедіянтовъ, пришедшихъ изъ Италіи, и никогда не достигли здѣсь такой народности, какъ въ Германіи. Гансвурстъ театра Гансъ Сахсова, Арлекинъ, хотя форма его грубѣе формы оригинала; въ немъ есть мужицкій умъ, обыкновенно означающій практическую мудрость низшихъ классовъ народа. Гансвурстъ занималъ

въ народѣ шу-же роль, какую при дворахъ государей играли шуты, то есть онъ говорилъ истину подъ видомъ глупости и въ награду получалъ деньги и палочные удары, а самъ, мимоходомъ, хлесталъ бичемъ неумолимой сатиры. Въ народномъ театрѣ Южной Германіи, гдѣ праздники имѣютъ уже нѣчто одинакое съ Итальянскими праздниками, другія лица и другіе гротески, подъ характеристическими чертами, изображаютъ пороки и смѣшныя стороны различныхъ мѣстностей. Тамъ всегда есть роль плутоватаго крестьянина, закрытаго личиною простоты и глупости, но явнѣе, нежели напримѣръ во Французскомъ театрѣ, сдѣлавшагося характернымъ лицомъ. Въ числѣ сихъ шутливыхъ лицъ находятся многочисленные Липперле, Касперле, Бауерле, забавляющіе народы Австріи. Правда, что все это еще очень грубо; но было-бы несправедливо не признать, что здѣсь заключается истинно комическій элементъ.

Никогда поэтическій міръ не былъ свидѣтелемъ такихъ смѣшныхъ, забавныхъ сценъ, какъ во время торжественнаго отверженія *Гансвурста*, Арлекина ярмарочнаго театра въ Германіи: оно было произнесено знаменитымъ Готшедомъ, одинъ вѣкъ назадъ предписывавшимъ законы раждавшемуся Парнассу своего отечества. Готшедъ и педантка его супруга рѣшились очистить въ одинъ день городъ Лейпцигъ отъ простонародныхъ грубостей, оскор-

блявшихъ ихъ вкусъ. Они изгнали Пьеро, Коломбину и всю ихъ важную семью, такъ, что судейскою властію Университетскаго Ректора, рѣшительно было запрещено народу смѣяться и забавляться. И въ самомъ дѣлѣ на Сѣверѣ Германіи Арлекины исчезли какъ-бы отъ удара молніи, и не являлись снова до тѣхъ поръ, когда нѣкоторые умные люди увидѣли все смѣшное этого событія. Юстусъ Мозеръ, одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ Историковъ и славнѣйшихъ публицистовъ новаго времени, не боялся уронить свою важность, иронически защищая несчастныхъ отверженцовъ, сначала едва осмѣливавшихся показываться, не смотря на столь торжественную защиту: такъ испугалъ ихъ педантизмъ и гнѣвъ преслѣдователя. Наконецъ Гёте, и еще позднѣе его Тикъ, облагородствовали сей родъ, сблизивъ его съ сатирическою драмою Аристофана и употребивъ въ пьесахъ, болѣе или менѣе коротких, но забавныхъ въ высочайшей степени.

Во Франціи лица сіи были выведены на сцену чрезвычайно остроумно, весело и прелестно, въ пьесахъ, сочиненныхъ для театровъ, такъ называемыхъ ярмарочныхъ, гдѣ отличались Лесажъ, Легранъ, Фюзелье, и нѣкоторые другіе: ихъ пьесы эфемерны, но онѣ конечно стоятъ гораздо болѣе, нежели куча приправленныхъ сентенціями драмъ, которыми хотѣли ихъ замѣнить. Впрочемъ водевиль, приспособляющійся къ народнымъ напѣвамъ

и близко соединенный съ общественною жизнью Французовъ, долженъ былъ одержать верхъ надъ этимъ родомъ, пересаженнымъ изъ Итальянской земли въ чужую почву.

Въ Испанскомъ театрѣ, комическое лицо, такъ сказать, *идеализировано*. Изъ него сдѣлали характеръ остроумный, забавный, очищенный отъ всѣхъ грубостей, но за то и вовсе лишенный глубокости оригинальной роли. Граціозо, въ пьесахъ Кальдерона, шутитъ пріятно; самые пороки его не возбуждаютъ негодованія. Его плутовство и сатирическій юморъ не увеличены, не усилены въ отношеніи къ самому характеру; его веселость есть пародія строгаго умонаправленія Испанцовъ, блестящаго въ лицахъ высшихъ званій; его трусость составляетъ противоположность съ честолюбивою гордостью сценическихъ героевъ и героинь, но она не презрительна въ глазахъ нашихъ; однимъ словомъ, въ его характерѣ есть какая-то младенческая злость и слабость, а это не можетъ возбудить никакого ощущенія, кромѣ снисходительности.

У Шекспира придворный дуракъ является весьма различно. Въ комедіяхъ Шекспира, отличающихся чѣмъ-то южнымъ въ краскахъ и тонѣ, и дышащихъ совершенно фантастическимъ юморомъ, соединеннымъ съ легкимъ и блестящимъ воображеніемъ, онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Граціозо пьесъ Кальдероновыхъ; но Британскій по-

этъ, по своему обычаю, для начертанія сего характера глубоко изучилъ человѣческую природу. Дураки его трагедій, напримѣръ дуракъ, играющій столь страшную и трогательную роль въ *Королѣ Лирѣ*, есть творческое лицо, по глубокости своей безпримѣрное. Никогда, можетъ быть, въ Шекспирѣ нѣтъ столько трагическаго, какъ въ то время, когда онъ смыкаетъ губы и на устахъ его скользитъ горькая улыбка при взглядѣ на слабое человѣчество. Такъ, когда онъ шутитъ со смертью и смотритъ на жизнь какъ на драму, разыгрываемую человѣкомъ въ качествѣ важнаго дурака, окруженнаго всею наружною важностью—его дуракъ, выведенный для смѣха, становится истиннымъ мудрецомъ пьесы, столь-же глубокимъ по своему уму и внутренней мысли, сколько страстный герой легокъ и легкомысленъ въ глубинѣ души своей. Изъ всѣхъ писателей, одинъ Шекспиръ сдѣлалъ сей характеръ истинно-высокимъ и умѣлъ трогать насъ до слезъ его покорностью и вмѣстѣ заставлять смѣяться, стенать и мыслить при звонѣ гремушекъ дурачества.

Здѣсь я долженъ упомянуть о соединеніи трагическаго съ комическимъ, особенно замѣчательномъ въ Шекспировомъ театрѣ, одномъ, истинномъ представителѣ театра Англійскаго. Братья Шлегели уже разсматривали сей вопросъ; но на обширномъ полѣ изученія искусства, идя по слѣдамъ ихъ, можетъ быть найдемъ и мы еще нѣчто.

Въ Англіи простолюдины-критики думали, что Шекспиръ хотѣлъ только подражать природѣ: и справедливо привлекли они на себя извѣстный отвѣтъ Вольтера, впрочемъ нисколько не понимавшаго генія Англійскаго поэта. Неоспоримо, что Авторъ столькихъ изящныхъ сочиненій приближался къ народной формѣ отечественнаго театра его времени, гдѣ трагическое и комическое было смѣшано, вслѣдствіе той-же причины, которая прежде имѣла вліяніе на представленіе мистерій. Шекспиръ совершилъ это соединеніе двухъ элементовъ, по видимому разнородныхъ, желая какъ можно болѣе развить искуство, а искуство, для надлежащаго уразумѣнія онаго, должно быть опредѣляемо не по ограниченному мѣрилу второй эпохи Греческаго театра, гдѣ роды были раздѣлены по теоріи изящнаго, собственно принадлежавшей Грекамъ. Англійскій поэтъ представлялъ въ картинѣ жизни, и печальную существенность, и забавную пародію мірскихъ дѣлъ, иногда созидая, иногда разрушая свое зданіе и облекая, все цѣлое, своею высшею мыслью, сдѣлавшеюся великою ироническою цѣлью его сочиненій, вмѣстѣ разсматриваемыхъ. Никогда, ни одинъ поэтъ не отдавалъ самому себѣ столь вѣрнаго отчета, какъ возвышенный Шекспиръ: но невѣроятная глубокость его мыслей была причиною множества ложныхъ сужденій объ истинной его природѣ, и, кажется, нарочно вела его крити-

ковъ къ тому, чтобы они пали жертвою передъ раздраженною тѣнью великаго, какъ извѣстныя животныя, нѣкогда приносимыя во всесожженіе на алтаряхъ Аполлона Гиперборейскаго.

Легенды или житія святыхъ мужей, писанныя въ драматической формѣ и представляющія борeніе двухъ противоположныхъ началъ добра и зла, не могли развиться поэтически и освободиться отъ своей первобытной грубости въ сѣверныхъ странахъ, обратившихся къ Протестантству. Но мы видимъ въ Autos sacramentales Кальдерона, какого идеальнаго совершенства могли достигнуть сіи сочиненія; Поліевктъ великаго Корнеля показываетъ, какъ счастливо могли быть примѣнены подобные предметы къ театру, установившему различіе родовъ на правилѣ вкуса, чуждомъ генію древности. Въ наше время Нѣмецъ Тикъ снова ввелъ легенду на театръ своего народа, въ произведеніяхъ, дышащихъ простотою истинно-оригинальною, напоминающею иногда слогъ Лафонтена, иногда Миннезингеровъ, пѣвцовъ любви въ средніе вѣка. Однакожъ сочиненія сіи назначены болѣе для чтенія, нежели для представленія, слѣдственно противны цѣли драматическаго искусства.

ОТРЫВОКЪ

изъ поэмы Лорда Байрона: ДОНЪ ЖУАНЪ.

(Начало 1-й пѣсни.)

I.

Героя нужно мнѣ; но, странно!
Какъ для меня героя нѣтъ,
Когда, что день, труба газетъ
О нихъ звучитъ и такъ пространно?
Конечно, послѣ, вѣкъ другой
Найдетъ, что это не герой.
Такихъ людей я нѣтъ не стану:
Я лиру посвящу Жуану,
Прославлю друга моего.
Мы видѣли его заранѣ,
Послали къ чорту: ничего!
Я стану цѣнить о Донъ Жуанѣ.

II.

Мясникъ извѣстный Кумберландъ,
Говъ, Гевкъ, Вернонъ, Принцъ Фердинандъ,
Вольфъ, Гренби, Кеппелъ, и Бургоинъ,
Тотъ благороденъ, тотъ подленъ,
И все-же каждый наконецъ,
Явился похвалы достоинъ,
И каждый въ родинѣ своей
Былъ прапорщикъ, какъ Веллеслей.

Считая жизнь и смерть забавой,
Ища извѣстности пустой,
Они весь вѣкъ гнались за славой,
Всѣ дѣти матери одной.
Французамъ, Нѣмцамъ участь таже:
Клооцъ, Даншонъ, и Ланкъ, и даже
За тысячу мы видимъ лицъ,
Въ *Débats* имѣютъ сто страницъ.
Тамъ каждый вознесенъ по мѣрѣ:
Отъ славы люди въ забытьѣ,
Но Бонапартъ и Дюмурье
Имѣютъ мѣсто въ Монитерѣ.

III.

Барнавъ, Бриссо и Лафайетъ,
Маратъ, Петьонъ, и Кондорсетъ —
Французамъ, Рускимъ, повсемѣстно,
Ихъ имя сдѣлалось извѣстно.
Есть очень много и другихъ,
Людей безчестныхъ и честныхъ,
Которыхъ имя не забыто
И лаврами чело увито.
Моро, Жуберъ, Дезе, Марсо,
Прославлены народнымъ плескомъ,
Увѣнчаны хвалой и блескомъ,
И въ храмѣ вѣчности; но все,
Нуждаясь не въ такомъ героѣ,
Я всѣхъ оставлю ихъ въ покоѣ.

IV.

Британскимъ Марсомъ былъ Нельсонъ
Былъ Марсомъ и теперь-бы онъ:

Но ходъ вещей перемѣнился;
Теперь на что уже морякъ?
Все иначе, и все не такъ:
Въ Нельсона урнѣ погрузился
И Трафалгаръ. Временъ рѣка
Уноситъ быстро все въ природѣ;
Теперь ужь не морскія въ модѣ,
А сухопутныя войска.
Его Величество ужасно
Солдатъ и коней полюбилъ,
Нельсона-жь, впрочемъ и напрасно,
Съ Дунканомъ, съ Говомъ позабылъ.

V.

Передъ Агамемнономъ мало-ль
Достойныхъ родилось людей?
И послѣ, славныхъ не бывало-ль,
Безстрашныхъ мудростью своей?
Еще прибавлю я къ тому-же,
О сходствѣ лицъ не говоря,
Что были многіе не хуже
Сего Микенскаго Царя:
Но не печатались газеты,
О нихъ не вспомнили поэты,
И—позабылъ ихъ цѣлый свѣтъ.
Я никого не унижаю,
Но лучше Донъ Жуана, знаю,
Героя для поэмы нѣтъ.

VI.

Горацій, тотъ, что очень ѣдко
Насъ судитъ, но имѣетъ вѣсъ,

Сказалъ, что эпики не рѣдко
Впадаютъ *in medias res*.
Герой, подъ видомъ эпизода,
Что было прежде, говоритъ,
И пообѣдавши сидитъ
Въ саду, подъ липкой огорода,
Съ любовницею во дворцѣ,
Начало ставя на концѣ.

VII.

Но это страхъ обыкновенно!
Любя началомъ начинать,
Хочу не ту методу взять:
Къ концу дойду я постепенно,
Хотя-бы въ полчаса, хоть въ часъ,
Со всѣми познакомлю васъ;
Мнѣ должно къ исполненью плана
О всемъ: о матери Жуана
И объ отцѣ поговорить.
Сюда не входятъ отступленья,
И, съ вашего я позволенья,
Намѣренъ къ дѣлу приступить.

VIII.

Жуанъ былъ родомъ изъ Севиллы —
Какъ всѣ окрестности тамъ милы!
Въ отчизнѣ пламенной его
Прелестны горы и долины,
Но, ахъ! прелестнѣе всего
Красавицы и апельсины.
Тотъ жалокъ — такъ народъ сказалъ —
Въ Севиллѣ кто не побывалъ,

И это тамъ твердятъ всечасно ,
А гласъ народа — Божій гласъ !
Въ Севиллѣ побывать прекрасно,
Я въ этомъ увѣряю васъ.
Воображенье разогрѣто
Пылающей красою тамъ ;
Хоть Кадиксъ , можетъ быть. . . но это
Рѣшить я предоставлю вамъ.

IX.

Его родитель Жозомъ звался ,
Донъ Жозомъ ; онъ Гидалго былъ —
Кто благородствомъ съ нимъ равнялся !
Сей мужъ , какъ предки , не любилъ
Непозволительныхъ смѣшеній
Съ Испанскимъ чуждыхъ поколѣній.
Сей славный мужъ происходилъ
Отъ Готѳовъ истинно Испанскихъ;
Онъ ставилъ родъ важнѣй любви ,
И не было въ его крови
Израильскихъ иль Мавританскихъ
Частицъ. Вы можете судить ,
Каковъ былъ Жозъ , отецъ Жуана ,
Отецъ. . . но погодите, рано
Еще объ этомъ говорить.

X.

А мать по пальцамъ всѣ науки
И всѣ таланты перечла ;
Въ Лоретту ѣздила отъ скуки
И мудрой дамою слыла.

Въ ней дарованья всѣ являлись;
Съ ея ученостью равнялись
Лишь добродѣтели ее.
Предъ ней ничтожество свое
Враги публично находили,
И зависти скрывая видъ,
Другъ другу громко говорили,
Что всѣмъ она сосѣдямъ стыдъ.

XI.

У ней была не память — чудо!
Неисчерпаемый родникъ.
Монтань сказалъ, что это худо,
Но въ этомъ виноватъ старикъ.
Лопецъ де-Вегу, Кальдерона,
Хоть первый ужасъ-какъ великъ,
Такъ наизусть узнала Донна,
Что если-бъ иногда актёръ,
Запутался и началъ вздоръ,
Она суффлёра-бъ роль сыграла,
И все безъ книги подсказала.

XII.

Изъ всѣхъ наукъ, какія есть,
Къ математическимъ пристрастна;
Поступками измѣривъ честь,
Къ порокамъ женскимъ непричастна:
Умомъ аттическимъ сильна,
Великодушія полна,
Какъ рыцарь вѣчно благородна,
Какъ вѣтеръ мыслями свободна,

И, воспаряя до небесъ,
Она въ рѣчахъ была отважна,
Двусмысленна и вѣчно важна;
Короче — чудо изъ чудесъ!
Не знаю, по какой причинѣ,
Была въ камлотѣ поутру,
А въ гроденаплѣ ввечеру,
Не рѣдко-жь лѣтомъ въ муселинѣ,
Зимой въ матеріяхъ другихъ —
Инымъ названье очень чудно,
Но подобрать мнѣ рифмы трудно,
И такъ — я умолчу о нихъ.

XIII.

Она Латинь довольно знала,
И *Патеръ Ностеръ* весь читала;
Хоть меньше, въ Греческомъ она,
Какъ говорятъ, была сильна;
Но какъ строку Лопецъ де-Веги,
Отъ альфы даже до омеги,
Всю азбуку, какъ дважды два,
Прочла-бы вамъ, по крайней мѣрѣ,
И знала наизусть едва
Не строчку цѣлую въ Гомерѣ,
Въ ученье вдавшись далеко.
Хоть выговоръ имѣлъ изьяны,
Она Французскіе романы
Читала — это не легко!

XIV.

Еврейскій, Англійскій любила,
И въ корень такъ узнала ихъ,

Что аналогію открыла
Большую очень въ обоихъ:
Она намъ это подтвердила
Отрывками изъ книгъ святыхъ,
А я предоставляю свѣту,
Какъ истину отвергнуть эту.
Всегда въ сужденіяхъ горда,
Она не даромъ никогда
Цѣны всѣмъ древнимъ не давала:
« Всѣ были нехристи они,
« Развратники! » — мнѣ повторяла,
Когда мы были съ ней одни.

XLII.

« Овидій прославлялъ Зевеса,
И Августа, и тьму боговъ,
И видно изъ его стиховъ,
Что онъ шалунъ, что онъ повѣса.
Найдите Фердинанда въ нихъ,
Иль Германдаду? Ни полслова
О Папѣ Піѣ, о другихъ...
Я бить его за то готова;
Читать стихи его — бѣда!
Анакреонъ — хоть иногда
И милъ — но лакомъ до красавицъ;
Мнѣ больше-бъ нравился Тибуллъ,
Когда-бъ не Лезбія... Катуллъ!...
Вотъ грѣховодникъ, вотъ мерзавецъ! »

XLIII.

« А Сафо? этотъ гимнъ одинъ —
Пускай онъ нравится Лонгину,

Я знаю лучше, чѣмъ Лонгинъ,
Его читать не дамъ я сыну.
Виргилій чище, глаже слогъ,
Его читать-бы сынъ мой могъ;
Но что-жь? Скажите, ради Бога,
Вотъ эта гнусная эклога,
Которую такъ началъ онъ:
« *Formosum Pastor Corydon!* »

XLIV.

Такъ Донна часто говорила,
Превыше будучи всего:
Она изъ виду ничего,
Какъ кажется, не проронила,
И глядя на весь міръ вблизи,
Она и золото въ грязи,
И пятна въ солнцѣ находила;
Среди неизмѣримыхъ думъ
Являла намъ изящный умъ;
Короче: всѣмъ была задачей,
Ее не знали, какъ понять,
И можно-бы ее назвать —
Энциклопедіей ходячей.

Н. Маркевичъ.

ЭПИГРАММА.

Журналами обиженный жестоко,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко;
На Цензора вотъ подалъ онъ доносъ;
Но Цензоръ правъ, намъ смѣхъ, Зоилу носъ.
Иная брань конечно неприличность,
Не льзя писать: *Такой-то-де старикъ*
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золь и подлъ: все это будетъ личность.
Но можете печатать, напримѣръ,
Что Господинъ Парнасскій старовѣръ
(Въ своихъ статьяхъ) безсмыслицы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
Тяжеловатъ, и даже глуповатъ;
Тутъ не лицо, а только литтераторъ.

А. Пушкинъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЕПИГРАММА.

Хвала, маститый нашъ Зоилъ!
Когда-то Дмитріевъ бѣсилъ
Тебя счастливыми струнами;
Бѣсилъ Жуковскій въ слѣдъ за нимъ;
Вотъ бѣситъ Пушкинъ: какъ любимъ
Ты дальновидными Судьбами!

Трі поколѣнія пѣвцовъ,
Тебя, красой своіхъ вѣнцовъ
Въ негодованье пріводілі;
Пекісь о здравіі своемъ,
Чтобы подобно первымъ шремъ
Другіе шрі шебя бѣсілі.

*

КОКЕТСТВО И ЛЮБОВЬ.

I.

Графъ Славскій къ своему другу.

Наконецъ я на родинѣ!—Но не радуйся за меня, мой другъ: я не нашелъ здѣсь того счастія, которое ожидалъ найдти. Знаю, что послѣ того нетерпѣнія, съ какимъ я желалъ ѣхать въ отпускъ, послѣ тѣхъ разговоровъ съ тобою, въ которыхъ съ такимъ восхищеніемъ описывалъ я Людмилу, тебѣ кажется это странно; но что дѣлать? Человѣкъ на то созданъ, чтобъ безпрестанно обманываться въ надеждахъ! Слушай, мой милый, и горюй вмѣстѣ со мною.

Въ седьмой день послѣ нашей разлуки (ты можешь представить себѣ, что я не жалѣлъ денегъ ямщикамъ на водку), часа въ три послѣ обѣда, я увидѣлъ мѣсто, къ которому стремился душою. Еще издали блеснулъ крестъ сельской коло-

кольни, и изъ обнаженной рощи, показалась бѣлая, покрытая снѣгомъ кровля, подъ которой жили существа, мнѣ любезныя. Сердце мое сильно забилось; сладкія воспоминанія наполнили душу, и три года отсутствія, казалось, совершенно исчезли въ моей жизни... Пріятно возвратиться на родину, когда надѣемся тамъ найдти людей близкихъ и милыхъ намъ: мать, сестру, и еще кого нибудь, кто, по сильному закону природы, милѣе для насъ самыхъ кровныхъ; но какъ-же и грустно въ самомъ этомъ человѣкѣ увидѣть перемѣну! Ты удивляешся еще больше? Какъ быть: это моя участь!

Глядя на знакомые мнѣ предметы, вспоминая прошедшее, и съ темнымъ волненіемъ угадывая будущее, я подъѣхалъ къ родному прагу. Колокольчикъ заставилъ встрепенуться домашнихъ; кто бросился на лѣстницу, кто къ окошкамъ; въ одну минуту разнеслось по дому, что я пріѣхалъ, и множество радостныхъ лицъ выбѣжало ко мнѣ на встрѣчу. Но я по какому-то чувству медлилъ выходить изъ саней... Знаю, что Людмила никакъ не могла (если-бъ даже и хотѣла) встрѣтить меня у крыльца; но кажется сердце мое, вопреки разсудку, этого желало. Наконецъ, я опомнился; однако-жь по лѣстницѣ шелъ очень тихо — все какъ будто-бы чего-то ожидая. Въ сѣняхъ встрѣтила меня старшая сестра. «Чего-бы лучше, вмѣстѣ съ нею!»—подумалъ я; но ея

всё не было и сердце мое рѣзало, какъ ножемъ. Добрая сестра подумала, что я боленъ, и я въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что измучился отъ дороги. Рука въ руку, вошли мы съ ней въ залу. Матушка заплакала отъ радости, увидѣвъ меня. Людмила казалось также была пронута; я подошелъ къ ней; рука ея дрожала, щеки вдругъ загорѣлись. Тутъ мнѣ стало легче, но только на одну минуту.

Послѣ первыхъ объятій, вопросовъ и отвѣтовъ, обыкновенно бывающихъ при свиданіи, мы наконецъ поуспокоились и усѣлись. Матушка распрашивала о моей службѣ, радовалась, что я произведенъ въ Корнеты, и, какъ водится, любовалась мною. Одна Людмила не принимала участія въ разговорѣ. Во все время она была молчалива и задумчива; тысячу разъ сбирался я заговорить съ ней, но никакъ не собралъ духа. Казалось, что какая-то тайная грусть лежитъ у ней на сердцѣ. Но не ужели свиданіе со мною не могло развеселить ее, хоть на нѣсколько времени? Не ужели она въ эту минуту могла думать о чемъ нибудь другомъ?

Не ужасно-ли, послѣ трехъ-лѣтней разлуки, въ первые два часа свиданія, не слыхать ни одного слова, не видать ни одного взгляда любви, отъ той, которою я только и жилъ, эти три длинные года, и которою жить буду кажет-

ся, цѣлый вѣкъ? Ты скажешь, что присутствіе другихъ мѣшало ей. Ахъ! другъ мой, какъ ты ошибешься! Развѣ не было у насъ прежде языка, понятнаго только намъ однимъ, и которымъ могли говорить мы въ присутствіи тысячи свидѣтелей? Нѣтъ, я вижу ясно перемѣну ужасную! Съ какою милою радостью встрѣчала она меня всякое утро, всякій разъ, когда я входилъ въ комнату! однимъ взоромъ высказывала она мнѣ всѣ чувства души своей. Тогда она была такъ близка ко мнѣ; казалось, я одинъ замѣнялъ ей друзей, семейство, цѣлый міръ!.... А теперь мы такъ чужды, такъ далеки другъ отъ друга, какъ-бы все еще были за тысячу верстъ, которые я проѣхалъ.

За ужиномъ, я хотѣлъ занять мое прежнее, всегдашнее мѣсто—подлѣ нея; но она посадила на свой стулъ десяти-лѣтнюю сестру мою. «Сядь, миленькая, возлѣ братца» сказала она, «ты давно не видала его.» Малютка исполнила это съ дѣтской радостью, и я поцѣловалъ ее съ такимъ чувствомъ, какъ будто желалъ отмстить тѣмъ Людмилѣ... не странно-ли сердце влюбленнаго!..

Наконецъ, наступила минута, которой я ждалъ и боялся. Послѣ ужина, матушка и старшая сестра вышли, и мы съ Людмилой остались въ гостиной одни. Сердце мое сильно билось.

Людмила сидѣла устремивъ взоръ на работу, которая, какъ мнѣ казалось, дрожала въ рукахъ у нея; я ходилъ по комнатѣ, не могъ выговорить ни слова, и не зналъ, чѣмъ начать разговоръ. Между тѣмъ маленькая сестра играла съ собачкой. Желая прекратить молчаніе, и не придумавъ ничего лучшаго: «Счастливый возрастъ,» сказалъ я, посмотрѣвъ на нее «какъ-бы я хотѣлъ возвратить его себѣ! Даже хотѣлъ-бы только возвратить послѣдніе три года моей жизни!» —Я сама завидую дѣтямъ, отвѣчала Людмила, не поднимая глазъ и какъ-бы не слыхавъ послѣднихъ словъ моихъ.—Тогда сердце не знаетъ принужденія. Но—прибавила вздохнувъ—сколько-же и глупостей дѣлаемъ мы въ то время!—Я хотѣлъ продолжать, хотѣлъ высказать все, что у меня лежало на сердцѣ, но тутъ вошла матушка и помѣшала намъ. Мнѣ стало еще грустнѣе. Я не слыхалъ что говорятъ, не понималъ о чемъ меня спрашиваютъ, отвѣчалъ не въ попадъ и, наконецъ, сказавъ, что усталъ отъ дороги, поспѣшилъ уйдти въ свою комнату, чтобъ на свободѣ подумать обо всемъ мною видѣнномъ и съ горя написать къ тебѣ.

Я всё ожидалъ, что Людмила, покрайней мѣрѣ въ ту минуту, когда мы останемся одни, обнаружитъ чувства свои; но она не удостоила меня даже и взглядомъ... сказала только какой-то логогрифъ, котораго я не понимаю. Жалѣя о

прошедшемъ, она называетъ вмѣстѣ съ пѣмъ прежніе поступки свои глупостями—по крайней мѣрѣ я такъ догадываюсь изъ словъ ея — отъ чего-же это? . . Но я такъ смущенъ, разстроенъ, утомленъ, что ничего теперь не могу сообразить хорошенько. Завтра буду продолжать письмо мое и, можетъ быть, что нибудь узнаю . . . .

Тревожимый думами и догадками, перевернувшись разъ сто съ боку на бокъ, я заснулъ наконецъ вчера, но сонъ мой походилъ на горячку, а пробужденіе было такъ горестно, что я не зналъ, куда мнѣ дѣваться. Въ домѣ всѣ еще спали; я пошелъ бродить, и чтобъ чѣмъ нибудь занять себя, вздумалъ посмотрѣть матушкиныхъ лошадей и экипажи. Вхожу въ сарай и первый предметъ, попавшійся мнѣ въ глаза, была карета, въ которой мы ѣздили въ Петербургъ и привезли съ собою Людмилу, когда матушка взяла ее изъ пансіона. Въ этой каретѣ началась любовь наша, и при взглядѣ на нее, всѣ подробности счастливаго времени оживились въ душѣ моей. Какъ сильна, мой другъ, какъ прелестна первая любовь! Что значатъ, въ сравненіи съ нею, всѣ глупыя волокитства и несчетныя побѣды нашихъ записныхъ удальцовъ въ этомъ ремеслѣ? Истинная любовь можетъ существовать въ сердцѣ

одинъ только разъ, и я скажу съ любимымъ моимъ поэтомъ:

Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья!
Не прилетаете вы вновь.

Никогда не забуду я блаженныхъ минутъ, которыя доставила мнѣ эта дорога! Мы сидѣли съ Людмилой такъ близко, что каждый толчекъ, каждая качка кареты невольно заставляли насъ касаться другъ друга, и отъ всякаго прикосновенія электрическій ударъ пробѣгалъ по мнѣ. Я видѣлъ, что эти удары сообщались и ей. Легкій румянецъ игралъ на щекахъ ея и грудь волновалась.... Одинъ разъ, когда мы ѣхали ночью, матушка и сестра заснули, но я—могъ-ли я спать? Голова моя пылала, сердце сильно билось. Я осмѣлился взять ея руку; сначала чуть касаюсь ей, потомъ пожимаю, потомъ прикладываю къ губамъ и осыпаю милую ручку поцѣлуями... Людмила мнѣ не противилась, не отнимала руки своей и казалась спящею; но я видѣлъ, что она не спитъ: сильный трепетъ и невольный сладкій вздохъ измѣнили ей... Вотъ каковы женщины! Если Людмила, сама невинность, умѣла въ пятнадцать лѣтъ притворяться, чего-жъ не льзя послѣ этого ожидать отъ другихъ?

Пріѣхавши, я напомнилъ ей эту ночь и узналъ,

что она сама вспоминаетъ о ней съ удовольствіемъ. Не было-ли это яснымъ признаніемъ любви? Съ тѣхъ поръ въ самомъ дѣлѣ сердца наши совершенно понимали другъ друга, чувства наши слились въ одно.

Правда, что я никогда не осмѣливался сдѣлать ей объясненія по *формѣ* (ты знаешь, какъ въ 17 лѣтъ бываемъ мы робки съ женщиной, которую любимъ). Но не ужели, чтобы удостовѣриться въ любви взаимной, должно непремѣнно съ колѣнопреклоненіемъ, тономъ театральнаго героя объявить страсть свою? Нѣтъ, мнѣ кажется, истинная, пылкая любовь предупреждаетъ всякое объясненіе и безъ словъ высказываетъ себя, въ самую ту минуту, когда раждается въ сердцѣ.

Сообразивъ все это и такъ живо вспомнивъ прошедшее, я опять началъ было надѣяться, что вчерашняя холодность Людмилы была принужденная и происходила, можетъ быть, отъ застѣнчивости; однако-жъ и нынче, въ продолженіе цѣлаго дня, видѣлъ все тоже. Людмила перестала любить меня! я почти въ этомъ увѣрился. Она такъ холодна ко мнѣ, какъ ледъ, и равнодушіе ея несноснѣе для меня самой ненависти. Кажется, какъ будто я не существую для нее совершенно и ей все равно, здѣсь-ли я, или нѣтъ, живъ, или умеръ... Такую-ли

встрѣчу ожидалъ я найдти? Думалъ-ли такъ жестоко обмануться?... Не ужели то, что я считалъ любовью, было одно только кокетство? Невозможно! Въ пятнадцать лѣтъ не льзя знать эту науку такъ тонко.

Я бросаюсь изъ одной крайности въ другую: то начинаю думать, что она стала слишкомъ горда, узнавъ цѣну своимъ прелестямъ. Правда, что она удивительно похорошѣла и расцвѣла, какъ пышная роза, и считаетъ меня недостойнымъ своего выбора; то приходитъ мнѣ въ голову, что излишняя скромность напоминаетъ ей разность нашихъ состояній. Но въ первомъ случаѣ говоритъ въ мою пользу—между нами будь сказано—самолюбіе; во второмъ—она знаетъ образъ мыслей моихъ; словомъ, чѣмъ больше я думаю, тѣмъ менѣе понимаю ее. Кажется даже, что она убѣгаетъ случаевъ быть со мною наединѣ. Но я добьюсь этого, во чтобъ то ни стало, буду говорить съ ней откровенно, объясню мои чувства, мысли, намѣренія; напомню прошедшее и тогда—или возвращу его, или—провалюсь сквозь землю.

II.

Капитанъ Шмитъ, къ своему брату.

Давно, любезный братъ, я не писалъ къ тебѣ, да и, правду сказать, писать было нѣког-

да. Мы цѣлые полгода прогуливались, то на работу дорогъ, то въ караулы, и не болѣе мѣсяца какъ остановились на зимнихъ квартирахъ. Теперь, отдохнувъ отъ трудовъ, поустроившись и поосмотрѣвшись, пользуюсь свободнымъ временемъ и хочу поговорить съ тобой.

Здѣсь стоять намъ довольно весело. Ты знаешь, что насъ военныхъ вездѣ любятъ и принимаютъ, какъ не льзя лучше; а въ здѣшнемъ округѣ множество помѣщиковъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, что также имѣетъ свою пріятность. Правда, что я никогда не былъ волокитой; но это отъ того только, что до сихъ поръ не находилъ дѣвушки по своему нраву. Польки казались мнѣ слишкомъ вѣтрены и обхожденіе ихъ всегда меня заставляло краснѣть; въ Русскихъ барышняхъ также не много проку: всѣ почти онѣ слишкомъ расточительны, любятъ наряды и совсѣмъ не хозяйки. А я желалъ-бы, чтобъ жена моя не совѣстилась сходить въ кухню и умѣла-бы приготовить биръ-супъ и гуся подъ капустой. Притомъ-же многія изъ нихъ очень насмѣшливы, а я смерть не люблю насмѣшекъ. По этому-то я и не думалъ о женщинахъ, занимался только службой и ротой моей, и не иначе располагалъ жениться, какъ возвратившись въ Ревель, на какой нибудь доброй и скромной нашей землячкѣ.

Теперь вдругъ мысли мои перемѣнились и весь

планъ пошелъ къ чорту. Служба не занимаетъ меня, рота надоѣла; одна мысль о семейственномъ счастіи вертится безпрестанно въ головѣ моей, и желаніе имѣть поскорѣе жену такъ во мнѣ усилилось, что я даже, говоря съ фельдвебелемъ, называю его: душенька и жизнь моя. А все это отъ того, что я увидѣлъ здѣсь дѣвушку, какой еще никогда не видывалъ: милую, добрую, прекрасную—и по уши влюбился въ нее, не смотря на то, что она Русская.

Верстахъ въ шести отъ моей квартиры, въ прекрасномъ помѣстьѣ своемъ живетъ нѣкто — Графиня Славская, вдова не такъ еще старая, у которой сынъ (онъ служитъ въ гусарахъ) и двѣ дочери: одна невѣста, а другая дѣвочка лѣтъ десяти. Старшая дочь прекрасна, но опять таки мнѣ не годится: во первыхъ потому, что черезъ чуръ богата и слѣдственно въ замужествѣ будетъ разборчива; а во вторыхъ такъ насмѣшлива, что я всегда держу себя отъ нее на благородной дистанціи. Но у Графини живетъ еще воспитанница, Людмила Павловна Лидина. Отецъ ея былъ какой-то чиновникъ, который ходилъ по дѣламъ покойнаго Графа, и притомъ былъ такъ честенъ, что умеръ не оставивъ дочери ни копѣйки. Графиня взяла ее изъ пансіона, куда отецъ ее при жизни отдалъ, воспитала вмѣстѣ съ своей дочерью какъ не льзя лучше, и даетъ въ приданое 20,000. Эта дѣвушка при всѣхъ сво-

ихъ прелестяхъ имѣетъ прекрасную душу, и на ней-то именно я хочу жениться. Самъ однакожь я объяснишься съ ней не рѣшусь, а думаю прежде сдѣлать предложеніе Графинѣ, черезъ одну знакомую мнѣ даму, хотя и увѣренъ почти, что Людмила мнѣ не откажетъ. Богатство ея не огромно, родословнымъ деревомъ она также похвастать не можетъ, слѣдовательно я для нее женихъ хоть куда. Правда, что грѣхъ мнѣ похвастать красотою; но за то мой Капитанскій чинъ, состояніе и мундиръ—такіе магниты для сердца женщины, которые заставляютъ забывать все прочее. Я испыталъ это недавно: невѣста, еще гораздо познатнѣе дѣвицы Лидиной, сама навязывалась мнѣ на шею.

Не далеко отъ Графини живетъ двоюродный братъ ея мужа, также Графъ Славскій, старикъ, едва передвигающій ноги, съ женой и съ тремя дочерьми. Средняя изъ нихъ, Аглаида, очень не дурна собою: блондинка, съ большими голубыми глазами, съ востренькимъ носикомъ, вздернутымъ вверхъ, съ русыми кудрями, мягкими какъ шелкъ, и съ премиленькимъ алымъ ротикомъ, словомъ красотка. И эта-то красотка—повѣришь-ли—изволила въ меня влюбиться... Однакожь я устоялъ противъ искушенія и предпочелъ ей Людмилу. Тебѣ вѣрно покажется странно, почему я Графиню промѣнялъ на дѣвушку не знатной породы? Это отъ того, что Ея Сіятельство

показалась мнѣ слишкомъ бойка и лукава, и я увѣренъ, что мужъ ея скоро послѣ свадьбы попадетъ въ рогоносцы; а по моему, это не такая бездѣлица, какъ многіе думаютъ.

Вольное обращеніе Аглаиды даже иногда меня смущаетъ; впрочемъ мнѣ пріятно быть съ ней, и я часто къ нимъ ѣзжу. Сестры ея также дѣвушки любезныя, только воспитаны на тотъ-же покрой. Мать ихъ, сидя цѣлый день за Библіей, совсѣмъ не занимается ими и даетъ полную свободу привлекать къ себѣ обожателей, надѣясь, можетъ быть, этимъ средствомъ скорѣй сбыть ихъ съ рукъ безъ приданаго, котораго отецъ имъ не много оставилъ. По всему этому ты можешь судить, что я гораздо буду счастливѣе съ Людмилой, нежели съ которой нибудь изъ этихъ Графинь, и что я умѣлъ согласить любовь съ разсудкомъ. Прощай! надѣюсь скоро увѣдомить тебя о помолвкѣ.

III.

Людмила къ своей подругѣ.

Онъ здѣсь, моя милая, онъ пріѣхалъ! Я могу видѣть его, говорить съ нимъ, восхищаться глядя на него! Если-бъ ты видѣла, какъ онъ хорошъ, какъ благороденъ! Зачѣмъ я не могу показать его тебѣ и гордиться моимъ выборомъ?... Но что я сказала! Радость свиданія съ нимъ

сдѣлала меня безумной, заставила забыть все, меня, которую ожидаютъ въ будущемъ однѣ горькія слезы и тоска вѣчная!...

Ты знаешь, съ какимъ намѣреніемъ ждала я его. Думала-ли я, что эта минута будетъ для меня такъ горестна! Все время разлуки съ нимъ я жила однимъ воображеніемъ. Засыпала, думая о немъ, пробуждалась съ тою-же мыслію. Въ самыхъ сновидѣніяхъ одна любовь мечталась мнѣ. Я была счастлива, и не хотѣла проникнуть въ будущее, не умѣла постигнуть, что эта любовь должна отравить всю жизнь мою!.. Но ты не понимаешь меня. Выслушай-же и пожалѣй обо мнѣ.

Дни за три до пріѣзда Графа, сидя съ Графиней и сестрой его, мы разговорились о немъ. Графиня сказала, что онъ долженъ скоро пріѣхать. Сердце мое забилось отъ радости и я никакъ не воображала, чтобъ разговоръ, начало котораго было такъ пріятно для меня, могъ кончиться смертнымъ моимъ приговоромъ.

Рѣчь зашла о службѣ и мало по малу склонилась на Гренадерскій полкъ, который стоитъ здѣсь. Мы судили объ офицерахъ; Юлія забавляла насъ своими критическими замѣчаніями на бѣдныхъ гренадеровъ, изъ которыхъ многіе вздыхаютъ, глядя на ея прелестное личико.

«Знаешь-ли ты, Людмила, Капитана Шмита?» спросила меня наконецъ Графиня.

— Я его видѣла разъ пять.

« Каковъ онъ тебѣ кажется?

— Я глядѣла на него совершенно безъ замѣчанія, и потому ничего не могу вамъ сказать.

«Можно-ли глядѣть безъ замѣчанія на этого чудака—подхватила Юлія—съ его журавлиными ногами, огромнымъ носомъ и любимой пословицей: *признаюсь*, которую онъ говоритъ ко всякому слову, потирая себѣ руки, какъ будто онѣ у него вѣчно зябнутъ.»

— Онъ очень добрый человѣкъ—сказала Графиня съ видомъ нѣсколько недовольнымъ.

«Я объ этомъ не говорю ни слова, матушка; развѣ длинный носъ мѣшаетъ кому нибудь быть добрымъ человѣкомъ?»

—Ты очень насмѣшлива, Юлія, и иногда совсѣмъ не у мѣста. Ты не оставишь ни одного человѣка безъ того, чтобъ не отыскать въ немъ какого нибудь недостатка. Эта страсть насмѣхаться очень мнѣ не нравится. Развѣ могутъ быть люди совершенные? Ты еще сама не узнала, каковъ будетъ у тебя мужъ—прибавила она улыбнувшись.

« О, вѣрно ужъ лучше Шмита!»

—Если только лицемъ, такъ это еще не много. Я говорю тебѣ, что Шмитъ добрый человѣкъ. Онъ командуетъ ротой, исправенъ, хорошаго поведенія, любимъ своими товарищами, однимъ

словомъ: можетъ быть прекраснѣйшимъ мужемъ, вопреки твоему сужденію. И я бы не совѣтовала пренебрегать такимъ женихомъ, особенно дѣвушкамъ безъ состоянія. — Тутъ Графиня взглянула на меня, и я задрожала, какъ въ лихорадкѣ.

«Развѣ, маменька, Шмитъ такъ богатъ?» спросила Юлія, устремивъ на нее пристально взоръ и не замѣтивъ ни взгляда ея, ни моего смущенія.

— Видно богатство такой талисманъ, который и на тебя дѣйствуетъ? Но успокойся: онъ не милліонщикъ, а имѣетъ порядочное состояніе.—

«Напротивъ, богатство меня совсѣмъ не прельщаетъ. И если-бъ Шмитъ былъ впрое богаче Персидскаго Шаха, то и тогда не могъ-бы быть моимъ мужемъ, со всей его добротой и прекрасными качествами.»

— Почему-же? —

«Потому... потому, что онъ очень похожъ на гуся.»

Этотъ отвѣтъ, сдѣланный съ природнымъ простодушіемъ, заставилъ насъ засмѣяться.

— Но скажите, маменька, продолжала Юлія, отъ чего вы такъ хорошо знаете и дѣла и добродѣтели Шмита? Я подозрѣваю, не хочетъ-ли онъ сдѣлать мнѣ честь, предложивъ свою руку и сердце; и не это-ли васъ заставило обо всемъ такъ подробно развѣдать? —

« Нѣтъ милая, ты ужь опоздала. »

— Что вы хотите этимъ сказать? —

« То, что выборъ его ужь сдѣланъ. »

— Неужели! Кто-же эта счастливая соперница? которой однакожь я не слишкомъ завидую.

« Ты ее очень хорошо знаешь. »

Тутъ я и Юлія оставили работу и устремили глаза на Графиню.

— Ради Бога, матушка, не мучьте меня. Я нетерпѣливо хочу знать, кто-бы это такая?.. Ужь не Пышкина-ли? (Эта Пышкина дѣвушка лѣтъ въ 40, очень безобразная собою). Въ такомъ случаѣ я отдаю справедливость вкусу Г-на Шмита и соглашаюсь, что онъ не могъ для себя выбрать лучшей пары.

« Повторяю тебѣ, Юлія, что твои вѣчныя насмѣшки несносны, » сказала съ сердцемъ Графиня. » Вкусъ Шмита совсѣмъ не такъ дуренъ, какъ ты думаешь; выборъ его палъ на твою подругу. » Тутъ она указала на меня.

Юлія сначала подумала, что это шутка; выпаращила глаза на мать свою и хотѣла засмѣяться, но видя, что она говоритъ не шутя, закусила губы. А у меня такъ зарябило въ глазахъ, что я не взвидѣла ни узора, ни пялецъ, въ которыхъ шила. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

« Что-жь ты на это скажешь, Людмила? » спросила наконецъ Графиня.

— Я... я...—говорила я заикаясь—я не знаю, что вамъ сказать.

« Правда, продолжала она, что я дѣлаю тебѣ предложеніе въ минуту не самую выгодную для Шмита, по милости этой вѣтреницы, которая теперь прикусила языкъ; но я знаю твое благоразуміе и увѣрена, что пустыя насмѣшки шалуньи не могутъ тебя отвратить отъ человѣка хорошаго, почему и совѣтую не шутя подумать объ этомъ дѣлѣ. »

— Но не ужели мнѣ должно идти непремѣнно, за перваго кто за меня посватается? сказала я въ отчаяніи.

« Если-бъ я тебѣ совѣтовала идти за бродягу сорвавшагося съ висѣлицы, тогда-бы ты могла сдѣлать это замѣчаніе. Но я люблю тебя, какъ дочь, и всякой день тебѣ это доказываю; слѣдовательно ты можешь разсудить, что я хорошо обдумала, выгодно-ли для тебя это замужство. Шмитъ — повторю еще—честенъ, добръ....

—И очень не дуренъ собою—подхватила Юлія.

« Замолчите, сударыня, или я васъ выгоню вонъ. Не слушай ее, милая Людмила; ты сама слишкомъ благоразумна и знаешь, что наружность есть послѣднее дѣло. »

— Но если можно согласить одно съ другимъ.. прибавила я запинаясь и не зная что говорить.

« О, я вижу, что ты разборчивая невѣста. Бе-

регись, чтобъ съ тобою не случилось того-же, что съ невѣстой Крылова. Жениха совершеннаго мудрено найдти и съ богатствомъ, а съ твоимъ состояніемъ всего скорѣй попадешь за калѣку.»

— Что касается до меня, я ни за кого-бъ идти не желала, кромѣ его—договорила я въ мысляхъ.

«Чтожъ, развѣ ты цѣлый вѣкъ хочешь просидѣть въ дѣвкахъ? Это не такъ легко, какъ ты думаешь, и я не повѣрю ни одной дѣвушкѣ, которая никогда не хочетъ идти за мужъ, чтобъ она говорила отъ души. Подъ этими словами всегда скрывается надежда выбрать жениха получше. Если и ты имѣешь тоже въ виду, то совѣтую одуматься. Не заносись слишкомъ высоко, чтобы послѣ не раскаяваться.»

Сказавъ эти слова голосомъ твердымъ и нѣсколько сердитымъ, Графиня вышла; а я, не понимая что со мной дѣлается, почти въ совершенномъ безпамятствѣ сидѣла, какъ прикованая къ своему мѣсту. Слезы катились изъ глазъ моихъ, и я готова была упасть въ обморокъ. Юлія подбѣжала ко мнѣ на помощь и старалась успокоить меня. Но могла-ли я быть покойна? Я знала, что принудить меня къ ненавистному замужству не можетъ никакая сила человѣческая, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣла, что Александръ не существовалъ для меня. Слова его матери от-

крыли глаза мои, показали мнѣ, что бѣдная Людмила не можетъ быть невѣсткой Графини Славской.

Черезъ три дня послѣ этого ужаснаго разговора пріѣхалъ Графъ. Я хотѣла-бы лепетать къ нему и первая его встрѣтить, но я поклялась скрывать чувства мои отъ него, надѣясь, что, можетъ быть, притворной холодностью заставлю забыть себя, погашу въ сердцѣ его любовь, которая такъ дорога мнѣ... Не хочу разстроивать семейственнаго счастія, и лучше буду страдать одна, но не буду причиною несогласія между сыномъ и матерью; не хочу, чтобъ она сказала: я согрѣла змѣю у себя на сердцѣ!

Но, милая, ты можешь судить, какъ дорого стоитъ мнѣ это притворство! Можешь судить, каково мнѣ казаться равнодушной къ тому, кого я люблю больше себя! Боже мой! что онъ подумаетъ обо мнѣ? Онъ все также меня любитъ, а я раздираю сердце его!... Какимъ голосомъ, съ какимъ чувствомъ онъ говоритъ со мной; но я всегда отвѣчаю односложно, сухо и кажусь холодна какъ камень. Даже убѣгаю его, потому что всякую минуту готова измѣнить себѣ. Все это убиваетъ его; онъ не понимаетъ, что со мной сдѣлалось; ищетъ случая спросить меня, не находитъ и день отъ дня становится печальнѣе и задумчивѣе.

Вчера послѣ ужина, когда мы всѣ сидѣли въ гостиной, онъ съ мрачнымъ видомъ ходилъ по комнатѣ.

« Скажи мнѣ, братецъ, спросила его шутя Юлія, ужъ ты не влюбленъ-ли ? Ты что-то очень задумчивъ : не разлука-ли съ милой заставляетъ тебя крушиться? » Тутъ она взглянула украдкой на меня и вѣрно замѣтила, какъ я покраснѣла, потому что мы сидѣли очень близко.

— Какъ ты хорошо знаешь сердце человѣческое — отвѣчалъ Графъ, сначала не много смѣшавшись, но потомъ принявъ тотъ-же шуточный тонъ—ты угадала. Я даже хочу у матушки просить позволенія жениться. — Тутъ и онъ посмотрѣлъ на меня.

« Это ужъ слишкомъ поспѣшно, » сказала Графиня засмѣявшись. « Я-бы по крайней мѣрѣ прежде желала видѣть твою невѣсту. »

— О, я хочу вашего согласія безъ всякихъ условій.

« Стало быть ты пренебрегаешь моимъ мнѣніемъ ? »

— Нѣтъ, матушка, но я слишкомъ на себя надѣюсь.

« Не совѣтую. Однакожъ въ такомъ случаѣ нечего тебѣ бояться показать мнѣ свою невѣсту. »

— Вѣрно она богата, братецъ ?

« Напротивъ, ничего не имѣетъ. »

— Стало быть мой Александръ—сказала опять

Графиня—хочетъ сдѣлаться романическимъ героемъ: построитъ хижинку и въ ней поселиться съ своей любезной.

«Нѣтъ, я самъ большой ненавистникъ хижинъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ служу въ военной службѣ и каждую зиму имѣю удовольствіе жить въ нихъ вмѣстѣ съ тараканами. Но мое состояніе не допуститъ меня до этого, хотя-бъ будущая жена моя въ самомъ дѣлѣ была нищая.»

— Я вижу, что ты говоришь шутя, мой другъ; но и я также шутя прибавлю, что тебѣ слишкомъ рано думать о женитьбѣ, и что я терпѣть не могу женатыхъ Корнетовъ.

«По крайней мѣрѣ матушка любитъ женатыхъ Капитановъ,» прибавила Юлія засмѣявшись; но взглядъ Графини заставилъ ее замолчать.

Графъ, не понимая значенія этихъ словъ и желая завлечь меня въ разговоръ, въ продолженіе котораго я сидѣла какъ на иголкахъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Что вы не скажете намъ вашего мнѣнія?

«Что касается до меня, отвѣчала я, стараясь оправиться и поддержать шутку, которая правду сказать не слишкомъ была для меня забавна, то я иначе не рѣшусь выйдти за мужъ, какъ развѣ за Генерала.

— Право, вы съ нѣкоторыхъ поръ стали очень

горды—сказалъ Графъ такимъ тономъ, который явно давалъ чувствовать упрекъ.—Но, прибавилъ онъ смягчивъ голосъ—съ вашими достоинствами и красотой это простительно.

« Прекрасно, братецъ! ты живучи съ своими гусарами, все еще не разучился дѣлать комплиментовъ. Но берегись, чтобъ я не сказала этого твоей любезной. »

— Напрасно будешь трудиться: моя любезная такъ холодна ко мнѣ, какъ Январь мѣсяцъ, и слѣдственно совсѣмъ не ревнива.

«Опять упрекъ!» подумала я; хотѣла сказать что нибудь на это, но слова замерли на губахъ моихъ, и мы разошлись.

Всякой день я слышу эти упреки. Сердце мое разрывается, и я боюсь, что не въ силахъ буду выдержать такой пытки. Пиши ко мнѣ, ради Бога, моя милая! Дай совѣтъ, что мнѣ дѣлать? Никогда я такъ не желала съ тобой видѣться. Ты-бы раздѣлила тоску мою, дружба твоя успокоила-бы мое сердце. . . Зачѣмъ не могу я опять перенестись въ пансіонъ нашъ, гдѣ были мы такъ веселы и безпечны? Думала-ли я тогда, мечтая съ тобою о будущемъ, что оно принесетъ мнѣ горесть и слезы? Дай Богъ, чтобы ты по крайней мѣрѣ была счастливѣе! Прощай, милая! цѣлую тебя тысячу разъ.

4.

Графиня Аглаида, къ сестрѣ своей.

Ну, сестрица, съ тѣхъ поръ, какъ я писала къ тебѣ, у насъ случилось много новенькаго, и я спѣшу сообщить тебѣ пріятныя вѣсти: пріятныя, по крайней мѣрѣ для меня; а такъ какъ ты меня любишь, то я увѣрена, что порадуешься со мною.

Вижу напередъ твое любопытство, вижу, что ты хочешь отгадать, въ чемъ состоитъ дѣло; но не безпокойся, моя милая! не ломай головы своей. Не смотря на всю твою проницательность, которой отдаю полную справедливость, я готова биться объ закладъ на цѣлую Петербургскую модную лавку, что ты ровно ничего не отгадаешь.

Послѣднее письмо мое отъ доски до доски было наполнено однимъ только Шмишомъ, и ты вѣрно полагаешь, что и теперь я буду говорить о немъ, и пришлю тебѣ подробную реляцію совершенной побѣды надъ этимъ чудакомъ, который, если также ловко нападаетъ на непріятелей, какъ на женщинъ, то не много имъ сдѣлаетъ урона; но ты ошибешься. Отъ одной только скуки, отъ нечего дѣлать, вздумала я удостоить его взоромъ, и похожа была на Венеру, которая, за неимѣніемъ лучшаго обожателя, из-

волила веселиться съ хромоногимъ Вулканомъ. Но что значитъ Вулканъ, когда явился Адонисъ? А чтобы не томить долѣе пвоего любопытства, которое и такъ уже довольно пострадало, то скажу просто, что любезный братецъ нашъ пріѣхалъ въ отпускъ.

Ахъ, сестрица! какъ онъ перемѣнился, какъ выросъ, какъ сталъ хорошъ! Если ты увидишь его, то я боюсь, что мы изъ сестеръ-друзей сдѣлаемся сестрами соперницами. Ты помнишь, что когда онъ былъ еще ребенкомъ, и тогда ужь мнѣ нравился, и тогда воображала я его героемъ каждаго романа, которые мы съ тобою читали. Посуди-же, что̀ я почувствовала, увидѣвъ его совершеннымъ человѣкомъ, съ прекраснымъ лицомъ, съ черненькими усиками и притомъ въ гусарскомъ мундирѣ? Я безъ ума отъ него! Видѣть его у ногъ моихъ—пылкаго, нетерпѣливаго, сгарающаго отъ любви—вотъ одна мечта, занимающая меня безпрестанно, одно желаніе, наполняющее мое сердце! и я рѣшилась достигнуть этого, во чтобъ то ни стало, или умереть съ тоски и досады.

Одно только меня безпокоитъ. Помнишь-ли ты, какъ онъ былъ *дружнъ* съ Людмилой, передъ отъѣздомъ своимъ отсюда? Замѣчала-ли, съ какимъ восхищеніемъ она говоритъ всегда о немъ и какъ перемѣняется въ лицѣ при одномъ его имени? По всему этому я заключаю, что она пред-

упредила меня, и предвижу, что буду имѣть въ ней опасную соперницу, если только разлука не охладила сердца брацева. До сей поры ревность меня мучитъ, и еще болѣе подстрекаетъ вырвать побѣду изъ рукъ ея. Для этого я готова рѣшиться на все; употребить всѣ способы, привести въ дѣйствіе всѣ пружины, которыми только можно тронуть сердце человѣческое. Я составила ужь въ головѣ своей планъ, и хочу сообщить тебѣ его—одобришь-ли ты мою тактику. Но прежде надобно тебѣ знать, что глупый Шмитъ ужь не въ числѣ моихъ поклонниковъ: и онъ также предпочелъ мнѣ эту несносную Людмилу, которая, кажется, для того только и создана, чтобы лишать меня обожателей, и онъ хочетъ жениться на ней!... Сначала это было досадно мнѣ, но теперь, напротивъ, я безъ памяти рада, что онъ въ такое время вздумалъ за нее свататься, и надѣюсь даже употребить это въ свою пользу. Думаю навѣрное, что Людмила не пойдетъ за него; но что до этого! лишь-бы только удалось мнѣ въ сердцѣ милаго брацца посслить хоть немного ревности. Потомъ, коротким обращеніемъ съ нимъ, на которое даетъ мнѣ право родство наше, я заставлю ревновать Людмилу, поссорю ихъ и отдалю другъ отъ друга, а это главное; въ остальномъ мнѣ ручается мое зеркало.

Теперь я должна тебѣ сказать, хоть и стыдно, что мнѣ жаль было потерять Шмита. Онъ не

можетъ быть пріятнымъ любовникомъ, ни своей наружностью, ни деревяннымъ сердцемъ; но за тобы могъ быть прекраснѣйшимъ мужемъ: добръ, простъ, и приномъ съ хорошимъ состояніемъ. А эти три качества въ мужѣ чрезвычайно милы, потому что умная жена съ такимъ мужемъ можетъ дѣлать все, что захочетъ: бранить его, когда сама виновата, дремать, когда онъ вздумаетъ говорить нѣжности, и даже наконецъ увѣрить его, что онъ боленъ, и уложить въ постель, когда того потребуетъ нужда. Ты согласишься, что мнѣ, при моемъ характерѣ и при нашихъ разстроенныхъ обстоятельствахъ, такой мужъ былъ-бы совершенный кладъ. Обдумавъ все это и судивши по частымъ его посѣщеніямъ, что онъ не равнодушенъ ко мнѣ, я бѣсилась на его неловкость и застѣнчивость; ждала всякой день объясненія, и наконецъ сама рѣшилась вырвать у него признаніе; но, вмѣсто того узнала, что онъ любитъ не меня, а Людмилу!... Эта сцена такъ забавна, что я перескажу тебѣ ее.

Съ недѣлю тому назадъ, онъ пріѣхалъ къ намъ вечеромъ. У насъ никого не было. Сначала, какъ водится, разговоръ шелъ о погодѣ, о политикѣ и тому подобномъ; но наконецъ, какъ-то всѣ разошлись, и въ гостиной осталась только я съ сестрой и съ милымъ моимъ Селадономъ. Сестра сидѣла въ углу за книгой, а я подсѣла къ нему

на диванъ, посмотрѣла на него довольно нѣжно, т. е. какъ только могла посмотрѣть на этакого урода, и надѣялась, что онъ начнетъ разговоръ. Не тутъ-то было: онъ сидѣлъ, какъ сонный. Видя, что такой удобный случай для объясненія проходитъ безъ пользы, я потеряла терпѣніе; подвинулась къ нему еще ближе, и голосомъ самымъ тихимъ, показывающимъ участіе, спросила его: «Что вы такъ задумчивы, любезный Шмитъ?»

— Ничего, Ваше Сіятельство, отвѣчалъ онъ такъ хладнокровно, какъ-бы говорилъ съ своимъ фельдвебелемъ.

«Не вѣрю. У васъ что-нибудь лежитъ на сердцѣ,» продолжала я еще тише, и надѣясь услышать что-нибудь нѣженькое.

— Ей Богу, право ничего.

Эта кляпша, произнесенная тономъ самымъ увѣрительнымъ, такъ меня взбѣсила, что я готова была плюнуть ему въ глаза, и такъ смѣшалась, что я отодвинулась отъ него на цѣлый аршинъ, не зная, что еще говорить.

Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ, и я опять начала терять терпѣніе.

«Какой жаркой разговоръ у насъ съ вами, любезный Шмитъ!» Я думала, что онъ скажетъ на это по крайней мѣрѣ: *кто много чувствуетъ, тотъ мало говоритъ*, или что-нибудь

подобное; но и тутъ ошиблась: онъ захохоталъ во все горло. Это привело меня въ отчаяніе; однакожъ я отступать не хотѣла.

« Вы, мнѣ кажется, озябли, сударь? »

— Признаюсь, отвѣчалъ онъ, потирая по обыкновенію руки —въ комнатѣ довольно холодно.

« Я это вижу, и думаю, что у васъ и языкъ и сердце замерзли! »

При этомъ упрекѣ сестра не могла удержаться отъ смѣха, а истуканъ мой не понялъ его и просилъ съ удивленіемъ: Почему я такъ думаю?

— Потому, что ты видишь такъ близко возлѣ себя хорошенькую дѣвушку, которая расположена къ тебѣ недурно, и сидишь какъ деревянный — могла-бы я сказать, но разумѣется не сказала.

« Потому что вы слишкомъ молчаливы. »

— Да что-же мнѣ говорить? помилуйте!

Дуракъ, болванъ—думала я — если ты ужъ и этого не понимаешь, то что-же мнѣ съ тобой дѣлать? Однакожъ надобно было говорить яснѣе:

« Послушайте: вы не увѣрите меня, мой любезный Шмитъ, чтобъ у васъ не было на сердцѣ печали. Васъ тяготитъ какая-то дума.... Признайтесь: вамъ одиночество становится въ тягость, вы скучаете холостой жизнію? »

— Почему вы это угадали? спросилъ онъ съ удивленіемъ. Боже мой, какъ вы хорошо знаете мои мысли!...

Слава Богу! подумала я, наконецъ расчувствовался—и считая эту минуту благопріятною, дружески положила руку на его эполетъ; между тѣмъ онъ отъ меня отодвигался, а я, приписывая это застѣнчивости, продолжала его преслѣдовать до самаго угла дивана.

«И такъ вы соглашаетесь, что я угадала. Къ чему-жъ была эта скромность?... Вы влюблены; для чего-жъ не откроетесь?...

Голосъ, которымъ я произнесла эти слова, далъ бы понять всякому другому, чего я хотѣла, и я ожидала страстнаго признанія; но онъ покраснѣлъ, какъ буракъ, и видя, что ужь нѣкуда больше двигаться, вскочилъ съ своего мѣста.

— Влюбленъ, повторилъ онъ. Кто вамъ это сказалъ?

Чортъ — шептала я, видя что такъ глупо ошиблась — чортъ, который-бы очень хорошо сдѣлалъ, если-бъ взялъ тебя въ эту минуту.

Сестра, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, во все продолженіе разговора, наконецъ захохотала, видя мою неудачу, и вышла изъ комнаты; а я сидѣла какъ Дидона, оставленная своимъ Энеемъ. Но надобно-жъ было какъ-нибудь поправиться, и я наконецъ собралась съ духомъ:

«Вижу, почтенный Карлъ Карловичъ, что слова мои огорчили васъ, что я была слишкомъ неосторожна, желая узнать тайну вашу. Но если

вы разсудите, что это произошло отъ одного только участія, отъ желанія вамъ добра, то вѣрно не будете на меня сердиться. Повѣрьте—прибавила я, вставши и взявъ его за руку—повѣрьте, что одно только чувство истинной дружбы заставило меня быть нескромной. Я думала, что вы заплатите за участіе довѣренностію; но, къ сожалѣнію, ошиблась, и прошу извинить меня.»

Краснѣя и запинаясь, пробормоталъ онъ мнѣ свою чувствительнѣйшую благодарность; изъявилъ, что для него лестно все слышанное отъ меня и и проч. и проч.; а на другой день, въ знакъ признательности за мое участіе, объявилъ по секрету, что хочетъ свататься за Людмилу!!! Не правда-ли, что это очень мило?...

При этомъ извѣстіи я остолбенѣла, и видѣла, что осталась въ чистыхъ дурахъ. Но сообразивъ опять, что Шмитъ не понялъ меня и въ самомъ дѣлѣ принялъ мое нападеніе за дружеское участіе, я оправдалась, какъ могла, и сначала поздравила его съ такимъ хорошимъ выборомъ, а потомъ, съ видомъ лукавымъ, прибавила совѣтъ: быть осторожнѣе, и намекнула о любви Людмилы къ Графу; я все еще не отчаявалась привлечь его къ себѣ. Но теперь, дай Богъ ему совершеннаго успѣха! Я отъ души даю мое благословеніе...

Вообрази, какъ легокъ на поминѣ милый братецъ. Я услышала шумъ подъѣхавшихъ саней, бросилась къ окошку, и увидѣла, что онъ при-

ѣхалъ съ матушкой своей, съ сестрой и съ Людмилой. Спѣшу одѣться и выйдти въ гостиную....

Еслибъ ты, сестрица, не была женщина, еслибъ не была даже одинакаго характера со мной и не имѣла, такъ-же какъ я, маленькихъ, невинныхъ интригъ, то тебѣ очень бы трудно было понять чувства, которыя волновали меня передъ выходомъ въ гостиную.

Я видѣла братца, по пріѣздѣ его, одинъ только разъ и то въ церкви, и не успѣла даже поговорить съ нимъ порядочно; слѣдовательно теперешнюю минуту можно было считать рѣшительною, потому, что отъ перваго впечатлѣнія почти всегда зависитъ успѣхъ, или неудача. Да, милая, не бездѣлица послѣ долгой разлуки увидѣться съ человѣкомъ, къ которому мы не совсѣмъ равнодушны, и котораго хотимъ заставить любить себя! Я думаю по крайней мѣрѣ, что тутъ надобно имѣть присутствіе духа, равное Наполеонову, для того, чтобъ не сбиться съ назначеннаго пути, и чтобы всѣ планы не пошли на выворотъ.

Разумѣется, что первое дѣло мое было заняться туалетомъ, который, не смотря на все нетерпѣніе мое, продолжался съ часъ. Кончивъ его, я выпила стаканъ холодной воды, чтобы хоть нѣсколько успокоить волненіе свое; потомъ бросила еще одинъ взглядъ въ зеркало и

улыбнулась отъ удовольствія... Вижу, что ты кусаешь губы, насмѣшница! но, право, говорю это не отъ самолюбія: я точно нашла себя *хорошенькой*. На мнѣ не было огромныхъ накладныхъ кудрей, которыя такъ любятъ наши дамы, особенно безобразныя, и закрываютъ ими половину рябыхъ и худыхъ лицъ своихъ; ни богатой пелерины, которая отнимаетъ красоту у плечъ и груди; словомъ, ничего изъ тѣхъ пышныхъ и глупыхъ уборовъ, которые не придаютъ украшенія натуральнымъ прелестямъ, а служатъ только къ прикрытію недостатковъ. Природные локоны мои небрежно вились и упадали, придавая лицу легкій оттѣнокъ. Простенькое, но со вкусомъ сдѣланное платье, обрисовывало станъ мой и *округлости*. Каждый башмикъ, каждая булавочка были на своемъ мѣстѣ, и шаль, не приколотая подъ горломъ, по нынѣшней глупой модѣ, но слегка накинутая, не душила меня, а пріятно обнимала легкими своими изгибами; короче: нарядъ мой имѣлъ ту прелесть, которую описать нельзя, но ты ее вообразить можешь, зная мой вкусъ и познанія въ наукѣ одѣваться, къ которымъ сама такъ часто прибѣгаешь. Но дѣло не о томъ. Собравшись съ духомъ, я вошла наконецъ въ гостиную.

Брашецъ окинулъ меня взоромъ съ головы до ногъ, въ то время когда я здоровалась съ дамами, и хотя я глядѣла совсѣмъ въ противную

сторону, но, по дару, принадлежащему однѣмъ женщинамъ, очень хорошо видѣла, что взоръ его выражалъ удовольствіе. Подошедши ко мнѣ, онъ тотчасъ-же усѣлся опять возлѣ матушки для продолженія разговора о службѣ, который они начали еще до моего прихода, и который, какъ кажется, былъ очень не весель для обоихъ. Я между тѣмъ занялась съ Юліей. Ты знаешь, какъ люблю я острый, тонкій и всегда насмѣшливый умъ ея: сходные въ этой точкѣ характеры наши всегда встрѣчаются съ новымъ удовольствіемъ и дѣлаютъ для насъ занимательнымъ и пріятнымъ даже самый пустой разговоръ. Бесѣда съ Юліей развеселила меня, разсѣяла безпокойныя мысли, которыя бродили въ головѣ моей, по милости моихъ плановъ, и я возвратилась къ обыкновенной своей живости.

Въ продолженіе этого времени я внимательно наблюдала за любезнѣйшимъ братцемъ и за *невинной* Людмилой: оба они были мрачны и печальны, и мнѣ казалось, что какая-то скрытная тоска терзаетъ ихъ. Это было мнѣ подозрительно: невѣроятно, чтобъ одни и тѣже чувства, въ одно время у обоихъ происходили отъ разныхъ причинъ. Сначала я не могла понять, что-бы это значило; но послѣдствія заставили меня догадываться, что братецъ всё еще не равнодушенъ къ *подругѣ дѣтскихъ лѣтъ своихъ*, и что

между ними есть какая-то непріятность, которой я не могу постигнуть.

Людмила вмѣшивалась въ разговоръ нашъ; но я видѣла, что она дѣлаетъ это изъ одной благопристойности. Голосъ ея былъ какъ-то слишкомъ *томенъ*, взоръ унылъ и сквозь улыбку проглядывала горесть душевная. Впрочемъ она довольно хорошо съумѣла преодолѣть себя и надобно было имѣть мои глаза и вниманіе, чтобы это замѣтить.

Бѣдный братецъ игралъ свою роль гораздо хуже: онъ совсѣмъ почти не умѣлъ скрыть своей грусти. Былъ молчаливъ, разсѣянъ и отвѣчалъ не впопадъ. На бѣду его батюшка, который, какъ ты знаешь, любитъ вспоминать старинную службу и то время, когда былъ Капитаномъ въ артиллеріи, замучилъ его безконечными анекдотами объ осадѣ Очакова и вопросами о нынѣшней службѣ, такъ, что онъ пришелъ наконецъ въ совершенное отчаяніе. Я сама начинала сердиться, что до сихъ поръ не могу свободно поговорить съ нимъ; но, благодаря судьбу, случай скоро представился.

Передъ самымъ чаемъ пріѣхали гости: Надежда Карповна съ дочерью, Поручикъ Шмиповой роты и — онъ самъ. Замѣть, что при входѣ его Людмила поблѣднѣла. Матушка занялась дамами, батюшка напалъ на офицеровъ, и братецъ освободился. Я думала, что онъ

воспользуется этимъ и подойдетъ къ намъ; но кажется, что претензія его на Людмилу не шуточная, потому, что сказавъ нѣсколько словъ мнѣ и сестрѣ своей, онъ не взглянулъ даже на *красавицу*, взялъ чашку, которую ему подали, и вышелъ въ залу, закурить свою трубку. Зная что тамъ никого не было, я почла эту минуту удобной и тотчасъ полетѣла туда. Съ мрачнымъ видомъ сидѣлъ онъ одинъ и занимался своею трубкою; сердце мое забилось, я подошла къ нему.

» Не больны-ли вы, любезный братецъ? вы такъ невеселы и удалились отъ всѣхъ!

— Я всегда любилъ уединеніе — отвѣчалъ онъ улыбнувшись.

« Прежде я этого не замѣчала; но съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались съ вами, многое могло перемѣниться. Какъ вы давно не были здѣсь! »

— Да, слишкомъ три года.

» И между тѣмъ, мнѣ кажется, вамъ скучно у насъ? Прежде также этого не было: вспомните, какъ мы въ этой залѣ рѣзвились и бѣгали. »

— Ахъ! если вы замѣчаете, что я такъ пасмуренъ, то это именно отъ воспоминанія тѣхъ невинныхъ удовольствій, которыми здѣсь наслаждался, и которыя прошли такъ скоро и невозвратно.

Тронувъ нечаянно струну, которую мнѣ хо-

шѣлось тронуть, я сѣла подлѣ него, и видя, что онъ въ такомъ плаксивомъ расположеніи духа, тотчасъ сама перешла изъ веселаго тона въ *минорный*.

» И вы искренно жалѣете о нихъ? « спросила я, вздохнувъ и взглянувъ на него нѣжно.

— Такъ какъ несчастный жалѣетъ о прошедшемъ благополучіи.

« Намъ очень пріятно, милый братецъ, что вы послѣ долгаго отсутствія не забыли насъ въ вихрѣ свѣта и его удовольствій; но пріятныя воспоминанія должны были-бы сдѣлать на васъ впечатлѣніе совсѣмъ противное тому, которое вы теперь чувствуете. »

— Боже мой! Я вамъ говорю, что вспоминаю о прошедшемъ съ сожалѣніемъ, потому что не могу возвратить его.

Я очень хорошо понимала настоящій смыслъ его разговора, и между тѣмъ продолжала его допрашивать.

» Право я не понимаю васъ: если-бъ вы, возвратившись на родину, не нашли ни родныхъ, ни друзей, съ которыми дѣлили невинныя игры дѣтства, тогда-бы печаль ваша и грустныя воспоминанія были натуральны; но родные ваши всѣ живы и здоровы, друзья по прежнему васъ любятъ. . . . .

— А мнѣ кажется, что этого-то и нѣтъ! Мнѣ кажется, что три года отсутствія заста-

вили всѣхъ чуждаться меня. Я замѣчаю во всѣхъ такую холодность, такое отчужденіе, которыя иногда противъ воли заставляютъ меня думать, что вмѣсто родины моей я заѣхалъ въ Сѣверную Америку.

» По крайней мѣрѣ исключите меня изъ числа этихъ холодныхъ друзей.

— Вы правы — сказалъ онъ улыбнувшись и взявъ меня за руку — въ васъ я вижу всё ту-же милую, прелестную сестрицу, съ которой игралъ въ дѣтствѣ моемъ; и съ вами только, по пріѣздѣ сюда въ первый разъ говорю такъ свободно, такъ откровенно какъ-бы вовсе не разставался.

» Это для меня самый лестный комплиментъ, какой вы только могли сказать. И такъ признайтесь — прибавила я шутя — что не всѣхъ женщинъ можно обвинять въ вѣтренности.

— За пять минутъ я бы сталъ утверждать противное; но теперь не смѣю съ вами спорить.

Такимъ образомъ разговоръ нашъ становился часъ отъ часу откровеннѣе и живѣе, и мнѣ наконецъ удалось нѣсколько уменьшить печальное расположеніе грустнаго братца.

Между тѣмъ, жалуясь на холодность всѣхъ его окружающихъ, онъ далъ мнѣ выразумѣть, и самъ не замѣчая того, что это чувство неудовольствія на весь свѣтъ происходитъ въ немъ отъ холодности одной Людмилы. Я вижу, что ему нуженъ другъ, который бы дѣлилъ его

горести и, кажется, этотъ жребій падетъ на меня. Да, милый Александръ! ты сдѣлалъ мнѣ ужь половину довѣренности, и я буду твоимъ другомъ, самымъ нѣжнымъ, самымъ страстнымъ другомъ; а отъ дружбы, между мужчиной и женщиной нашихъ лѣтъ, до любви одинъ только шагъ. Притомъ же — если только я не ошиблась, что грусть его происходитъ отъ неудовольствій *любовныхъ* — играя роль друга, утѣшая его, какъ хорошо, какъ удобно могу я выказать свои чувства и непримѣтно завлечь его въ сѣти, которыя онъ не прежде замѣтитъ, какъ совсѣмъ ужь запутавшись въ нихъ. Правда, я не знаю за что поссорились они съ Людмилой, и можетъ быть одно объясненіе ихъ, если не разрушитъ плана моего, то по крайней мѣрѣ отдалитъ успѣхъ; но я надѣюсь на счастіе, которое и въ этотъ разъ помогло мнѣ возбудить ревность въ сердцѣ братца, и тѣмъ самымъ отдалить, можетъ быть, это объясненіе, которое для меня такъ страшно.

За ужиномъ я сѣла возлѣ него, и подъ шумнымъ разговоромъ другихъ мы могли свободно продолжать свой, въ прежнемъ тонѣ. Даже онъ невольно пожалъ нѣсколько разъ мою руку. Ахъ, сестрица! Какъ пылокъ мой Александръ (не смѣйся, что я его такъ скоро называю своимъ) въ изліяніи дружбы! Какова-жь должна быть любовь его?... При одной мысли объ этомъ, голова моя

кружится, кровь кипитъ въ моихъ жилахъ..... Прости невольному отступленію: я поспѣшу кончить разговоръ мой. Въ душѣ наслаждалась я торжествомъ надъ Людмилою, которая то блѣднѣла, то краснѣла съ досады, видя, что я такъ сдружилась съ брашцемъ. На бѣду ея Шмитъ, какъ слѣдуетъ учтивому кавалеру, усѣлся возлѣ нея и мучилъ ее своимъ разговоромъ, на которой бѣдненькая должна была отвѣчать изъ благопристойности. Я готова биться объ закладъ что у нихъ далѣе погоды дѣло не доходило; но милый брашецъ встревожился и спросилъ меня о Шмитѣ.

Какъ было можно пропустить такой случай? Сказавъ, что̀ онъ за человѣкъ, я намекнула о любви его къ Людмилѣ, прибавила, будто мнѣ кажется, что и она къ нему не равнодушна; но о свашовствѣ его сказать не могла: это еще секретъ, и объявивъ его, я могла дать замѣтить, что Шмитъ удостоиваетъ меня особенной довѣренности, а я очень не желаю вывесть этого наружу.

Прощай, милая! Вотъ тебѣ полное описаніе моего дня и перваго нападенія, которое началось гораздо лучше нежели я думала. Если всё пойдетъ такъ, какъ я надѣюсь, то конецъ моихъ желаній очень близокъ. Не брани меня, что пишу такъ подробно: воинъ любитъ вспоминать тѣ сраженія, въ которыхъ счастіе и умъ хо-

рошо ему помогали. . . Знаешь-ли, что мнѣ пришло въ голову? Если-бъ старыя женщины могли безъ зазрѣнія совѣсти говорить о прежнихъ интригахъ своихъ, то, ей Богу, разсказывали-бы о нихъ всѣмъ и каждому съ такимъ точно удовольствіемъ, съ какимъ бапюшка разсказываетъ о битвѣ Очаковской.

5.

Людмила къ своей подругѣ.

Боже мой! Что со мной дѣлается, моя милая! Графъ знаетъ, что Шмитъ за меня сватается и, что всего ужаснѣе, думаетъ, что я люблю его; по крайней мѣрѣ я сама, безумная! подала ему къ этому поводъ.

На дняхъ мы собрались ѣхать къ старому Графу, дядѣ Александра. Заложили двое саней и мы съ нимъ вышли на крыльцо, какъ-то прежде Графини и сестры его.

»Сядемъ-те вмѣстѣ, сказалъ онъ мнѣ, а матушка пусть ѣдетъ съ сестрой. «

Эти слова, произнесенныя тономъ, который напомнилъ мнѣ прежнее наше обращеніе, заставили меня затрепетать. Однакожь я кое-какъ собралась съ духомъ.

— Какъ вамъ пришло въ голову сдѣлать такое предложеніе? — отвѣчала я такъ покойно и серьёзно, какъ только могла.

» Почему же?«

— Потому что, мнѣ кажется, гораздо приличнѣе вамъ ѣхать съ матушкой, а мнѣ съ сестрицей вашей.

» Но, Людмила, развѣ прежде не бывало этого?«

—Вспомните, сколько этому времени. Мы тогда были дѣти и намъ всё было простительно; но теперь, мнѣ кажется, это неприлично: разсудите сами, какія могутъ вывести заключенія; что скажетъ, или подумаетъ сама ваша матушка, увидѣвъ, что вы не захотѣли ѣхать съ нею?

» Если только это причина вашего отказа, то я долженъ уважать ее; но я подозрѣваю еще, что, сверхъ всего, вамъ въ тягость быть со мной; даже, простите меня, бываютъ минуты, въ которыя я начинаю думать, что вы меня ненавидите...» Ты можешь посудить, милая, какъ больно мнѣ было слышать это; можешь посудить, какой-бы отвѣтъ желала я сдѣлать; но мнѣ должно было скрывать чувства свои и терпѣть адскую муку.

— Не обижайте меня — сказала я, едва удерживая слезы — какъ могу я ненавидѣть сына моей благодѣтельницы?

» Этотъ отвѣтъ показываетъ равнодушіе, которое для меня убійственнѣе самой ненависти. Послушайте, Людмила — прибавилъ онъ голо-

сомъ умоляющимъ — если вы только боитесь мнѣнія свѣта и неудовольствія матушки, то дайте мнѣ слово, что назадъ мы поѣдемъ вмѣстѣ; тогда будетъ вечеръ и я всё такъ постараюсь уладить, что это сдѣлается какъ-бы случайно.... Дайте мнѣ поговорить съ вами свободно хоть полчаса.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! — сказала я съ какимъ-то невольнымъ страхомъ и отчаяніемъ, боясь этой роковой минуты — оставьте меня, избавьте меня отъ этого разговора!..

Графъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ; хотѣлъ говорить, но тутъ вышла Графиня; онъ съ видомъ пасмурнымъ, подалъ ей руку и сѣлъ съ нею, а я поѣхала съ Юліей.

Цѣлый день Графъ былъ печаленъ и старался убѣгать меня; а въ вечеру я замѣтила, что онъ очень дружески говоритъ съ Графиней Аглаидой (которую ты знаешь по моему описанію). Это произвело во мнѣ какое-то непріятное чувство, которое было очень похоже на ревность, хотя я и старалась увѣрить себя въ противномъ. Какъ странно, какъ непонятно сердце человѣческое! Не сама-ли я удалялась отъ него, старалась прекратить прежнюю связь нашу, и между тѣмъ не могла видѣть спокойно, что онъ находитъ пріятность въ разговорѣ съ другой женщиной!... Повѣришь-ли: мнѣ было такъ грустно, такъ больно въ эту минуту, что я готова была за-

плакать и искусала себѣ губы, стараясь удерживать слезы, которыя нѣсколько разъ навертывались у меня на глазахъ.

Къ несчастію моему пріѣхалъ Шмитъ. Это меня смѣшало еще больше, потому что онъ за ужиномъ усѣлся возлѣ меня. Графъ между тѣмъ, сидя возлѣ Аглаиды, не обращалъ на меня вниманія и казалось занимался только ею одной. Все это вмѣстѣ сдѣлало на меня такое впечатлѣніе, что я насилу могла сидѣть на стулѣ, и кушанья, которыя брала я машинально, оставались у меня на тарелкѣ. — Вдругъ пришла мнѣ въ голову мысль: по какому-то невольному чувству, сама себя не понимая, я начала говорить съ Шмитомъ и даже старалась казаться веселою. Мнѣ отъ этого стало не много легче, какъ будто-бы я отмстила тѣмъ Графу; но какъ-же дорого стоитъ мнѣ это горькое удовольствіе!

Несносный ужинъ кончился; мы пріѣхали домой въ полночь, тотчасъ разошлись по своимъ комнатамъ — и я была безъ памяти рада, что наконецъ могу дать волю слезамъ, которыя такъ долго удерживала.

На другой день по утру я была блѣдна, какъ приговоренная къ смерти, такъ что когда мы собрались къ завтраку, то Графиня спросила, не больна ли я; но Графъ казалось не замѣтилъ ни ея вопроса, ни разстроеннаго вида моего.

Онъ разговаривалъ съ сестрой и разговоръ ихъ склонился наконецъ къ вчерашнему вечеру.

» Какъ мила сестра Аглаида ! « сказалъ онъ.

— Да — отвѣчала Юлія — ты далъ намъ замѣтить, что тебѣ очень пріятно быть съ ней, потому что цѣлый вечеръ ею одной занимался.—

» Я нашелъ въ ней стараго друга, который ни сколько не перемѣнился (тутъ онъ взглянулъ на меня), а что можетъ быть этого пріятнѣе ? Право, мы съ ней какъ будто не разставались.«

— Не льзя-ли узнать, въ чемъ состоялъ разговоръ вашъ ? —

» Мы вспоминали старину « сказалъ Графъ засмѣявшись.

— То есть вспоминали, какъ вы игрывали въ жмурки и въ гулючки. А я, глядя на васъ, думала, что вы разговаривали о чемъ нибудь посерьёзнѣе.

» Почему-же ? «

— Потому, что о пустякахъ не говорятъ съ такимъ жаромъ и удовольствіемъ.

» Но развѣ воспоминанія прежнихъ удовольствій можно назвать пустяками, хотя-бъ они были и въ самомъ дѣлѣ ребяческія — прибавилъ онъ вздохнувъ. «

— Право, братецъ, ты секретничаешь : я готова биться объ закладъ, что ты изъяснялся въ любви. —

» Могло-бы очень и это случиться; но къ несчастію, она мнѣ внучатная сестра. «

— О, если только за этимъ дѣло стало, такъ съ Богомъ — я благословляю! Васъ разрѣшимъ. —

» Какъ тебѣ въ голову приходятъ такіе пустяки, Юлія? сказала Графиня.

— Пусть ее забавляется на мой счетъ: я не въ претензіи.... Но скажите, матушка, ѣздилъ-ли къ вамъ этотъ долгоносый офицеръ... какъ бишь его зовутъ? «

При этомъ вопросѣ меня въ сердце кольнуло, какъ иглою.

— Шмитъ, хочешь ты сказать? —

» Да. «

— Онъ бываетъ у меня; на что тебѣ это?—

» Такъ; мнѣ-бы хотѣлось отъ скуки познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ этихъ господъ.«

— И я тебѣ совѣтую именно познакомиться съ нимъ. —

» Отъ чего же? «

— Отъ того, что онъ человѣкъ хорошій, и сверхъ того, кажется, что мы съ нимъ скоро будемъ имѣть сношенія самыя короткія. —

Тутъ Графиня взглянула на меня, и твоя бѣдная пріятельница желала-бы провалиться сквозь землю. Графъ также посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, потому что лицо мое изъ блѣднаго вдругъ сдѣлалось огненнаго цвѣта.

» Я что-то этого не понимаю, матушка? «

— Онъ сватается за Людмилу. —

» Сватается ! « повторилъ Графъ заикаясь, и уронилъ ножикъ, которымъ намазывалъ масло на хлѣбъ.

— Что-жь тебѣ кажется это такъ странно ? Я думаю, партія для нея очень выгодна. —

» Ничего, мнѣ только то удивительно, что я до сихъ поръ не знаю этого и не поздравилъ....«

— Но, братецъ, это еще не рѣшено, подхватила Юлія, видя, что я чуть жива ; Людмила еще не дала своего согласія.

» По крайней мѣрѣ по вчерашнему ея обращенію съ Г. Шмитомъ, я думаю, что это предположеніе не противно ей. Но — продолжалъ онъ, желая прекратить сцену, которая становилась для него такъ-же несносна, какъ и для меня — я забылъ, что мнѣ надобно писать множество писемъ и потомъ ѣхать обѣдать къ дядюшкѣ. «

Тутъ онъ вышелъ, а я сидѣла, отчаянная, безмолвная, и не въ силахъ была удерживать слезы, которыя катились по щекамъ моимъ.

» Что съ тобой сдѣлалось, Людмила ? спросила Графиня съ неудовольствіемъ. Я право начала было думать, что ты стала благоразумнѣе; а теперь опять вижу въ тебѣ пустые капризы, которые очень глупы. «

— Ради Бога, сударыня, пощадите меня ! . . Знаю, что я вамъ всѣмъ обязана, и готова по-

виноваться вамъ во всемъ; но не требуйте отъ меня жертвы, которая выше силъ моихъ! . . . Позвольте мнѣ лучше идти въ монастырь! —

« Это сишкомъ романически, моя милая. Шагъ этотъ такъ важенъ, что о немъ надобно хорошенько подумать, да и Шмитъ, мнѣ кажется, не такъ еще страшенъ, чтобъ отъ него бѣжать за монастырскую ограду. »

Къ счастію въ это время доложили о пріѣздѣ гостей. Я стремглавъ бросилась въ мою комнату, и не знала какъ благодарить Бога, что избавилась наконецъ отъ этой пытки.

Между тѣмъ мысль, что Графъ станетъ подозрѣвать меня въ любви къ другому, рвала мое сердце. » Это отдалитъ его совсѣмъ отъ меня, заставитъ ненавидѣть, презирать, « думала я — и ломая себѣ руки, въ отчаяніи ходила по комнатѣ. . . . Были минуты, въ которыя я хотѣла бѣжать къ нему, хотѣла открыть ему всѣ страданія мои, всю любовь мою. . . . .

Къ несчастію подозрѣнія мои начали сбываться. Прежде, не смотря на мою холодность, онъ всё также любилъ меня, безпрестанно искалъ случая поговорить со мной, и это облегчало тоску мою. Мысль, что онъ любитъ меня, заставляла забывать всё и—признаться ли? какая-то тайная надежда противъ воли гнѣздилась въ моемъ сердцѣ. . . . А теперь онъ платитъ мнѣ за холодность холодностью, самъ убѣгаетъ отъ

меня какъ отъ страшнаго призрака!... Съ самаго этого роковаго дня я почти не вижу его; онъ не живетъ совсѣмъ дома и проводитъ цѣлые дни у своего дяди. Знаешь ли что? Мнѣ иногда кажется, что Графиня Аглаида скоро займетъ въ сердцѣ его мое мѣсто!...

Ты, можетъ быть, скажешь, что она сестра ему? Но я знаю ея характеръ — и развѣ нѣтъ такихъ примѣровъ? Впрочемъ можетъ статься, что это одинъ призракъ разстроеннаго моего воображенія и сердца, убитаго горестью.... Но эта мысль такъ ужасна, что я безпрестанно отгоняю ее, и со всѣмъ тѣмъ она всякую минуту вертится въ головѣ моей.

Не понимаю, какъ могла я прежде, бывъ увѣрена въ любви его, говорить, что я несчастна? Теперь я-бы кажется согласилась быть далеко отъ него, никогда не видаться съ нимъ, только съ тѣмъ, чтобъ опять возвратить любовь эту. Мысль что онъ такъ-же любитъ меня, такъ-же обо мнѣ думаетъ, такъ-же груститъ, какъ и я, могла-бы сдѣлать меня счастливой, не смотря на разлуку съ нимъ.... Не похожа-ли я теперь на отчаянно больнаго, который ничего не желаетъ, кромѣ возвращенія потерянаго здоровья, и не понимаетъ даже, какъ могъ онъ прежде желать чего нибудь другаго?...

Что мнѣ дѣлать, моя милая? Научи меня по крайней мѣрѣ переносить мои страданія, ко-

порыя спановятся нестерпимы. Я не нахожу никакихъ средствъ помочь имъ и вижу, что въ здѣшнемъ мірѣ и самая надежда не существуетъ для меня.

Я еще просила Графиню отказать Шмишу; но она всякой разъ за это сердится, не хочетъ меня слушать и говоритъ, чтобъ я не спѣшила и подумала. Я хочу сама написать къ нему и отказать рѣшительно, такъ однакожь, чтобъ Графиня объ этомъ не знала.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.)

A Winter's Journey through Lapland and Sweden with Observations relating to Finmark. By Arthur de Capel Brooke, M. A. etc. 1826. 4to. *(Зимнее путешествіе по Лапландіи и Швеціи*, съ замѣчаніями о Финмаркѣ. Соч. Артура Брука. 1826 1 т. in 4).

Если въ наше время есть еще противники успѣховъ въ искуствахъ и поклонники древней простоты, высокой мудрости, ограничивавшей свои потребности самымъ необходимымъ, блаженнаго невѣжества, не подозрѣвавшаго и не желавшаго ничего, кромѣ того что было передъ его глазами, то они должны придти въ отчаяніе: образованность проникаетъ всюду. Торговля, предметы роскоши, даже книги начинаютъ обладать Лапландіею и угрожаютъ Шпицбергену! Описаніе зимовки въ Лапландіи, изданное Капитаномъ Брукомъ,

въ сравненіи съ повѣствованіями первыхъ путешественниковъ, говорившихъ о сей странѣ, есть предметъ достойный любопытства и изученія. Съ сею двоякою цѣлью, представляемъ его нашимъ читателямъ.

Капитанъ Брукъ основалъ свою зимовку на островѣ Халоэнѣ, почти на градусъ отъ Сѣвернаго Мыса (70° 38′ широты). Сей островъ имѣетъ въ окружности около 60 миль, срединою своей образуетъ высокую гору и обитаемъ только по берегамъ: здѣсь-то возвышается городокъ или деревенька Гаммерфостъ (*), подлѣ залива, совершенно безопаснаго для кораблей. Гавань сія во всѣхъ отношеніяхъ превосходна. Можно было-бы сказать, что Гаммерфостъ есть *Сѣверная Венеція*, ибо въ немъ не льзя иначе пробраться изъ одной части города въ другую, какъ въ лодкѣ. Съ самаго пріѣзда своего, Капитанъ досталъ себѣ это необходимое средство сообщенія. Онъ тѣмъ болѣе не могъ обойдтись безъ него, что вступивъ въ заливъ, остановился сначала на противоположной Гаммерфосту сторонѣ. Лодка его, привязанная передъ окнами корабля, всегда была готова, когда онъ хотѣлъ ѣхать ловить рыбу или охотничать въ окрестностяхъ и посѣщать знакомыхъ. Вода тамошняго моря такъ-же прозрачна, какъ, по разсказамъ путешественниковъ, вода Чермнаго Моря: въ ней, на довольно большой глубинѣ, можно различать рыбъ. Туземные рыбаки, пользуясь

(*) Это самое сѣверное селеніе образованной Европы.

симъ свойствомъ воды, по выбору устремляютъ свои нападенія на различныхъ обитателей моря. Капитанъ Брукъ разсказываетъ любопытныя подробности о ловлѣ камбалы и другихъ рыбъ.

« Въ тихую погоду, двое рыбаковъ садятся въ лодку. Одинъ изъ нихъ держитъ острогу, состоящую изъ двухъ острыхъ желѣзокъ, съ зазубринами, вколоченныхъ въ тяжелый отрубокъ, привязанный къ тонкой, но крѣпкой веревкѣ, длиною въ нѣсколько саженей; другой правитъ лодною, легонько ведя ее по водѣ и тихо взмахивая веслами, дабы не производить чувствительнаго волненія. Дно залива составляетъ бѣлый песокъ и рыбы на немъ ясно видны. Рыбакъ съ острогою выжидаетъ ту минуту, когда лодка надплываетъ на какую нибудь большую рыбу, и тутъ вдругъ кидаетъ отрубокъ въ воду. Рѣдко случается, чтобы онъ промахнулся и не вытащилъ острогою добычи. Часа въ два этой работы, лодка наполняется рыбами, изъ коихъ иныя вѣсомъ фунтовъ по 500. Острогою бьютъ и гораздо тяжелѣйшихъ; безразсудные рыбаки, втаскивая ихъ въ лодку, подвергаются опасности опрокинуть оную. »

Во время пребыванія Г-на Брука у острова Халоэна, заливъ и гавань Гаммерфестскіе были посѣщены многими купеческими кораблями, приходившими изъ Бремена, Фленсбурга, Дронтгейма и другихъ городовъ, но они были едва замѣтны въ множествѣ Русскихъ кораблей, приплывшихъ изъ Бѣлаго Моря. Капитанъ видѣлъ тамъ также два прекрасные Англійскіе бригга, прихо-

дившіе взять грузъ трески, для Голландіи и Средиземнаго Моря. Они были посланы Г-мъ Кроу, который сдѣлался главнымъ агентомъ сообщеній между симъ угломъ земли и остальнымъ образованнымъ міромъ. Черезъ его посредство жители острова и ближняго материка получаютъ Европейскіе товары, а дамы имѣютъ средство украшать свои собственныя прелести нарядами, которые имъ очень къ лицу. Кажется, путешественнику очень понравился прекрасный полъ острова Халоэна. «Видя эти убранства,» говоритъ онъ, «эту любезность и тонъ хорошаго общества, съ трудомъ можешь увѣрить себя, что находишься на нѣсколько градусовъ далѣе полярнаго круга.» Въ Гаммерфостѣ, Англійскій купецъ есть человѣкъ, пріятный для всѣхъ: онъ можетъ быть увѣренъ, что его вездѣ примутъ какъ не льзя лучше; отъѣздъ его заставляетъ проливать слезы, и женщины съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія теплаго времени и съ нимъ Англійскихъ купцовъ.

Народонаселеніе Лапландское и Финское раздѣляется на два класса: это жители береговъ или рыбаки, потому что они всѣ рыбаки, и жители горные или хозяева оленей. Послѣдніе провождаютъ зиму на горахъ, но лѣтомъ сходятъ къ берегамъ. Внутренность острова и особенно огромные лѣса, покрывающіе большую часть онаго, бываютъ тогда наполнены насѣкомыми, до такой степени, что ни человѣкъ, ни стада не могутъ тамъ оставаться. Къ тому-же Лапландцы увѣрены, что если олени ихъ не попьютъ морской воды, то

утратятъ свое здоровье. Какъ скоро, сходя съ горъ, животныя сіи приближаются къ морю, они всѣ, даже никогда не видавшія моря, бѣгутъ къ нему и съ жадностью пьютъ соленую морскую воду.

Въ странѣ, гдѣ природа не только не привлекательна, но страшна и не привѣтлива, люди болѣе сближаются и лучше пользуются удовольствіями общества. Въ здѣшней странѣ удовольствія состоятъ въ веселыхъ буйствахъ и искреннихъ разговорахъ между порядочными людьми: этому жители предаются отъ всего сердца. Каюта Капитана была всякой вечеръ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ здѣшнихъ удовольствій. Всѣ вещи Капитана, его росписи, коллекціи, книги, были разсматриваемы съ удивительнымъ восторгомъ; иногда толпа любопытныхъ людей была даже тягостна; но народъ здѣшній такъ добръ характеромъ, такъ честенъ и откровененъ, что отъ него охотно переносятъ маленькое принужденіе. Г-нъ Брукъ описываетъ одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ имъ съ гостями, и говоритъ, что когда дѣло идетъ объ осушеніи вдохновительнаго кубка, то *старая Норвегія* можетъ послужить образцомъ для *веселой Англіи*.

«Однимъ вечеромъ, все порядочное общество Гаммерфестское вздумало собраться у меня, съ хорошимъ запасомъ пуншу и трубокъ. Капитаны стоявшихъ на рейдѣ кораблей также пожелали участвовать въ пирушкѣ, слѣдственно бесѣда составилась довольно многочисленная. Каюта моя зычала отъ шумныхъ порывовъ сердецъ, предавшихся грубой радости и нисколько не забошив-

шихся о завтрашнемъ днѣ. Передъ моими глазами возобновились тѣ старые дни, когда предки наши, достойные соревнователи Анакреона, презрительно осуждали будущій испорченный родъ людей, пьющихъ воду. Я былъ свидѣтелемъ богатырскихъ подвиговъ, и увѣренъ, что головы, которыя были-бы гораздо крѣпче моей, могли-бы тысячу разъ развалиться, но не выдержать боя со здѣшними героями. Усилія мои были напрасны: смѣлость и самая твердая рѣшительность не давали мнѣ столько силъ, чтобы я могъ сражаться съ такими атлетами, какъ Фогедъ, Аасгардъ и Дженгофъ. Первый изъ этихъ господъ былъ гигантъ и силачъ, безпримѣрный во всей Финляндіи. Обвитый густымъ облакомъ табачнаго дыма, пожирающій большими глотками огненный напитокъ, онъ былъ душою всѣхъ веселій. Онъ пріѣзжалъ изъ Альтена, куда часто призывала его судейская должность; возвращеніе его въ Гаммерфостъ было знаменъ всѣхъ забавъ. Пуншъ есть единственный напитокъ, который здѣсь пьютъ; вина не знаютъ, однакожь иногда подъ именемъ вина подчиваютъ дурною смѣсью, которой по нѣскольку бутылокъ достаютъ изъ Фленсбурга или изъ Бремена; но купцы благоразумно придерживаются любимаго напитка. Въ каждомъ семействѣ дамы мастерски приготовляютъ пуншъ, и какъ скоро вы отвѣдали обольстительнаго питья, приготовленнаго столь искусно, то уже трудно употреблять его съ умѣренностью. Жаль, что сами онѣ не пьютъ его, а только наливаютъ въ опоражниваемые стаканы. Собесѣдники сбираются лѣтомъ въ шесть часовъ,

зимою въ четыре, и расходятся по домамъ не раньше полуночи. Каждый приноситъ съ собою трубку, потому что куришь здѣсь первая потребность. Пуншъ есть удовольствіе, трубка необходимость; не имѣть табаку, значитъ быть въ крайней бѣдности. Каюта моя была такъ наполнена дымомъ, что едва могъ я узнавать сидѣвшихъ въ ней гостей.

« На всѣхъ вечерахъ раскрывали столы для картъ и играли въ висшъ, не оставляя трубокъ: это пусть будетъ сказано единожды навсегда. Не игравшіе расхаживали по комнатѣ, медленно и безъ шуму. Тушъ хозяинъ дома предлагалъ первый тостъ: за *старую Норвегію*. Это приглашеніе всегда производило элекшрическое дѣйствіе. Наполняли большіе стаканы, *гокались* ими всѣ, и опять брались за трубки; тушъ всякій приготовлялся услышать національныя пѣсни: онѣ и начинались. »

Вся здѣшняя народная поэзія состоитъ въ описаніи страны и національныхъ нравовъ. Точно какъ житель Темпейской долины, Лапландецъ поетъ наслажденія своей страны, счастливую безопасность, какою онъ наслаждается въ своихъ горахъ, и простую жизнь, которую онъ предпочитаетъ всѣмъ удовольствіямъ нашимъ, ибо молва сообщила о нихъ сбивчивое поняшіе ему, среди его снѣговъ и кочкарника.

Г-нъ Брукъ, какъ историкъ тщательный, не упускающій изъ виду ничего существеннаго, описываетъ столъ, шо есть одну изъ важнѣйшихъ принадлежностей всякаго вечерняго собранія. Наши обычаи шамъ совсѣмъ на выворотъ: Гаммерфосшцы начинаютъ чаемъ и вареною рыбою; жареная

дичина или четверть оленя и солонина составляютъ у нихъ послѣднее блюдо. Танцы тамъ всегда кстати, потому что дамы появляются въ то самое время, какъ скоро загудитъ скрыпка. Этотъ инструментъ очень любимъ въ Гаммерфостѣ; въ каждомъ семействѣ есть минстрель, и вызовъ открыть балъ обыкновенно принимаютъ съ удовольствіемъ. Кромѣ вальса и польскаго, у Финляндцовъ есть свой народный танецъ, и сверхъ того *гопска*, контрадансъ, болѣе чѣмъ нашъ разнообразный. Такъ-то Капитанъ провелъ почти всѣ вечера и часть ночей, покуда онъ занималъ первое свое обиталище, на противоположной сторонѣ залива.

Лапландскіе горцы составляютъ отличное поколѣніе отъ Норвежцовъ, съ которыми обыкновенно жилъ нашъ путешественникъ. Ихъ странствованія къ берегу начинаются въ Іюнѣ: тогда земля открыта, снѣгу нѣтъ, сани спрятаны и отдаленныя путешествія откладываются до зимы. Снаряды, ненужные при наступленіи теплой погоды, складываются въ магазинъ, подлѣ церкви, и всѣ семейства отправляются въ путь со стадами и оленями. Ихъ не столь много пріѣзжаетъ на берега Ботническаго залива, какъ на берега Норвегіи, потому что вѣтры, дующіе съ Океана, постояннѣе, лучше освѣжаютъ воздухъ и прогоняютъ насѣкомыхъ, столь неспосныхъ въ сѣверномъ климатѣ. Лапландецъ, прежде всего, занимается своими оленями, ихъ здоровьемъ: послѣ этого уже думаетъ онъ о себѣ. Какъ скоро онъ находитъ на берегу мѣсто, способное для рыбной ловли, слѣдственно и для пропитанія его семейства во время лѣта, то

раскидываетъ палатку, и водвореніе его кончено. Это настоящій дикарь: онъ прогонитъ васъ, если вы не задобрите его, подаривъ ему водки или табаку; но явившись съ такимъ подаркомъ, получите все, что только можетъ сдѣлать для васъ это существо изъ рода человѣковъ. «Скорлупа этого орѣха тверда и толста,» говоритъ Г-нъ Брукъ; «но зерно въ немъ хорошо.»

«Само собою разумѣется, что домашнее хозяйство Лапландцовъ чрезвычайно просто. Кто-бы повѣрилъ, что лѣто для нихъ есть время поста, воздержности, а зима возвращаетъ ихъ къ довольству. Лѣтомъ они и не думаютъ питаться стадами, сберегаютъ ихъ, и запасаясь на зиму, довольствуются молокомъ. Они дѣлаютъ сыры и не кидаютъ никакихъ молочныхъ остатковъ. Ланей доятъ только лѣтомъ. При удобныхъ случаяхъ, когда сбирается молоко, часть его сберегаютъ для замороженія; это служитъ запасомъ на непредвидѣнные случаи, во время девяти зимнихъ мѣсяцовъ, а еще болѣе лакомствомъ, самымъ утонченнымъ для вкуса Лапландскихъ прожоръ. Увѣряютъ, что замороженное молоко получаетъ весьма пріятный вкусъ(*). По крайней мѣрѣ извѣстно, что довольно большое

(*) У насъ въ Сибири, именно въ Иркутскѣ, зимою молоко не сохраняется и не продается иначе, какъ замороженное, *кругами*. Вкусъ его ни чѣмъ не разнится отъ свѣжаго молока, и только при неискусномъ замороженіи оно получаетъ нѣкоторую солодковатость. *Прим. Перев.*

количество онаго отпускается во внутренность страны, что охотники покупаютъ его, не смотря на цѣну, и что эта вѣтвь промышленности почитается довольно прибыльною.

«Горный житель Лапландіи чрезвычайно дорожитъ своимъ молочнымъ запасомъ. Будучи непривѣтливъ, онъ съ трудомъ уступаетъ нѣкоторую часть онаго. Однакожь, настойчивостью и кой-какими бездѣлками, подаренными кстати, я пришелъ въ милость у моихъ сосѣдей. Имя Англичанина было также для меня выгодною рекомендаціею; словомъ, небольшое количество оленьяго молока приносили ко мнѣ каждое утро, и признаюсь, я находилъ въ немъ такой вкусъ, что совѣтую всякому Эпикурейцу, достойному сего имени, съѣздить въ Лапландію, для того чтобы отвѣдать этого нектара. Кажется, что ароматическій вкусъ свой молоко сіе принимаетъ отъ душистыхъ растеній, коими лѣтомъ питаются лани. Цвѣтомъ и качествами оно походитъ на сливки коровьяго молока, но при томъ такъ сытно, что не смотря на изящный вкусъ, его не льзя пить много; вѣроятно даже, что этой лакомой снѣди не льзя безъ вреда ѣсть вдоволь. Однакожь, какъ ни вкусно свѣжее оленье молоко, но сыръ выходитъ изъ него дурной; а можетъ быть и то, что Лапландцы должны-бъ были поучиться у Англичанъ, Голландцовъ, или Швейцаровъ, приготовлять оный.

«До сихъ поръ мы болѣе занимались съ Капитаномъ Брукомъ описаніемъ лѣта Лапландскаго, а не зимы. Теперь послѣдуемъ за нимъ въ одной его поѣздкѣ по снѣгу.

«Утро было холодно и бурно. Я усталъ и давно не имѣлъ покоя. Меня оставляли на произволъ дикаго оленя (*), и я долженъ былъ на удачу влачиться по снѣгу Лапландіи, въ темнотѣ: такъ надлежало проѣхать нѣсколько сотъ миль! Худо нравилось мнѣ это путешествіе. Я тревожился и безпокоился, какъ новичекъ-наѣздникъ, на неукротимомъ бѣгунѣ перескакивающій черезъ высокій заборъ, въ погоню за лисицею. Сани наши были поставлены рядомъ, однѣ подлѣ другихъ, и проводникъ (wappus), накрѣпко привязавъ каждаго изъ насъ къ санямъ, вскочилъ самъ на свои сани, дотронулся легонько ремнемъ до оленя, и мы поскакали съ быстротою молніи. Я не успѣлъ ни проститься со своимъ другомъ, ни отвѣчать на его добрыя желанія: онъ желалъ мнѣ успѣшнаго путешествія, а самъ я не меньше желалъ возвратиться здоровымъ и невредимымъ.

«Въ темнотѣ я никакъ не могъ управлять своимъ оленемъ, и потому предался его чутью. Онъ бѣжалъ на ряду съ другими. Но я не предвидѣлъ еще одного неудобства: какъ держаться въ равновѣсіи на легкихъ санишкахъ, какъ не опрокинуться вмѣстѣ съ ними или не свалиться на снѣгъ? Неровности, встрѣчающіяся на пути, причиняютъ сильные и жестокіе толчки; сани иногда отскакиваютъ на аршинъ въ вышину. Вскорѣ меня сбро-

(*) Олени, на коихъ ѣздятъ въ сѣверныхъ странахъ по снѣгу, составляютъ особенную породу и называются также *лосями* и *сохатыми*. *Прим. Перев.*

сило на бокъ, и я сталъ чертить полосу на снѣгу; находясь самъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, я не могъ пособить тѣмъ изъ своихъ товарищей, которымъ было еще хуже, нежели мнѣ. На одномъ, довольно отлогомъ, спускѣ, въѣзжая въ лѣсъ, я получилъ такой толчекъ, что сани совсѣмъ остались на мнѣ, и въ этомъ невыгодномъ положеніи я былъ тащимъ очень долго. До этого толчка мой экипажъ былъ впереди всѣхъ; но тутъ быстрота оленя необходимо была задержана; къ досадѣ своей, я увидѣлъ, что почти всѣ путешественники опередили меня, и между тѣмъ никто изъ нихъ не могъ остановиться, поправить мои сани. Наконецъ одинъ Шведъ, опытный ѣздокъ, управлявшій своими санями съ удивительною ловкостью, занялъ первое мое мѣсто, а я между тѣмъ былъ предметомъ общаго смѣха. Къ довершенію несчастія, потерявъ равновѣсіе, я выпустилъ изъ рукъ вожжи: онѣ были на дюймъ отъ моей руки, но я не могъ ихъ схватить, потому что мы не ѣхали, а летѣли, и потому что я былъ раздосадованъ своимъ, совсѣмъ новымъ для меня положеніемъ. Наконецъ глубокій снѣгъ заставилъ оленя остановиться на минуту, и все было приведено въ порядокъ. Я получилъ жестокій урокъ; но, сдѣлавшись искуснѣе, чувствовалъ, что могу побуждать своего оленя и вознагражу потерянное время.

« Но я далеко отсталъ отъ всѣхъ, и уже не слыхалъ звона колокольчиковъ, привязанныхъ къ шеямъ оленей. На снѣгу не было ни одной черты; направлять свой путь было не по чемъ; я находился совершенно во власти животнаго и долженъ былъ

положиться на его инстинктъ. Я понуждалъ его сколько могъ. Мы были тогда среди дремучаго пихтоваго лѣса, и ѣхать слишкомъ скоро было невозможно. По временамъ надлежало очищать сани: это послужило мнѣ вторымъ урокомъ. Проѣхавъ съ милю, по дорогѣ, чрезвычайно излучистой, которая не подспоряла ѣзды, я услышалъ звонъ колокольчика, и нужно-ли сказывать, какъ обрадовался! Вскорѣ я догналъ хвостъ нашего каравана: бѣднякъ, занимавшій тогда это мѣсто, былъ измученъ такъ-же какъ и я. Мы утѣшали другъ друга. Немного послѣ этого, проводникъ остановился покормить оленей и собрать людей. Въ нѣсколько минутъ всѣ собрались на его призывъ, и, кромѣ того что иные имѣли маленькое неудовольствіе проволочиться по снѣгу, никто не пострадалъ ничѣмъ. Мы находились на правой сторонѣ Альтена, близъ сей рѣки. Прошедшею ночью мы видѣли уже ее, и могли замѣтить, что она еще не замерзла. Надобно было переѣзжать черезъ нее: это всѣмъ казалось весьма непріятно.

«Въ полдень мы были на берегу Aibyelo, небольшой рѣки, вытекающей изъ горъ и впадающей въ Альтенъ. Опять необходимо было остановиться, потому что средина рѣки оставалась не покрытая льдомъ и переправа черезъ нее казалась невозможною. Но Лапландцы умѣютъ преодолѣвать всѣ подобныя затрудненія. Тщательно осмотрѣвъ мѣсто, они рѣшили, что переправиться можно. Пространство, оставшееся между льдомъ обоихъ береговъ, составляло около 7-ми футовъ; ледъ съ нашей стороны былъ нѣсколько выше, и, такъ какъ наклон-

ность земли шла до самаго льду, то и можно было перекинуться съ саньми черезъ незамерзшую воду, быстро перескочивъ черезъ нее. Это исполнено было столь-же удачно, какъ и умно. Проводникъ устроивалъ все: поставивъ сани въ надлежащее разстояніе, онъ давалъ знакъ, олени пускались большимъ галопомъ, склоненіе земли ускоряло бѣгъ саней, и прежде нежели путешественникъ имѣлъ время дать себѣ отчетъ въ томъ, что видѣлъ и чувствовалъ, онъ находился уже на противоположной сторонѣ. Однакожь не всѣ совершили опасный скачекъ съ равнымъ счастіемъ; я былъ изъ числа счастливыхъ; невысокая дама, не обременявшая своихъ саней, также не обломила льду; но нѣкоторые путешественники болѣе или менѣе погружались въ воду, соразмѣрно своей тяжести. Благодаря толстой мѣховой одеждѣ, это погруженіе обезпокоило ихъ столько-же, какъ-бы они повалялись въ снѣгу.

«Мы ѣхали къ Альтену. Я оказалъ большіе успѣхи въ эквилибрическомъ искуствѣ; маленькая дама тоже. Правда и то, что у нея былъ отличный проводникъ, мужъ ея, привыкшій ко всѣмъ случайностямъ Лапландскихъ путешествій, потому что онъ каждый годъ объѣзжалъ внутренность сей страны. Олень дамы былъ привязанъ ка санямъ ея мужа. Во все это время холодъ былъ весьма умѣренный; мнѣ даже было жарко въ моей одеждѣ и вообще я не находилъ своего состоянія несноснымъ.»

Путешественникъ не прибавляетъ ничего къ извѣстнымъ уже описаніямъ Финскихъ и Лапландскихъ лыжь. Онъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, извиняетъ

скупость здѣшнихъ народовъ, указывая на причины, заставляющія ихъ не дорожить бумажными деньгами и зарывать серебряныя. Причинами онъ полагаетъ кочевую жизнь, бѣдныя средства и недостатокъ просвѣщенія въ людяхъ, разсѣянныхъ по землѣ безплодной. Серебро, какое собирается у нихъ, можетъ быть имъ полезно въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и они не видятъ никакой нужды имѣть его всегда при себѣ и въ своемъ распоряженіи; оно было-бы даже въ тягость имъ, при частыхъ переселеніяхъ. Что касается до бумажныхъ денегъ, то они не знаютъ въ нихъ толку, и чтобы объяснить имъ всѣ идеи, необходимыя для оцѣнки условной цѣны ассигнацій, для этого потребно много времени, усилій, просвѣщенія и благопріятныхъ обстоятельствъ.

Рыбная ловля составляетъ драгоцѣнное пособіе для Финновъ: она даетъ имъ средства и для существованія и для торговли. Иногда она бываетъ такъ изобильна, что однимъ неводомъ вдругъ вытаскиваютъ до 8000 фунтовъ рыбы. Рускіе приходятъ изъ Бѣлаго Моря къ здѣшнимъ берегамъ въ то время, когда начинается ходъ рыбы. Морскія птицы, слѣдующія за всѣми движеніями сей послѣдней, издалека ее показываютъ. Рускіе не занимаются ловлею рыбы, а покупаютъ ее отъ Финновъ, получая за фунтъ муки пять фунтовъ свѣжей рыбы; но они сами солятъ ее, берутъ на себя всѣ приготовленія, переносятъ боченки на свои корабли, и возвращаются въ Бѣлое Море.

Моржъ есть животное, принадлежащее сѣвернымъ странамъ. Его формы кажутся только оболваненными

что, можетъ быть, происходитъ отъ здѣшняго климата, столь мало благопріятнаго для развитія органическихъ существъ. Упругіе мускулы и скачки тигра служатъ признакомъ тѣхъ странъ, гдѣ солнце обильно разливаетъ свѣтъ и теплоту; но на сѣверѣ, огромный китъ и тяжелый моржъ волнуютъ море. Противоположное полушаріе подтверждаетъ сіи наблюденія, потому что изящныя формы равно удалены отъ сосѣдства обоихъ полюсовъ. Кажется также, что цвѣтъ животныхъ зависитъ, вслѣдствіе еще неизвѣстныхъ законовъ, отъ состоянія атмосферы, температуры и дѣйствія свѣта, болѣе или менѣе обильнаго. Около полярнаго круга путешественникъ видитъ только цвѣта бѣлый и темный. Тамъ устрашаютъ его совершенно бѣлые звѣри, или, еще ужаснѣйшіе, сѣрые и темные. Въ экваторіальныхъ странахъ, цвѣта: красный, лазуревый, багряный, вся одежда радуги, украшаетъ живую природу. Г-нъ Брукъ имѣлъ случай собрать много свѣдѣній относительно моржей, и сообщаетъ оныя своимъ читателямъ.

«Во время пребыванія моего въ Гаммерфостѣ, я видѣлъ одно изъ сихъ животныхъ на берегу, подлѣ *Краснаго дома,* куда привезли его съ острова Черри. Кожа у него была необыкновенной толщины; кажется, что донынѣ ни на что не употребляютъ моржовыхъ кожъ, ибо небольшое употребленіе ихъ для обвертыванія мачтъ на кораблѣхъ въ сей землѣ совсѣмъ незначительно. Я вывезъ съ собою длинную полосу моржовой кожи; мнѣ кажется, что изъ нея вышли-бы превосходныя постромки для лошадей и ремни для каретныхъ рес-

соръ (*). Въ послѣдствіи узналъ я, что ее съ особеннымъ удобствомъ можно было-бы употреблять и для пожарныхъ ведеръ.

« Г-нъ Колькгоунъ, недавно возвратившійся изъ путешествія къ берегамъ Шпицбергена и Лапландіи, испытывалъ Конгревовы ракеты въ ловлѣ китовъ, и видѣлъ множество моржей на берегахъ острововъ, близкихъ къ Шпицбергену, и также на берегахъ острова Черри, гдѣ можно достawать ихъ большое количество. Самое лучшее время для ловли моржей есть время отлива морскаго, когда они спятъ или отдыхаютъ на прибрежныхъ скалахъ. Если матросы, вооруженные острогами, ловки и искусны, и если имъ удается убить моржей, находящихся въ ряду ближайшемъ къ морю, то легко уже овладѣть всѣмъ стадомъ; животныя, лежащія на берегу, образуютъ собою родъ охранной цѣпи, за которую ни одинъ изъ находящихся далѣе на землѣ моржей не переступаетъ. Принужденные защищаться на землѣ, они не умираютъ трусами, а противопоставляютъ непріятелю мужественное сопротивленіе, умѣютъ соединять свои силы и взаимно помогать другъ другу: побѣда надъ ними не безъ опасности для побѣдителей. Если имъ не пре-

---

(*) Г-нъ Фужеру де Бударе дѣлалъ уже подобные опыты съ кожею кашалота, выкинутаго, въ 1783 году, на берега Бретани; онъ вырѣзалъ изъ нея ремни для каретныхъ рессоръ и находилъ ихъ весьма удобными. Достойно сожалѣнія, что любопытные опыты его не были продолжаемы.

сѣченъ путь къ морю, то они стараются достигнуть берега и бросаются вплавь при малѣйшей опасности; если бываетъ ихъ иногда большое количество, то они взаимно мѣшаютъ другъ другу въ побѣгѣ: тогда сильнѣйшіе спасаются, жертвуя слабыми; впрочемъ бой сильнѣйшихъ часто спасаетъ слабыхъ. Когда стадо моржей бросилось въ море, то лодки, преслѣдующія оное, легко достигаютъ плывущихъ, и всего скорѣе тѣхъ, которые ранены были своими товарищами, сильнѣе другихъ бѣжавшими и сильно принуждавшими дать себѣ дорогу. Въ морѣ, какъ и на землѣ, моржъ не сдается безъ сопротивленія, и усилія его не всегда бываютъ безполезны: ужасные клыки, коими вооружена голова его, легко могутъ пробить и потопить лодку.

«Сіи животныя питаются молюсками и черепокожными. Довольно разсмотрѣть образованіе ихъ рта, дабы видѣть, что моржъ не можетъ пожирать рыбъ и морскихъ звѣрей, какъ увѣряли въ этомъ многіе. Вѣроятно, что клыки моржа суть орудіе, коимъ отрываетъ онъ себѣ пищу отъ морскаго дна и отъ утесовъ, ибо дно моря и утесы въ полярныхъ странахъ дѣйствительно покрыты животными, служащими снѣдью моржамъ. Иногда помощію клыковъ моржи цѣпляются по утесамъ; случается, что они засыпаютъ прицѣпившись къ утесу, море отливаетъ и тогда моржъ держится на утесѣ до тѣхъ поръ, пока волны морскія поднимутся до надлежащей высоты и освободятъ страдальца. Мнѣ сказывали, что въ проливѣ Магерейскомъ весьма часто случается видать моржей, прицѣпив-

шихся своими клыками и висящихъ на ушесѣ въ положеніи самомъ опасномъ.

«Хотя моржовый жиръ и клыки значительно уменьшились въ послѣднее время, по причинѣ величайшаго истребленія сихъ животныхъ, коихъ и донынѣ продолжаютъ бить безъ всякаго помышленія о будущемъ, но торговля сими двумя предметами все еще весьма важна. Поелику земли, на коихъ бьютъ моржей, находятся весьма не далеко отъ Лапландіи, то ловцы успѣваютъ иногда совершить двѣ поѣздки въ одно лѣто. Извѣстно, что кость клыковъ моржовыхъ предпочитается слоновой; жиръ ихъ также превосходной доброты.

«Слушая разсказы Лапландцовъ, подумаете, что они уважаютъ медвѣдей болѣе самихъ себя, и не льзя не удивляться, что они не воздаютъ медвѣдю суевѣрнаго поклоненія. Медвѣдь, говорятъ Лапландцы, силенъ противъ двѣнадцати и уменъ противъ десяти человѣкъ. Однакожь, Лапландцы нападаютъ на медвѣдя, и убитый медвѣдь есть самый знаменитѣйшій подвигъ, какимъ гордится Лапландскій охотникъ. Обыкновенно, когда Лапландецъ встрѣчаетъ красиваго медвѣдя, то начинаетъ съ нимъ говорить, хотя, разумѣется, не получаетъ отвѣта. Такіе разговоры, гдѣ употребляетъ даръ слова только одинъ изъ разговаривающихъ, бываютъ иногда между охотникомъ и медвѣдемъ, когда охотникъ располагается застрѣлить животное. Вотъ забавное происшествіе, бывшее съ однимъ Лапландцемъ, котораго видѣлъ я въ Альтенѣ. Лапландецъ преслѣдовалъ оленя, но совсѣмъ нечаянно встрѣтился съ медвѣдемъ, хотѣлъ выстрѣлить, но ружье

осѣклось; обезоруженный такимъ образомъ, онъ произнесъ къ медвѣдю слѣдующую убѣдительную рѣчь: «Господинъ медвѣдь! ты будешь подлецъ и трусъ, ты долженъ будешь умереть отъ стыда, если нападешь теперь на меня, человѣка бѣднаго и беззащитнаго. Подожди, дай мнѣ выправить ружье, и тогда будемъ мы сражаться, какъ молодцы.» Къ счастію Лапландца, встрѣтившійся съ нимъ звѣрь была медвѣдица, съ двумя маленькими медвѣжатами, которая удалилась поспѣшно. Лапландецъ увѣренъ донынѣ, что онъ убѣдилъ животное своею рѣчью.»

Капитанъ Брукъ изображаетъ зиму полярныхъ странъ въ каршинѣ плѣнительной. «Уже давно былъ Ноябрь мѣсяцъ, а хорошая погода все еще продолжалась; многіе предсказывали даже, что она продолжится до конца зимы. Снѣгу, правда, не было: онъ совершенно исчезъ; но я не жалѣлъ о немъ, смотря на предметы, которые могли быть имъ скрыты, теперь-же были совсѣмъ на виду. Зимою, здѣшніе купцы мало занимаются дѣлами и встаютъ весьма поздно; въ десять часовъ никого еще не видите; развѣ по случаю, совсѣмъ необыкновенному, можете встрѣтить кое-кого, едва продирающаго глаза и зѣвающаго; изъ этого можно понять, какъ не хочется здѣшнимъ купцамъ оставлять свои пуховыя постели и приниматься за свои обыкновенныя упражненія въ лавкахъ и магазинахъ. Въ Гаммерфостѣ, я почти всякій день прогуливался, передъ завтракомъ, и всего чаще ходилъ на маленькую баттарею, откуда въ одно время открывались передо мною, съ одной стороны разнообразные цвѣта вос-

ходящаго солнца, съ другой мѣсяцъ, коего блескъ нисколько не ослабѣвалъ. Ни въ какомъ другомъ климатѣ не льзя составить себѣ понятія о наслажденіи прелестнымъ, холоднымъ утромъ Лапландіи: оно дѣлаетъ еще здоровѣе превосходный воздухъ сей земли, веселитъ, радуетъ человѣка. Но красота зимы въ сихъ широтахъ становится еще удивительнѣе, когда солнце надолго скрывается за горизонтъ; тогда здѣшнее небо является во всемъ блескѣ, и воздухъ бываетъ освѣщенъ огнями, яркость коихъ превосходитъ иногда блескъ ночныхъ звѣздъ.

«Воздухъ совершенно тихъ, такъ-же какъ и вся природа. Самый слабый звукъ слышанъ на далекомъ разстояніи. Явственно могъ я разслушать, что говорили на другомъ берегу залива, когда, напротивъ, лѣтомъ самый сильный человѣкъ не могъ-бы подать голоса такъ далеко. Шумная лѣтняя жизнь измѣнилась съ перемѣною времени и была точно такова-же, какъ самое время; Лапландцы удалились; всякая дѣятельность постепенно уничтожилась; все отдыхало до возвращенія солнца. Лѣтомъ, маленькая баттарея была мѣстомъ сборища купцовъ, приходившихъ сюда наблюдать состояніе атмосферы, прибытіе и отъѣздъ своихъ кораблей. Но я любилъ приходить сюда зимою, одинъ, съ моимъ ружьемъ; оставался здѣсь долгое время, стрѣлялъ въ стада утокъ, прилетавшихъ болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія зимы. Сіи утки принадлежатъ къ роду тѣхъ, съ которыхъ собираютъ пухъ, называемый *гагачьимъ*. Иногда, но только весьма рѣдко, я замѣчалъ осиротѣлыхъ тюленей, при входѣ въ заливъ,

но никогда не видалъ я ни одного морскаго попугая. Во все время пребыванія моего въ Гаммерфостѣ, термометръ весьма рѣдко падалъ ниже точки замерзанія и то едва на нѣсколько градусовъ. »

Нашъ путешественникъ удостовѣрился, что сѣверныя сіянія бываютъ чаще, когда воздухъ совершенно тихъ, и блестящее во время непродолжительныхъ легкихъ вѣтровъ, коимъ здѣшніе холода не препятствуютъ дуть отъ времени до времени. Капитанъ Брукъ особенно говоритъ объ одномъ изъ сихъ воздушныхъ явленій, бывшемъ при юго-восточномъ вѣтрѣ: его блескъ, казалось ему, превосходилъ все, что онъ замѣчалъ до того времени, имѣвши случай видѣть множество сѣверныхъ сіяній. « Оно было отнюдь не выше четверти мили отъ горизонта, говоритъ Капитанъ Брукъ, но разливало яркій свѣтъ на всѣ окружавшіе его предметы. »

Не смотря на существенныя красоты полярной зимы, нашъ путешественникъ охотно оставляетъ созерцаніе звѣзднаго неба и сѣверныхъ сіяній, дабы присоединиться къ добрымъ Норвежцамъ и принять участіе въ ихъ забавахъ. Различные обычаи ихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, суть тѣ-же, какъ и въ другихъ Европейскихъ городахъ. Вотъ что говоритъ между прочимъ Капитанъ Брукъ. » Въ каждомъ семействѣ молодыя особы встаютъ ранѣе другихъ, приготовляютъ кофе для цѣлаго дома, и всякій изъ старшихъ въ семействѣ пьетъ его въ постели. Кто-бы могъ подумать, что найдетъ подобную утонченность роскоши въ ледяныхъ стра-

нахъ Сѣвернаго мыса? Но сей обычай, приличный образу жизни обитателей Гаммерфоста, распространился и въ другихъ областяхъ Норвегіи. Будучи по неволѣ беззаботны, во время большей части длинныхъ ночей, жители почитаютъ лежанье въ постели лучшимъ средствомъ избавиться отъ лишняго времени, котораго у нихъ весьма много. Постель считается здѣсь мебелью самою необходимою, и на нее не жалѣютъ издержекъ, употребляя въ пуховики гагачій пухъ. Признаюсь впрочемъ, что я никакъ не могъ приучить себя къ наслажденіямъ Гиперборейскихъ Сибаритовъ, и донынѣ предпочитаю Англійскія одѣялы и тюфяки Лапландскимъ пуховымъ подушкамъ и одѣяламъ. Подъ гагачьимъ одѣяломъ вы не чувствуете на себѣ никакой тяжести: его совсѣмъ не слышно, и между тѣмъ едва не задыхаетесь отъ жара. Съ такими предосторожностями противъ холода и съ огромнѣйшими печами, находящимися почти въ каждой комнатѣ, житель Норвегіи нисколько не боится люотости зимы. Добрый Гаммерфостскій купецъ просыпается, по его мнѣнію, весьма рано, когда открываетъ глаза въ семь часовъ утра; ему подаютъ чашку горячаго кофе; проглотивъ сей напитокъ, онъ опять опускается въ свои подушки, спрашиваетъ о погодѣ, шутитъ; тутъ подаютъ ему трубку, и вотъ онъ садится въ своей постели, начинаетъ потихоньку куритъ, и когда трубка уже пуста, сонъ его одолѣваетъ и онъ еще рѣшается соснуть часа два-три. Я сказалъ уже, что молодыя особы въ семействѣ занимаются утреннимъ приготовленіемъ кофе, и для иностран-

ца кажется это сначала весьма странно. Вообразите его спящимъ; вдругъ слышитъ онъ, что нѣжная ручка толкаетъ его; онъ протираетъ себѣ глаза и передъ нимъ хорошенькая дочь хозяина или хозяйка дома, которая мило предлагаетъ ему кофе, говоря, что сама его приготовила; но, впрочемъ, ничего не бойтесь! милая дѣвушка съ улыбкою выслушиваетъ обыкновенное Норвежское привѣтствіе: touin de tak (тысяча благодарностей!), и быстро бѣжитъ хозяйствовать въ другомъ мѣстѣ дома.»

Все это уже доказываетъ нѣсколько Европейскую образованность; но что скажутъ наши свѣтскіе люди, когда мы извѣстимъ ихъ, что въ Гаммерфостѣ ходячая монета въ бостонѣ и вистѣ — моржовый жиръ? Впрочемъ, это сущая правда: у всякаго народа свой обычай.

«Послѣ трубки, говоритъ Капитанъ Брукъ, карты составляютъ лучшую забаву здѣшнихъ жителей, и любимыя игры ихъ суть *вистъ* и *бостонъ*. Въ Гаммерфостѣ играютъ въ вистъ почти такъ-же какъ въ Англіи, съ небольшими только перемѣнами, заставляющими игрока быть внимательнымъ. Послѣ игры, каждый записываетъ свой выигрышъ или проигрышъ въ книгу, которую ведетъ съ такою-же тщательностью, какъ счетную конторскую. Въ концѣ года все пересчитываютъ, подводятъ балансы, и дѣйствительный проигрышъ платится моржовымъ жиромъ, обыкновенною монетою для карточной игры. Что касается до бостона, то въ немъ точно исполняются всѣ правила, принятыя для сей игры въ Англіи и на

Европейскомъ материкѣ. Въ карточной игрѣ приняты здѣсь, для выраженія проигрыша и выигрыша, алгебраическіе знаки — +. Такимъ образомъ, если хотятъ замѣтить, что А выигралъ 5, пишутъ: А + 5, и для выраженія, что В проигралъ 5, ставятъ В — 5. »Капитанъ Брукъ не говоритъ, давно-ли введенъ сей образъ писанья.

Въ заключеніе скажемъ, что Англійская торговля не должна терять изъ вида новаго торжища для сбыта своихъ произведеній, какое открылъ ей достойный сынъ Британіи. Долгомъ почитаемъ сообщить здѣсь нѣкоторыя подробности о семъ человѣкѣ, достойномъ быть болѣе извѣстнымъ, и о предпріятіяхъ, какими занимается онъ донынѣ въ полярныхъ моряхъ.

«Въ 1819 году Англичане завели въ Гаммерфостѣ торговую контору, *первое* Англійское учрежденіе сего рода на берегахъ Лапландіи. Джонъ Кроу (Crowe) служилъ въ Русскомъ флотѣ, и когда война между Россіею и Англіею была объявлена, вышелъ въ отставку. Частныя обстоятельства, совсѣмъ постороннія политическимъ обстоятельствамъ Англіи, принудили его оставить путь, по коему слѣдовалъ онъ до того времени. Г-нъ Кроу воспользовался познаніями, какія имѣлъ случай пріобрѣсть касательно торговли и языковъ обитателей самой сѣверной части Европы; онъ основался въ Фуглинасѣ, на берегу Гаммерфостскаго залива, прямо противъ сего города. Среди превосходныхъ гаваней сей части берега никогда не развѣвался дотолѣ Великобританскій флагъ, и даже нынѣ весьма немногіе изъ нашихъ моряковъ знаютъ ихъ,

такъ, что корабли, посѣщающіе гавани Бѣлаго Моря, не смѣютъ приблизиться къ здѣшнимъ берегамъ, почитая ихъ весьма опасными. Слѣдовательно Г-нъ Кроу, учинивъ вѣрнѣе и легче сообщеніе наше съ Сѣверомъ Россіи, въ тоже время открылъ нашимъ фабрикамъ новое мѣсто сбыта, теперь еще не значительнаго, но могущаго увеличиться и споспѣшествовать нашимъ мануфактурамъ и распространенію образованности.»

Путешествіе Капитана Брука должно поставить на ряду съ извѣстнымъ путешествіемъ Г-на Ачерби. Авторъ послѣдняго изъ сихъ двухъ путешествій показываетъ болѣе ученыхъ свѣдѣній, но большее число читателей конечно отдадутъ преимущество Г-ну Бруку. Выбирая изъ того и другаго приличные матеріялы, можно составить весьма хорошее описаніе Лапландіи, книгу, которая покажется новою, хотя мы имѣемъ уже довольно путешествій и географическихъ замѣчаній о сей землѣ. Картины Итальянскаго путешественника нравятся менѣе, нежели картины Англійскаго Капитана, но онѣ, кажется, вѣрнѣе. Г. Ачерби имѣлъ болѣе досуга и удобства изучать самую страну; Г. Брукъ болѣе говоритъ о жителяхъ. Соединивъ описанія ихъ обоихъ въ одно сочиненіе, методическое, богатое свѣдѣніями и очищенное отъ всѣхъ излишнихъ подробностей, можно было-бы удовлетворить всѣхъ родовъ читателей: и старающихся научиться, и читающихъ только для удовольствія.

(Изъ Англ. Журн.)

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1828 года.

— *Опытъ энциклопедическаго обозрѣнія Военнаго Искуства*, изданный въ пользу воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, П. Э. Профессоромъ Военныхъ Наукъ Императорскаго Московскаго Университета, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Гавриломъ Мягковымъ. М. 1828 г., въ т. Университ., in 8, XI, II и 169 стр.

Мысль Автора достойна похвалы: онъ хотѣлъ «вывесть изъ заблужденія готовящихся вступишь «на поприще ратное, что будто Военныя Науки «заключаются въ одной *копировкѣ множества си-* «*стемъ всякихъ безъ разбору инженеровъ*, или, лучше «сказать, *систематиковъ-выдумщиковъ, желавшихъ* «*занять мѣсто въ числѣ истинныхъ изобрѣтателей*, «*но коихъ бредни* (какихъ появилось въ свѣтъ не «мало) *никогда не имѣли истиннаго употребленія*» (стр. VI). Все это немного темно, но въ благонамѣренности Автора не льзя сомнѣваться, читая его книгу. Такъ, напримѣръ, когда Авторъ говоритъ о богатыхъ офицерахъ: «Что̀ препятствуетъ заниматься науками тѣмъ, у которыхъ становится денегъ на карету, четверкою запряженную, на богатые кафтаны, дѣлаемые своимъ людямъ, на *пригожихъ* верховыхъ лошадей, на модную мебель? Правда, что послѣ всѣхъ сихъ затѣй

они называютъ себя *порядочными людьми* (hommes comme il faut); но несравненно было-бы полезнѣе и для нихъ и для отечества, ежели-бы на тѣ деньги, которыя они употребляютъ на обыкновенныя карты, употребляли на карты географическія; на тѣ деньги, которыя они проматываютъ на лошадей и кареты, купили-бы книги и планы; время, которое они убиваютъ на свой туалетъ и на поклоненіе вельможамъ, употребили-бы на ученіе наукъ; вмѣсто того, чтобы мазать головы свои какимъ-то *масломъ антикъ*, наполняли ихъ свѣдѣніями — тогда не въ однѣхъ столицахъ и не однѣми женщинами они были-бы уважаемы — и служба ихъ была-бы незыблемою отечественною подпорою.»

Сначала помѣщена у Автора глава, подъ названіемъ: *О началѣ войны и Военнаго Искуства.* Авторъ выводитъ войну отъ Каина и Авеля. Потомъ говоритъ о Сезосприсѣ; выписываетъ многое изъ Военнаго Журнала; изъясняетъ правила *объявленія войны,* и проч. Авторъ вообще любитъ древнихъ (безпрерывно являются у него Скиѳы, Святославъ, Киръ, Пирръ) и ужасно бранитъ Наполеона; за то хвалитъ онъ Рускихъ. Потомъ слѣдуютъ пять частей Военныхъ Наукъ: *Тактика; Тактика Артиллеріи; Артиллерія; Фортификація; Стратегія.* Каждая изъ нихъ изъясняется *коротенько*, и за каждымъ изъясненіемъ слѣдуетъ *нѣчто пространное*, въ родѣ повторенія уроковъ, хотя все изложено въ началѣ книги, и еще разъ повторяется въ концѣ книги. Repetitio est mater studiorum. Вѣроятно, Авторъ готовилъ свою книгу для преподаванія лекцій, на которыхъ онъ подробно все разсказы-

васть, а въ книгѣ его не найдемъ отвѣтовъ на задаваемые Авторомъ вопросы. На лекціяхъ-же, вѣроятно, приводитъ онъ все и въ систему, ибо въ книгѣ своей никакой системѣ не слѣдуетъ. Въ концѣ сочиненія Авторъ совѣтуетъ читать книги, руководствующія къ пріобрѣтенію познаній въ Военномъ Искуствѣ, и приводитъ названія книгъ десятковъ трехъ; слѣдовательно *лучшихъ?* О, нѣтъ! »Надобно сказать *однако*, что между предлагаемыми сочине» ніями есть *однако* и такія, которыя не могутъ » стоять наровнѣ *съ прочими, прославившимися своею* » *изящностью;* но если справедливо сказалъ Плиній: » nullum esse librum tam malum, ut non aliqua parte posset » prodesse, то и эти книги, *хотя-бы они были и посредственныя*, совѣтуемъ просмотрѣть» (стр. 123-я). Авторъ присовокупляетъ къ нѣкоторымъ даже свои критическія замѣчанія: бранитъ *Карнота* (т. е. *Карно*) (и какъ не бранить его: онъ служилъ *Буонапарту, который былъ великій мастеръ обманывать Французовъ своими манифестами и пускать имъ золотую пыль въ глоза*), а о книгѣ: *Походный наставникъ*, восклицаетъ такъ: «*Стоитъ-ли* «*того*, чтобы такого перевода книгу покупать и «читать? это значило терять деньги и время!» (стр. 148).

Хорошо, что не всѣ рецензенты такъ сердиты, какъ Авторъ *Опыта энциклопедическаго обозрѣнія*, а то иной сказалъ-бы ему тоже самое о собственной его книгѣ. Мы лучше извѣстимъ читателей, что въ самомъ концѣ книги идутъ, отдѣльными статьями, *выноски* и *ремарки* о Чингисъ-Ханѣ, Тамерланѣ, Спартанцахъ, Римскихъ войскахъ, и — тако

заключается *Опытъ энциклопедическаго обозрѣнія Военнаго Искуства, изданный въ пользу воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона.*

— *Кавказскія минеральныя воды.* Описанныя Петромъ Савенко, Императорской Медико-Хирургической Академіи О. Профессоромъ, Докторомъ Медицины, разныхъ иноземныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ, и проч. СПб. 1828 г., въ т. Ив. Глазунова, in 8, III, 111 и 220 стр., съ загл. грав. листкомъ и многими литогр. планами.

Цѣлительныя Кавказскія воды описаны уже были нѣсколькими врачами (Описаніе минеральныхъ Кавказскихъ водъ. СПб. 1813 г.—Описаніе Кавказскихъ цѣлительныхъ водъ, изд. А. Цеэ. СПб. 1817 г.—Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Соч. А. Нелюбина. СПб. 1825 г., 2 части); но чѣмъ больше будутъ писать, тѣмъ лучше, только-бы хорошо писано было; въ семъ случаѣ книга Г-на Савенки никогда не лишняя. Бывъ въ 1827-мъ году на Кавказѣ, онъ собралъ свѣдѣнія новыя и точныя, многое наблюдалъ самъ, и издалъ книгу достойную уваженія соотечественниковъ. Обозрѣвъ вообще положеніе всѣхъ Кавказскихъ водъ, Авторъ излагаетъ геологически теорію водъ минеральныхъ (гдѣ любопытно для насъ, жителей Москвы, его мнѣніе о предметѣ, возбуждающемъ общее наше любопытство — *искуственныхъ минеральныхъ водахъ*); потомъ представляются замѣчанія отдѣльно о *сѣрныхъ, желѣзистыхъ, Кумо-горскихъ, Бугунтскихъ* и *кислыхъ* источникахъ. Вездѣ соединена топографія съ ученымъ медицинскимъ описа-

ніемъ, крашко, но достаточно. Рисунки, къ книгѣ приложенные, прекрасно литографированы Г-мъ Бегтровымъ.

Книги 1829 года.

Полтава, поэма Александра Пушкина. СПб. 1829 г., въ т. Деп. Народн. Просв., in 8, VII и 91 стр.

Съ появленіемъ въ свѣтъ сей поэмы, Пушкинъ становится на степень столь высокую, что мы не смѣемъ въ краткомъ извѣстіи изрекать приговора новому его произведенію. Доселѣ Русскіе библіографы, и въ числѣ ихъ мы сами, слѣдовали въ отношеніи къ Пушкину словамъ Вольтера, сказавшаго о Расинѣ, что подъ каждою его страницею должно подписывать: *прекрасно! превосходно!* Впрочемъ, это естественный ходъ вещей: всякое необыкновенное явленіе сначала поражаетъ, и послѣ уже даетъ время подумать объ отчетѣ самому себѣ. Но удерживаясь на сей разъ отъ рѣшительнаго сужденія о *Полтавѣ*, мы скажемъ однакожь, что видимъ въ ней, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, новое: народность. Въ *Полтавѣ,* съ начала до конца, вездѣ Русская душа, Русскій умъ, чего, кажется, не было въ такой полнотѣ ни въ одной изъ поэмъ Пушкина. Сердце трепещетъ, когда читаете, напримѣръ, слѣдующій отвѣтъ Кочубея Орлику:

Такъ, не ошиблись вы! три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой честь была —
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.

Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ: святую месть!
Ее готовлюсь Богу снесть.

Это голосъ Русскій, доходящій прямо до нашего сердца. Скажутъ, можетъ быть, что это подробности; но мы упомянули уже, что вся поэма проникнута однимъ духомъ. Блестящихъ мѣстъ, въ коихъ видна особенная сила генія, въ ней множество. Выписываемъ одно: ночной разговоръ Мазепы съ Орликомъ, наканунѣ Полтавской битвы.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать? далъ я промахъ важной:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;
Не хуже Русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, казака
И обмѣнять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
Съ Самодержавнымъ Великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,

И легкомысленъ и кичливъ;
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломитъ ему свои рога.
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.

Орликъ.

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войдти въ сношенья:
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

Мазепа.

Нѣтъ, поздно. Русскому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.

Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца!
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ нядежды:
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.
Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ Русскаго Царя.

Библіографическая точность заставляетъ насъ прибавить здѣсь, что за нѣсколько времени до выхода въ свѣтъ *Полтавы*, въ нѣкоторыхъ изъ Русскихъ журналовъ было упоминаемо о поэмѣ Пушкина, которую именовали: *Мазепа*. Это одно и тоже произведеніе, которое послѣднимъ изъ сихъ именъ называли по имени главнаго дѣйствующаго лица. Впрочемъ, литературнымъ вѣстовщикамъ не въ первый уже разъ ошибаться подобнымъ образомъ. Пушкинъ, при каждой изъ послѣднихъ своихъ поэмъ, поправлялъ ихъ: они говорили *Бакчисарайскій Фонтанъ*, а онъ написалъ *Бахчисарайскій*; они писали *Онегинъ*, *Цыгане*, а онъ написалъ: *Онѣгинъ*, *Цыганы*. Наконецъ, вмѣсто *Мазепы* явилась *Полтава*.

— *Лирическій Альбомъ на* 1829 *годъ*. Изданный М.

Глинкою и Н. Павлищевымъ. СПб. 1829 г., въ Литографіи Беггрова, въ продолговатую 4-шь л.

Это собраніе музыкальныхъ пьесъ, изданное въ видѣ Альбома, отличается прекраснымъ выборомъ и красотою изданія. Въ немъ помѣщены слѣдующія пьесы: *Воспоминаніе,* романсъ, слова Жуковскаго, музыка Н. Норова; *Воронъ къ ворону летитъ,* пѣсня, слова А. Пушкина, музыка Графа Віельгорскаго; *Вилія*, пѣсня изъ поэмы Мицкевича: *Валленродъ,* слова перев. Г-на Шеміота, музыка Г-жи Шимановской; *Память сердца,* романсъ, слова Батюшкова, музыка М. Глинки; *Черная Шаль,* пѣсня, слова А. Пушкина, музыка Гр. Віельгорскаго; *Mio ben ricordati*, duettino per tenore e contralto, composto dal S. M. Glinka; *Stances*, tirées de Lamartine, mises en musique par N. Noroff; *Скажи, зачѣмъ*, романсъ, слова Кн. С. Голицына, музыка М. Глинки. Всѣ сіи пьесы составляютъ первую часть Альбома; она сверхъ сего украшена красивымъ заглавнымъ листкомъ и двумя литографическими картинками. Вторая часть, или *Прибавленіе къ Лирическому Альбому*, заключаетъ въ себѣ музыку для танцовъ: 2 *вальса*, соч. М. *Рубца*, *мазурка*, соч. В. Добраго, *Котильонъ*, соч. М. Г***, *Кавалерійская рысь*, соч. Кн. А. Голицына; *мазурка*, соч. М. Г***, *вальсъ*, соч. Г. Павлищева, *вальсъ*, соч. Е. Штерича, наконецъ Nouvelles contredanses или *Французскія кадрили*, соч. М. Глинки.

— *Краткое описаніе села Спаскаго, Кусково тожь,* принадлежащаго Его Сіятельству Графу Петру Борисовичу Шереметеву. Сочиненіе Неизвѣстнаго. На-

печатано въ 1787 году. и прогулка въ селѣ Кусковѣ. Соч. А. Воейкова. СПб. въ т. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи. 1829 года. 45 стр. in 8 (« *Взято* изъ № VII и VIII Военно-Литтературнаго Журнала Славянинъ » прибавлено въ концѣ сей книжки).

Какъ лучезарное солнце, разливая благодѣтельный свѣтъ и теплоту на обширныя страны, вмѣстѣ съ симъ отогрѣваетъ всѣхъ и все, такъ благодѣтельный Цензурный Уставъ 1828 года, между прочимъ открылъ и Г-ну Издателю Славянина новое поприще дѣятельности. Оно для него ново потому, что теперь онъ безотвѣтно можетъ перепечатывать старье (пролежавшее законныя 25 лѣтъ) и наполнять имъ свой *мнимо*-литтературный и *мнимо*-военный журналецъ: въ отвѣтѣ будутъ одни читатели его, и то передъ самими собою. *Прогулка въ Кусковѣ*, еще въ 1825 году оказалась, по вѣрнѣйшимъ справкамъ и *противнямъ*, перепечаткою изъ старой книжки, которой заглавіе означено выше. Издатель Телеграфа какъ-то упомянулъ объ этомъ, а Издатель Славянина и радъ: онъ вновь тиснулъ эту перепечатку, вмѣстѣ съ оригиналомъ, въ своемъ журналецѣ, какъ доказательство, что его статья оригинальная. Вотъ что называется: *страху въ глаза поглядѣть*! » Справляться-де и сличать не станутъ; я же печатаю на счетъ читателей Славянина!» Приправивъ тактическою бранью свою вторичную перепечатку, Г-нъ Воейковъ какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. И славно! вотъ какъ надобно литтературствовать! Мы слышали, что кто-то *положилъ на мѣрѣ*, привести себя въ такое положеніе, чтобы отвѣчать на его выходки было

стыдно; приведши-же себя въ это блаженное положеніе, онъ рѣшился воевать своимъ перомъ, ибо знаетъ, что никто не станетъ ни слушать его, ни отвѣчать ему. Вотъ образецъ литтературнаго вампирства! Кто хочетъ узнать, можетъ-ли оправдаться Г. Воейковъ въ перепечаткѣ и выдачѣ чужой статьи за свою, тѣмъ совѣтуемъ заглянуть на 389—404-ю стр. Сына Отечества, 1825 года, № 4-й. Для любопытныхъ прибавимъ, что заглавіе книжонки, о которой идетъ рѣчь, списано нами, для показанія грамматическихъ свѣдѣній Г-на Воейкова, съ дипломатическою точностью.

— Supplément au grand catalogue de musique et des instrumens de musique, etc, qui se vendent chez C. L. Lehnhold. *Прибавленіе къ Большому Каталогу* разнымъ нотамъ, музыкальнымъ инструментамъ и прочимъ вещамъ, продающимся у Карла Павлова Ленгольда, въ Москвѣ, на Ильинкѣ, въ домѣ Плотникова. М. въ Т. Семена 1829. 29 стр. in 8.

Богатый музыкальный магазинъ Г-на Ленгольда (можетъ быть одинъ изъ первыхъ въ Европѣ) ежегодно увеличивается и *освѣжается* всѣмъ, по возможности, что музыкальные геніи создаютъ въ Европѣ. Начиная отъ великолѣпныхъ произведеній Россини, до унылыхъ мелодій какихъ нибудь горныхъ пѣвцовъ, все стекается въ музыкальную сокровищницу Г-на Ленгольда. Всѣ усовершенствованные инструменты и разныя музыкальныя удобства также получаются здѣсь немедленно. Доказательствомъ сего, для иногородныхъ (ибо Московскіе жители могутъ удостовѣриться въ этомъ лично),

служитъ *Прибавленіе*, вновь изданное Г-мъ Ленгольдомъ. Въ ономъ означены теорическія сочиненія и ноты, поступившія въ Магазинъ послѣ изданія Большаго Каталога, о которомъ мы извѣщали нашихъ читателей (см. Моск. Тел. Т. XXII. стр. 295, 1828). Одно сіе *Прибавленіе* составляетъ огромную роспись, гдѣ означено множество драгоцѣнныхъ созданій старыхъ и новыхъ любимцовъ музыкальнаго міра: Моцарта, Россини, Гуммеля, Риса, Вебера, Верстовскаго, Мошелеса, Калкбреннера, Пиксиса, Мендельзона, Листа, и другихъ.

—*Иванъ Выжигинъ*, нравственно-сатирическій романъ. Сочиненіе Ѳаддея Булгарина. 4 части. СПб. 1829 г., въ т. вдовы Плюшаръ, in 12, XXIII, XXIV, 222, 226, 261 и 377 стр., съ гравированною виньеткою и двумя литографированными картинками.

Вотъ истинный подарокъ Русской публикѣ! Сей давно ожиданный романъ, есть одно изъ пріятнѣйшихъ явленій въ Русской литтературѣ. Умъ, наблюдательность, пріятный разсказъ, составляютъ достоинства онаго; самая чистая нравственность дышитъ на каждой страницѣ. Не забудемъ и того, что Авторъ шелъ по пути, совершенно новому, ибо до сихъ поръ, кромѣ попытокъ, болѣе или менѣе неудачныхъ, у насъ не было романовъ. Онъ долженъ былъ сотворить даже слогъ для своего сочиненія, и въ этомъ отношеніи самъ сдѣлался образцомъ. Но не въ одномъ этомъ отношеніи онъ вышелъ побѣдителемъ изъ битвы съ затрудненіями, для Русскаго романиста весьма многочисленными. Самые

характеры Русскіе еще такъ неоригинальны, такъ *не всеобщи*, что у насъ житель Бахмута будетъ за новость слушать разсказы о своихъ Ярославскихъ землякахъ; паркетный шаркунъ будетъ на слово вѣрить изображенію мужиковъ, живущихъ въ его же помѣстьяхъ; однимъ словомъ, у насъ нѣтъ общаго отпечатка въ характерахъ, такъ-же какъ въ физіогноміи. Но мы увѣрены, что многіе Русскіе портреты и характеры, выставленные въ *Выжигинѣ*, знакомы всѣмъ: это они, они, наши милые соотечественники! Если-же сіи слова повторятъ всѣ непредубѣжденные читатели Г-на Булгарина, то поздравляемъ его съ *генеральною* побѣдой. Надобно необыкновенное искусство, чтобы выбрать предметы общіе, вѣдомые Рускимъ, которые знаютъ себя хуже, нежели своихъ земляковъ по Европѣ: Нѣмцовъ, Французовъ и Англичанъ. Съ своей стороны, въ этомъ отношеніи, мы подаемъ голосъ *за* Автора.

Наконецъ должно сказать и о завязкѣ или интригѣ *Выжигина*. Въ планѣ Автора было, какъ намъ кажется, не интриговать своихъ читателей романическими мистификаціями. Онъ хотѣлъ представить толпу характеровъ, нравовъ, повѣрій, обычаевъ Русскихъ, чему помѣшала бы запутанная завязка, ибо при ней происшествіе необходимо должно-бъ было вершѣться между нѣсколькими лицами. Въ этомъ *Выжигина* можно уподобить драмѣ, основанной на характерахъ, а не на интригѣ. Но какъ въ драмѣ, развивая характеръ лицъ, не льзя соединить съ симъ запутанной интриги, которая имѣла бы свой характеръ и развивала-бы какую нибудь одну мысль, одну данную, такъ и въ *Выжигинѣ* завязка не

запутана, потому что не это Авторъ имѣлъ въ виду. Чѣмъ восхищаемся мы въ Мольеровомъ *Мизантропѣ*, *Тартюфѣ*? Конечно не завязкою, ибо въ обѣихъ сихъ пьесахъ она не только проста, но и пошла. Что составляетъ главное достоинство въ повѣстяхъ неподражаемаго Ваш. Ирвинга? У него, почти всегда, нѣтъ происшествія, и между тѣмъ нельзя закрыть книги, пока ему не угодно окончить бесѣды съ читателемъ. Мы изложили сіи мысли здѣсь потому, что уже имѣли случай слышать мнѣніе *нѣкоторыхъ* читателей, недовольныхъ завязкою *Выжигина*. Но мы почитаемъ такое мнѣніе слишкомъ одностороннимъ. Лесажъ безсмертенъ, а у него въ *Хромоногомъ бѣсѣ*, въ *Жилблазѣ*, завязка еще простѣе нежели въ *Выжигинѣ*.

Предвидимъ, что, *еще нѣкоторые*, назовутъ похвалы наши сему роману безусловными, безотчетными. Признаемся, что удовольствіе, доставленное намъ чтеніемъ онаго, виною всѣхъ этихъ похвалъ. Но не подумайте, Гг. Антикритики, чтобы мы находили *Выжигина* совершеннымъ произведеніемъ! Нѣтъ. И мы замѣтили нѣкоторыя пятна въ этомъ блестящемъ литтературномъ явленіи. Надѣясь, въ скоромъ времени, подробно изложить наши мысли о сочиненіяхъ Гна Булгарина — ибо они составляютъ въ нашей Литтературѣ явленіе, обращающее на себя общее вниманіе, слѣдственно явленіе важное, требующее особеннаго разсмотрѣнія — мы не хотѣли бы говорить въ краткомъ извѣстіи о недостаткахъ *Выжигина*. Но въ доказательство тѣмъ изъ литтературныхъ судей, которые только похвалы называютъ безотчетными, скажемъ,

что весь эпизодъ *Выжигина* о приключеніяхъ въ Киргизской степи мы почитаемъ вставкою, имѣющею свое большое достоинство, но неумѣстною; что Миловидовъ, по мнѣнію нашему, играетъ слишкомъ дѣятельную роль, въ ущербъ дѣятельности всего романа; что въ самыхъ описаніяхъ находятся нѣкоторыя неточности. Въ примѣръ послѣдняго, мы укажемъ на описанія, коими Авторъ касается Москвы. Видно, что общество Московское ему извѣстно только по наслышкѣ. Гдѣ у насъ юноши-философы? что̀ за отдѣлъ людей *Архивные* юноши? Это кажется замѣтнымъ только издали; вблизи это очень мѣлко. Есть отдѣлы Московскаго общества, гораздо болѣе достойные сатирическаго бича. На страницѣ 178-й 3-го тома Авторъ упоминаетъ о *приходѣ* Василія Блаженнаго. Церковь сія не имѣетъ прихода, потому что она Соборъ, иначе именуемый *Покровскимъ Соборомъ*. Вотъ сколько крючковъ и привязокъ наставили мы! Но здѣсь истощена почти вся громада нападеній. Чтобы разстаться съ *Выжигинымъ великодушными врагами* (какъ говаривалъ Байронъ), прибавимъ, что прочитавъ его, мы не удивляемся огромному успѣху сего новаго сочиненія Г-на Булгарина. Объявленіе *о второмъ изданіи Выжигина* подтверждаетъ наше мнѣніе, и показываетъ, до какой степени возбуждено любопытство публики.

— *Вудтокъ или Всадникъ*. Исторія Кромвелевыхъ временъ. — 1651 годъ. — Соч. Сира Вальтера Скотта. Перевелъ съ Французскаго С. Де Шаплетъ. Спб. 1829 г. въ т. Деп. Нар. Просв. Ч. I. 278. стр.,

Ч. II-я 287 стр., Ч. III-я 285 стр., Ч. IV-я 336 стр. in 12 (*).

Вудстокъ, одинъ изъ новѣйшихъ и лучшихъ романовъ В. Скотта, переведенъ Гмъ Де Шаплетомъ очень хорошо. Имя Г-на Переводчика извѣстно у насъ по его прекраснымъ переводамъ *Пустынниковъ* Жуи и Ружемона; Русскій Вудстокъ подтверждаетъ сію добрую славу. Мы увѣрены, что всѣ любители романовъ неподражаемаго Шотландскаго Баронета, не имѣющіе средствъ читать оные въ оригиналѣ или во Французскомъ переводѣ, поспѣшатъ приобрѣсти *Вудстокъ* въ переводѣ Г-на Де Шаплета: тѣмъ они доставятъ себѣ истинное наслажденіе. Пріятно на своемъ языкѣ читать хорошій переводъ изящнаго произведенія: въ этомъ чтеніи есть даже что-то особенно привлекательное. Книгу, знакомую намъ на языкѣ Французскомъ или Нѣмецкомъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ перечитываемъ на своемъ родномъ языкѣ. Одно условіе: что бы переводъ былъ хорошъ; потому то мы отъ души поздравляемъ Русскую публику съ симъ новымъ переводомъ: за него можно приниматься съ вѣрною надеждою на удовольствіе; а что Вальтеръ Скоттъ постоитъ за себя, объ этомъ и говорить нечего.

Изданіе сей книги весьма хорошо.

(*) Продается въ С. Петербургѣ у всѣхъ книгопродавцевъ, въ Москвѣ у А. С. Ширяева, въ Университетской книжной лавкѣ. Цѣна за всѣ 4 части, въ красивой печатной обверткѣ, въ С.П.бургѣ 10 руб., съ пересылкою во всѣ города 12 рублей.

СМѢСЬ.

Французскую публику занимаетъ нынѣ процессъ, совершенно новаго рода. Александръ Дюмасъ, молодой поэтъ, написалъ трагедію: *Генрихъ III.* Она была принята на Французскій театръ и имѣла успѣхъ необыкновенный. Театръ, при каждомъ представленіи новой драмы, былъ полонъ, рукоплесканіямъ не было конца. Это разсердило записныхъ классиковъ, тѣмъ болѣе, что по естественному ходу дѣлъ въ мірѣ, а не по чему либо иному, знаменитыя произведенія Французскихъ трагиковъ не привлекаютъ болѣе публику въ театръ, особенно послѣ смерти Тальмы. Что-же сдѣлали классики? Они вздумали просить Короля вступиться за древнюю славу классицизма, запретить представленіе романтическихъ драмъ на Французскомъ Театрѣ и прогнать съ онаго пьесу А. Дюмаса. Просьба ихъ, чего и должно было ожидать, оставлена безъ вниманія. Послѣ этого образовались двѣ явныя партіи: Классическая, защищающая сторону подававшихъ просьбу классиковъ, извѣстныхъ писателей Арно, Жуи, Этьена, Вьенне, Леруа, и Романтическая, въ которой первенствуютъ протестовавшіе въ газетахъ противъ классиковъ литтераторы: Делавинь, Скрибъ, Суме, Ансело, Дюваль, Мазеръ. Началась перестрѣлка въ журналахъ, также раздѣлившихся на двѣ партіи. Наконецъ нѣкоторые изъ

воюющихъ пишутъ особенныя книги о спорномъ предметѣ; сатиры, эпиграммы, личности сыплются съ обѣихъ сторонъ. Два члена Французской Академіи, Н. Лемерсье и Боуръ-Лорміанъ, издали сатирическія сочиненія: первый пародію мелодраму *Каинъ*, второй сатирическо-бранчивую выходку, названную имъ *Набатная пушка* (Canon d'alarme). Читая въ послѣдней пошлыя ругательства на романтизмъ, мы, кажется, видимъ послѣднее усиліе людей, для коихъ *романтизмъ* и *нелѣпость* синонимы. Пора образумиться! И зачѣмъ унижать классицизмъ такими средствами, если онъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, умеръ для нашего времени? Но мы почитаемъ сіе происшествіе *всемірнымъ*. Французы даютъ тонъ всему: и у насъ откликнется ихъ литтературный процессъ.

Въ Revue Britannique, мы нашли слѣдующее важное извѣстіе: «Изъ числа многихъ средствъ, способствующихъ исцѣленію отъ ожоги, самымъ благотворнымъ признано въ недавнее время прикладываніе хлопчатой бумаги на обожженное мѣсто. Употреблять ее начали прежде всѣхъ Сѣверо-Американскіе Медики. По замѣчанію Г-на Андерсона, много разъ испытывавшаго сіе средство, первымъ дѣйствіемъ онаго бываетъ быстрое прекращеніе боли и раздраженія, каково-бы ни было состояніе раны, причиненной ожогою. Многіе изъ его больныхъ, коихъ онъ сначала пользовалъ другими средствами, немедленно чувствовали облегченіе, какъ скоро къ ранамъ ихъ онъ прикладывалъ хлопчатую бумагу, и

между тѣмъ ни что другое не могло произвести сего дѣйствія. Если даже рана такъ обширна и глубока, что нѣтъ никакой надежды спасти жизнь обожженному, то по крайней мѣрѣ отъ приложенія хлопчатой бумаги онъ немедленно чувствуетъ большое облегченіе и даже совершенное прекращеніе боли. Въ случаяхъ не столь важныхъ, уменьшается жаръ, тоска исчезаетъ, безсонница перестаетъ мучить больнаго и онъ снова получаетъ аппетитъ. Хлопчатая бумага, уменьшая воспаленіе въ наружныхъ, обожженныхъ частяхъ, ускоряетъ излеченіе оныхъ и часто даже препятствуетъ самому образованію струпа. Въ семъ случаѣ она составляетъ, вмѣстѣ съ влажностями раны, родъ оболочки, замѣняющей сожженную перепонку или верхнюю кожицу, защищаетъ открытое мѣсто отъ раздражительнаго дѣйствія внѣшняго воздуха и способствуетъ нарастанію новой перепонки. Одному угольщику, жестоко обожженному, хлопчатую бумагу не перемѣняли двѣ недѣли: послѣ сего, при перевязкѣ, нашли, что раны большею частію затянуло, и не поджившія мѣста были близки къ исцѣленію. У другой особы, которая получила отъ ожоги глубокія и почти одинакія раны на обѣихъ ногахъ, Г-нъ Андерсонъ одну ногу перевязалъ хлопчатою бумагою, а другую обыкновеннымъ спускомъ. Дѣйствіе хлопчатой бумаги было таково, что въ обложенной ею ногѣ боль была весьма легкая и черезъ три недѣли рану совсѣмъ затянуло; напротивъ леченная спускомъ нога причиняла жестокую боль, была поражена воспаленіемъ и рана закрылась на ней не раньше какъ черезъ три мѣсяца.»

« Въ 23й книжкѣ Телеграфа 1828 года, на страницѣ 382-й » пишетъ къ намъ почтенный Г-нъ Бояркинъ « напечатано нѣсколько выраженій изъ условнаго языка прежнихъ Волжскихъ разбойниковъ, съ невѣрнымъ истолкованіемъ смысла. »

« Разбойничій крикъ на Волгѣ : *Сарынь на кичку*, не значилъ : *бить всѣхъ*. Слово : *сарынь* (а не сарынъ) значитъ почти то-же, что *сволочь*. Въ понятіи унизительномъ, часто такъ и нынѣ называютъ артель бурлаковъ, или толпу рабочихъ людей на расшивахъ и другихъ судахъ, по Волгѣ ходящихъ. *Кичкою*-же назывался носъ, или передній конецъ судна, противоположный концу заднему, называющемуся кормою. Когда, нападая на судно, разбойники кричали : *Сарынь на кичку !* то, въ подлинномъ смыслѣ условнаго языка ихъ, слова сіи означали : *Бурлаки ! убирайтесь всѣ къ носу ! приляжь-те, молчите и съ мѣста не трогайтесь.* Когда сіе ужасное повелѣніе исполнялось, то грабили судно, и каюшу, близъ кормы находящуюся, но къ бурлакамъ не прикасались ; били-же ихъ въ такомъ только случаѣ, когда они крику : *сарынь на кичку*, не повиновались.

» Слова : *Пусти краснаго пѣтуха !* значили на Волгѣ : *стрѣляй !* а на сухомъ пути тѣже слова означали : *зажигай домъ !* Выраженіе : *по рѣкѣ волна прошла*, понималось : *за нами погоня.*

« Смыслъ сихъ и другихъ разбойничьихъ терминовъ, Волжскіе судопромышленники донынѣ твердо знаютъ. Но разбои нынѣ—да будетъ благодареніе Господу—давно уже на Волгѣ не существуютъ,

и составляютъ только часть историческихъ преданій и народныхъ воспоминаній. »

Съ истинною благодарностію принимая замѣчанія почтеннаго Г-на Бояркина, мы покорно просимъ его и всѣхъ любителей отечественнаго, присылать къ намъ столь любопытныя замѣчанія. Мы готовы печатать ихъ немедленно въ Телеграфѣ, и за сообщеніе извѣстій обо всемъ, что касается нравовъ, обычаевъ, обрядовъ и вообще подробнаго познанія отечества нашего, будемъ особенно благодарны.

Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, разныхъ орденовъ Кавалеръ, бывшій Министръ Юстиціи, скончался 26 Февраля, въ помѣстьѣ своемъ, селѣ Кибинцахъ, Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда. Онъ достигъ преклонной старости: 75 лѣтъ отъ рожденія, хотя посвящая всю жизнь, кромѣ послѣднихъ годовъ, государственному служенію, никогда не щадилъ здоровья въ занятіяхъ многотрудныхъ, требовавшихъ всякаго вниманія.

Егоръ Борисовичъ Фуксъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, скончался 25 Марта, въ С. Петербургѣ, гдѣ жилъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни. Сей достопамятный мужъ находился Секретаремъ и ближайшимъ человѣкомъ при безсмертномъ Суворовѣ, во время Австро-Россійской кампаніи въ 1799 году. Изъ множества *Анекдотовъ*

о Суворовѣ, изданныхъ Е. Б. Фуксомъ, видно, что Герой особенно любилъ его и удостоивалъ своею довѣренностью до конца жизни. Какъ Литераторъ, Е. Б. Фуксъ извѣстенъ *Исторіею кампаніи* 1799 года, *Анекдотами о Суворовѣ* и нѣкоторыми мѣлкими статьями, изданными имъ въ особой книгѣ. Вся жизнь Фукса была посвящена любви къ отечеству и любви къ Суворову: онѣ раздѣляли всѣ минуты его жизни.

Александръ Яковлевичъ Княжнинъ, Генералъ-Лейтенантъ, Членъ Военнаго Совѣта и Кавалеръ, скончался въ С. Петербургѣ, Марта 27 дня, отъ раны, полученной имъ въ сраженіи при Бородинѣ (24 Августа 1812 года). Но тяжелая рана сія, въ продолженіе 16-ти слишкомъ лѣтъ, не могла остановить его на пути служенія отечеству. Излишніе труды по службѣ, какъ говорятъ, ускорили кончину сего достойнаго мужа. Въ литературѣ онъ извѣстенъ нѣкоторыми театральными пьесами, имѣвшими большой успѣхъ, и мѣлкими стихотвореніями.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Quelques capotes de gros de Naples, pour le matin, offrent de très-grands carreaux qui imitent les madras de l'Inde.

Les chapeaux de satin russe, rose ou bleu, ont, au haut de la forme, par devant, une cocarde composée de huit ou dix boucles de ruban de gaze. Par derrière, figure une cocarde plus petite, placée au bas de la forme.

On nomme *vin de bordeaux* une des nuances rouge-violet à la mode : les couturières l'emploient, soit pour robes habillées, soit pour redingotes, dites élégant négligé.

Chez les modistes, une couleur nouvelle porte le nom de *saumon*.

Sur le dos des robes, les tailles sont marquées par des liserés ou petites baguettes de la même couleur et souvent de la même étoffe que la robe. On nomme ces corsages *polonais*, ou *livoniens* : la fermeture, au milieu, par derrière, soit à agrafes, soit à lacet, est toujours cachée par une petite bande plate qui la recouvre. Les mêmes liserés ou petites baguettes, au nombre de trois au moins, et de cinq au plus,

(*) До 25 Марта (Н. С.) 1829 г.

marquent le haut d'un large ourlet, ou d'un biais qui monte jusqu'aux genoux. La ceinture, bouclée par derrière, offre sur ses deux bords, un liseré pareil. Enfin les manches *à la mameluck* ont toutes en haut un large croissant, plissé à petits plis, entre le corsage et la manche, puis, en bas, une double ou triple petite baguette faisant *poignet*. Sur ce poignet sont montés les plis de la manche, absolument comme aux larges manches de chemise des femmes de certains cantons suisses.

Dans un bal donné le 23 mars, la coeffure de Mad. la baronne de L.... était un mêlange d'épis en diamans et de fleurs. C'étaient des fleurs aussi, qui formaient le diadème de Mad. C.... B; mais ces fleurs, figurant des boules de neige, étaient en améthystes et aigues-marins.

Mad. L... portait une robe de crêpe noir à colonnes en or frappé, et à palmes dans le bas.

Fort peu de corsages étaient surmontés d'une blonde plissée; mais toujours on appercevait une chemisette brodée et bordée d'une petite dentelle.

Quelques robes de crêpe blanc avaient, à la hauteur des genoux, une large guirlande de lilas et d'œillets brodés en soie plate.

Les dames qui n'étaient point venues pour danser, portaient des chapeaux de la forme dit *cardinal*, ou des turbans en tissu d'or et tissu d'argent.

Les élégans étaient en pantalon collant, à sous-pieds ou sans sous-pieds; bas noirs à jour et brodés, ou bas gris; habit couleur œil de corbeau; gilet de dessous en gourgouran ou en piqué, fait à schall, et renversé sur le collet d'un gilet de velours à fleurs d'or; cravate à rosette, formée vers le milieu, et chapeau à cornes, avec large gance *à l'anglaise* en or passementé, et plumes dans l'intérieur.

Головные уборы. Нѣкоторыя изъ шляпокъ-капотовъ, надѣваемыя при утреннихъ выѣздахъ, дѣлаются изъ гроденапля съ огромными квадратами, похожаго на Индійскій мадрасъ. — Шляпки изъ Русскаго ашласа, розоваго или голубаго, убираются вверху тульи, спереди, кокардою, составленною изъ осьми или десяти бантовъ газовыхъ лентъ; сзади, внизу тульи, бываетъ также кокарда, только поменѣе.

Модныя матеріи. *Бордосское вино*: такъ называютъ одинъ изъ модныхъ оттѣнковъ красно-фіолетовыхъ; матеріи сего цвѣта употребляются для нарядныхъ платьевъ и для рединготовъ, называемыхъ щегольскимъ неглиже. — У модистокъ явился новый модный цвѣтъ, называемый цвѣтъ *семги*.

Модныя платья. На спинѣ платья талья означается маленькимъ лизере, одинаковаго съ платьемъ цвѣта, иногда той-же самой матеріи, изъ какой сдѣлано платье; такіе корсажи называются *Польскими* или *Лифляндскими*. Застежку ихъ посрединѣ (аг-

рафъ или снурокъ) всегда закрываетъ маленькій плоскій бантъ. Такіе-же, не менѣе трехъ и не болѣе пяти, лизере показываютъ вышину широкой подшивки, которая идетъ до колѣнъ. Поясъ, застегнутый сзади, обшивается такимъ-же лизере по обоимъ краямъ. Мамелюкскіе рукава убираются сверху широкимъ полумѣсяцомъ, сложеннымъ въ маленькія складки между корсажемъ и рукавомъ; далѣе къ кисти руки, дѣлаются двойные и тройные лизере. Рукавъ оканчивается складками, совершенно похожими на складки, какія бываютъ у широкихъ рукавовъ женскихъ рубашекъ въ нѣкоторыхъ Швейцарскихъ областяхъ.

Бальные уборы. На одномъ балѣ головный уборъ Баронессы Л. состоявляло смѣшеніе алмазныхъ колосьевъ и цвѣтовъ; изъ цвѣтовъ сдѣлана была и діадема Г-жи С. Б., но цвѣты сіи, изображая собою бульденейжи, были изъ амешистовъ и аквамариновъ. — Г-жа Л. была въ креповомъ черномъ платьѣ съ золотыми полосами и съ пальмами внизу платья. — Весьма мало было корсажей съ блондовыми складками; но замѣчены шемизешки, вышитыя и обшитыя узенькими кружевами. — Нѣкоторыя изъ бѣлыхъ креповыхъ платьевъ убраны были широкою гирляндою, изъ сиреней и гвоздикъ, вышитыхъ шелкомъ. — Не танцовавшія дамы были въ Кардинальскихъ шляпкахъ или въ тюрбанахъ, изъ золотой или серебряной ткани. — Кавалеры были въ узкихъ панталонахъ, въ черныхъ вышитыхъ чулкахъ ажуръ, или въ сѣрыхъ; фраки чернаго цвѣта, называемаго вороній глазъ; нижніе жилеты изъ гургурана или

пике съ шалью, которая закрывала воротничекъ другаго, верхняго жилета, сдѣланнаго изъ бархата съ золотыми цвѣточками; галстухи были завязаны спереди бантомъ; шляпы съ углами, съ широкимъ золотымъ галуномъ на Англійскій манеръ и съ перьями внутри.

ПАРИЖСКІЯ ВѢСТИ.

Издатель Парижскаго Журнала Модъ съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаетъ читательницъ о новости, въ самомъ дѣлѣ довольно необыкновенной. Въ Константинополѣ, по повелѣнію Султана Махмуда, Парижскій Журналъ Модъ переводится на Турецкій языкъ, и каждый нумеръ онаго, съ Парижскими картинками, препровождается въ Гаремъ Султана. Султанскія жены въ восторгѣ отъ такой новости. Воображаемъ себѣ затрудненіе какого нибудь бородатаго Улема, которому по волѣ Султана достается тяжелая должность пересказывать всѣ модныя причуды.

« Autre triomphe des modes de notre beau pays! » восклицаетъ Издатель Журнала Модъ. Весь тріумфъ состоитъ въ томъ, что въ Стокгольмѣ, 24-го Февраля, на балѣ у Графа Монталеберта, попеременно танцовали Французскія кадрили и Шведскія кадрили. За это любезный Издатель называетъ Шведовъ Сѣверными Французами. Неужели до сихъ поръ въ Швеціи не танцовали

Французскихъ кадрилей? По крайней мѣрѣ у насъ эта кадриль уже давно сдѣлалась опасною соперницею всѣхъ другихъ танцовъ: только еще котильонъ и мазурка сохраняютъ свои права на балахъ.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Газовый тюрбанъ, съ золотомъ (голубаго цвѣта тюрбанъ дѣлается съ серебромъ); блондовое платье, убранное атласными углами, которые обшиты блондами.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Марта 27 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Въ Парижѣ 25 Марта (н. с.) 1829.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 7. *Апрѣль* 1829.

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

И НЕДОСТАТКАХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ ФАБРИКЪ.

(Окончаніе).

Куренья сѣрою. Наконецъ мы собственнымъ опытомъ удостовѣрились, что можно устроить сѣрные домики, или бани, такъ, что никакого вреднаго слѣдствія для шелка, и неудобства для занимающихся на фабрикѣ, не будетъ. Въ скоромъ времени, мы надѣемся издать подробное описаніе и рисунки куриленъ, которыя должны быть переносныя, а не подвижныя.

Вотъ средства, коими немедленно должно заняться, дабы привесть въ совершенство одну изъ важнѣйшихъ частей нашей промышленности, подверженную паденію отъ нашей не-

брежности, отъ вкравшихся въ нее злоупотребленій, отъ того, что мы не думаемъ объ улучшеніяхъ старыхъ методъ.

Полагаемъ полезнымъ изложить въ окончаніи нашихъ замѣчаній нѣсколько химическихъ изслѣдованій о шелкѣ и обработкѣ онаго, и въ заключеніе, объяснить все сказанное нами въ самыхъ краткихъ словахъ, которыя покажутъ цѣль нашихъ замѣчаній.

Отчистка шелка, болѣе экономическимъ и менѣе продолжительнымъ способомъ, въ сравненіи съ отчисткою его мыломъ, съ давняго времени была предметомъ разысканій химиковъ. Нынѣшняя метода отчистки справедливо почитается вредною, ибо мыло, не разводясь совершенно въ водѣ, но испытывая только болѣе или менѣе разложенія, отъ дурныхъ свойствъ воды, или отъ прибавленія землистыхъ солей, означенныхъ нами въ статьѣ о пряденіи, производитъ слѣдующій процессъ: часть его маслянности, отдѣляясь въ бѣлыхъ кусочкахъ и въ частичкахъ весьма раздѣленныхъ, пристаетъ къ шелку, слоями чрезвычайно нѣжными, и дѣлается препятствіемъ къ пропитыванію шелка красящими веществами. Отъ того сіи послѣднія необходимо должны имѣть менѣе блеска, менѣе прочности, и быть подвержены линючести. Напрасно стараются пособить это-

му красильщики. Присутствіе мыльной масляности оказывается тухлымъ запахомъ, который раскрывается и распространяется отъ теплоты, какой подвергаютъ шелковыя матеріи при аппретурѣ. Запахъ сей столь силенъ, что картоны, находящіеся между складками матерій и подвергнутые давленію двухъ желѣзныхъ, разгоряченныхъ пластинъ, навсегда остаются имъ пропитаны.

Съ другой стороны, продолжительность варки въ мылѣ необходимо измѣняетъ связь шелка, который дѣлается хлопковатъ и запутанъ. Извѣстно, что шелкъ, долго кипятимый даже въ простой, чистой водѣ, наконецъ разлагается и разрывается въ хлопки.

Недостатки нынѣшняго обработыванія столь извѣстны, что еще въ 1760 году, Ліонская Академія предлагала задачу для состязанія, о томъ: *чѣмъ* должно замѣнить мыло въ отчисткѣ шелка. Нѣсколько разъ была повторяема сія задача, но безъ успѣшнаго рѣшенія. Г-нъ Женевъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ членовъ Академіи, въ отчетѣ своемъ по сему предмету, совершенно справедливо доказываетъ, что мыльная масляность, запирая скважинки въ шелкѣ, препятствуетъ красящимъ веществамъ проникать въ оныя, заставляетъ линять бѣлый цвѣтъ, мрачитъ лиловый и фіолетовый, и во-

обще дѣлаетъ цвѣта непрочными (Rapp. Acad. 1765). Знаменитые химики Макеръ и Бергманъ, которымъ искуство красить одолжено столь многими усовершенствованіями, дѣлали точно такія-же замѣчанія.

Съ давняго времени, и большое число химиковъ занималось симъ важнымъ предметомъ. Г-да Риго и Нейре де Сенъ-Кентенъ, и Г-нъ Боме, въ Парижѣ, испытывали бѣленіе шелка спиртомъ, смѣшаннымъ съ соленою кислотою; но сей способъ, требующій отъ 12 до 15 дней времени, и прибавляющій на цѣну шелка по 3 фр. на фунтъ, невозможенъ, тѣмъ болѣе, что онъ не совершенно отчищаетъ шелкъ, а только не вполнѣ обезцвѣчиваетъ его.

Химики: Бруньятелли, Гермштедтъ, Крелль и Прустъ повторяли опыты, и испытывали бѣленіе парами, по методѣ Бертолле: но они далеко не достигли успѣховъ.

Если мы не ошибаемся, то, до Сочинителя сей статьи никто не испытывалъ селитренаго эѳира. Въ одно мгновеніе бѣлитъ онъ погруженный въ него шелкъ, безъ ассуплировки; но сей матеріялъ стоитъ, по крайней мѣрѣ, 30 фр. за фунтъ, и его надобно-бъ было употреблять вѣсомъ противъ шелку, слѣдственно—опытъ удаченъ, но не годится.

Г-нъ Роаръ, прежде бывшій Директоръ Го-

беленевой мануфактуры въ Парижѣ, дѣлалъ множество опытовъ касательно отчистки шелка.

Въ 1806 г. читалъ онъ въ Институтѣ длинное разсужденіе, въ которомъ предложилъ способъ извлекать смолистость, отчищать и бѣлить шелкъ мыломъ, за одинъ пріемъ. Его опыты повторены были въ Ліонѣ, въ присутствіи Гг-дъ Эйнара, Раймона, Леруа, Барра, Дешана старшаго и Маргарона, кои всѣ признали сей способъ невыгоднымъ, по многимъ отношеніямъ.

Когда Сочинитель сей статьи читалъ въ Италіи курсъ Химіи, ему былъ случай дѣлать множество испытаній надъ шелкомъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ и знаменитымъ товарищемъ, Графомъ Москати, столь рано и безвременно похищеннымъ у наукъ и искуствъ, коихъ былъ онъ покровителемъ великодушнымъ и просвѣщеннымъ. Дабы производить опыты по умственному основанію и на положительныхъ правилахъ, мы начали цѣмъ, что разложили совершенно 2500 граммъ шелка сырца, взятаго изъ филатуры Венеціянскаго Сенатора Дандоло, одной изъ превосходнѣйшихъ въ Италіи. Мы хотѣли узнать основныя начала шелка, то есть, тѣ различныя сущности, изъ коихъ составлено драгоцѣнное вещество, называемое: *шелкъ*. Продолжительно было-бы и излишне

для читателей описывать здѣсь способы разложенія, которые употребили мы въ семъ дѣлѣ. Мы не повторяли опытовъ Пруста и другихъ химиковъ, стремившихся къ познанію того, какія дѣйствія производятъ разныя вещества на основную сущность шелка, закрытую въ шелковинѣ примѣсью другихъ веществъ. Мы хотѣли узнать, *что именно, и въ какой точно мѣрѣ* составляетъ основную сущность шелка. Вотъ выводы, сдѣланные нами, посредствомъ многихъ и разныхъ веществъ и дѣйствій, служившихъ при нашемъ изслѣдованіи.

Шелку сырцу взяли мы . . . . 2500 гр.

По разложеніи оказалось:

Животныхъ волоконъ, превращенныхъ въ студень.	1855 гр.
Растительной смолы	508 —
Смолистой, красящей матеріи . .	105 —
Мыловатаго жира	8 —
Летучаго масла	2 —
Потери при выпаркѣ, цѣженіи, и проч.	22 —
Всего	2500 гр.

Наше разложеніе оказалось почти сходно съ разложеніемъ Боме, Бруньятелли, Крелля, Клапрота, Берара и Пруста; всѣ сіи химики,

такъ-же какъ и мы, признали, что шелкъ состоитъ:

1-е. Изъ растительной смолы, похожей на ту, которая покрываетъ листы шелковицы. Сія-то смола даетъ шелковинѣ твердость и крѣпость; она зеленовата и крѣпнетъ на воздухѣ.

2-е. Изъ матеріи красящей, смолистой, твердой (solide), плавящейся при 30° теплоты, по стоградусному термометру, и не растворяющейся въ водѣ, кипящемъ спиртѣ и селитряномъ эѳирѣ.

3-е. Изъ масла, летучаго, пахучаго, которое легко добыть, перегоняя шелкъ на спиртѣ или на эѳирѣ, принимающихъ отъ сего цвѣтъ золота. Оно находится въ пропорціи $\frac{1}{500}$ части, противъ вѣса свѣжаго шелка.

4-е. Изъ матеріи бѣлой, жирной, маслистой, настоящемъ мыловатомъ жирѣ, который открылъ Пруст и описалъ въ 66-мъ томѣ *Журнала Химіи* (Journal de Chimie). Полагаютъ, что сіе вещество даетъ шелковинѣ блестящій лакъ; оно находится въ пропорціи $\frac{1}{200}$ противъ вѣса шелка.

5-е. Наконецъ, изъ животной студени, сдѣлавшейся волокнистою посредствомъ работы насѣкомаго и дѣйствія воздуха, отъ коего она бываетъ ссѣдающеюся и гибкою: это настоящее

основное вещество, изъ числа составляющихъ нить шелка. Сочинитель сей статьи осмѣливается думать, что онъ первый совершенно узналъ его и отличилъ отъ другихъ веществъ, съ коими оно соединено, и отъ коихъ надобно освободить нитку, дабы заставить ее принять въ себя краску и быть способною для тканія матерій.

Такимъ образомъ, 100 килограммовъ шелку желтаго, сырца, недавно размотаннаго, должны содержать въ себѣ:

Вещества волокнистаго животнаго, или нитей собственно, около . .	74 к.	280 гр.
Растительной смолы . . .	21 „	—
Смолистости и красящаго вещества	4 „	—
Летучаго масла	—	220 гр.
Мыловатаго жира	—	500 —
Всего	100 к.	—

Бѣлый шелкъ содержитъ въ себѣ тѣже самыя вещества, исключая красящее, коего въ немъ нѣтъ, хотя смолистость, съ коею оно соединено, всегда есть въ шелкѣ. Такимъ образомъ, можно положить, что потеря бѣлаго шелка, противъ желтаго, при отчисткѣ будетъ 1 или 2 на сто менѣе.

Таковы вообще были опыты и выводы, которые довели насъ до средствъ, помощію ко-

ихъ мы могли очищать шелкъ безъ мыла, заставляя дѣйствовать нѣкоторыя изъ составляющихъ шелковину веществъ, и вещества чистящія, но не истощающія шелкъ.

Если покушенія предшествовавшихъ намъ химиковъ были безплодны, это происходило отъ недостатка Химіи, которая не могла сдѣлать разложенія полнаго и вѣрнаго. Мы напротивъ приобрѣли удовлетворительные выводы, подтвержденные вѣрными опытами, и не случайно, но изслѣдованіями, въ десятилѣтній курсъ Химіи, преподаванный нами въ Италіи, и послѣ въ Ліонѣ, гдѣ Сочинитель сей статьи семь лѣтъ имѣлъ случай быть извѣстнымъ лучшимъ фабрикантамъ, красильщикамъ и шкачамъ.

Такимъ образомъ, съ увѣренностію предлагаетъ онъ теперь соотечественникамъ своимъ опыты семнадцати лѣтъ, убѣжденный въ томъ, что настоящія замѣчанія его побудятъ безъ отлагательства принять мѣры, требуемыя обстоятельствами, дабы предупредить паденіе одной изъ важнѣйшихъ вѣтвей нашей промышленности.

Заключаемъ статью нашу общимъ изложеніемъ всего сказаннаго нами, и просимъ Г-дъ фабрикантовъ, прочитавъ наше заключеніе, подумать внимательнѣе.

Изъ сказаннаго нами, если свести все въ немного словъ, выходитъ:

1-е. Нельзя узнать внутренней доброты шелка, ни убыли, какая можетъ въ немъ быть, по простому разсмотрѣнію его, или по вкусу, и что полагая 25 на 100 убыли, можно ошибиться отъ 3 до 5 на 100, что весьма важно, судя по цѣнѣ предмета.

2-е. Фабриканты, не имѣя никакого вѣрнаго основанія, для разсчета убыли, и вѣса, какой шелкъ можетъ получить при крашеньѣ, подвергаются неопредѣленно значительнымъ убыткамъ и могутъ быть обкрадены людьми, которые обдѣлываютъ шелкъ и ткутъ шелковыя матеріи.

3-е. Единственный способъ отвратить всѣ сіи неудобства есть тотъ, что должно установить предварительное, публичное испытаніе отдѣлкою. Тогда торговцы шелкомъ спасутся отъ обмановъ мотальщиковъ и сучильщиковъ, а фабриканты станутъ покупать шелкъ съ извѣстностью, что̀ изъ него выйдетъ, и также оградятся отъ обмановъ.

4-е. Слѣдуетъ совершенно оставить отчистку мыломъ. Сочинитель сей статьи готовъ открыть свой секретъ (для чего испрашиваетъ онъ теперь привиллегію); вѣрныя свидѣтельства и опытъ, подтверждаютъ слова его, и могутъ убѣдить всякаго, что способъ, ему извѣстный, и отчасти изложенный выше сего,

при описаніи разложенія шелка, скорѣе, дешевле и проще нынѣ употребляемыхъ. Шелкъ не подвергается кипяченію, но только отбирается въ жидкости, составленной изъ веществъ легкихъ и не могущихъ измѣнить его. Довольно одного часа, дабы отчистить его совершенно, вмѣсто шести, употребляемыхъ при нынѣшней методѣ, и даже достаточно получаса, для шелка, назначеннаго въ простые цвѣта. Притомъ, шелкъ живѣе принимаетъ цвѣта, держитъ ихъ прочнѣе, меньше требуетъ красокъ. Ткани, сдѣланныя изъ шелка, отчищеннаго по методѣ Сочинителя сей статьи, лучше берутъ аппретуру, и нѣтъ въ нихъ того непріятнаго запаха масломъ, какой бываетъ при нынѣшней методѣ.

5-е, наконецъ, и едва-ли не важнѣйшее: предлагаемыми здѣсь средствами испребится совершенно шайка *кустарниковъ*, которые не будутъ имѣть средствъ и случая покупать воровской шелкъ, и потомъ унижать цѣны фабричнымъ произведеніямъ.

КРАТКІЯ ОСНОВАНІЯ ХИМІИ,

для фабрикантовъ и заводчиковъ.

Предметъ Химіи есть *познаніе элементовъ, или основныхъ началъ, которые составляютъ тѣла*, и *изслѣдованіе дѣйствій, какія производятъ тѣла, одно на другое, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ*. Все сіе совокупно составляетъ одну изъ важнѣйшихъ наукъ, ибо она объясняетъ намъ дѣйствія природы, въ различныхъ, производимыхъ ею безпрерывно явленіяхъ, а въ приложеніи своемъ даетъ средства точно узнать, опредѣлить и распространить производства промышленности. Въ семъ-то послѣднемъ отношеніи, кратко излагаемъ мы здѣсь начала Химіи, дабы въ основаніяхъ сей науки показать фабрикантамъ и заводчикамъ сущность тѣхъ матеріяловъ, какіе они употребляютъ, и причины дѣйствій, какія они видятъ, не умѣя иногда отдать себѣ отчета въ видимомъ. Вся важность ученаго познанія состоитъ въ томъ, что ученый человѣкъ можетъ сказать, *для чего* онъ дѣлаетъ *такъ, а не иначе*, когда дѣлая по наслышкѣ, по навыку, производитель дѣйствуетъ совершенно безъ отчета. Отъ этого, очень часто производитель видитъ ошибку, и не знаетъ ни того, отъ чего она сдѣлалась, ни того, какъ ее поправить. Впрочемъ, конечно, никто не спа-

нетъ споритъ, что наука дѣло для фабриканта и заводчика полезное. Но ученыя сочиненія пишутся языкомъ непонятнымъ для простаго производителя, и притомъ часто онъ не имѣетъ даже довольно времени заняться ученымъ твореніемъ, по огромности его. Мы счастливыми себя почтемъ, если успѣемъ представить здѣсь какъ можно простѣе и яснѣе главныя основанія Химіи, чѣмъ могутъ читатели наши руководствоваться въ дальнѣйшихъ занятіяхъ, приучаясь, какъ къ самому расположенію химическихъ книгъ, такъ и къ ученымъ словамъ, коими въ химическихъ сочиненіяхъ означаются разные предметы.

Всѣ различныя существа, производящія впечатлѣнія на наши чувства, вообще называются: *тѣла* (corps). Тѣла бываютъ *жидкія* и *твердыя*: жидкими называются они, когда находятся въ состояніи *жидкомъ*, или *воздухообразномъ*, и представляютъ весьма мало, или и совсѣмъ не представляютъ сцѣпленія въ своихъ частицахъ; твердыми называются они, когда представляютъ сцѣпленіе частицъ, такъ, что измѣнить форму тѣла не льзя иначе, какъ усиліемъ.

Тѣлъ въ природѣ находится безчисленное множество; но основныхъ сущностей, или элементовъ, изъ коихъ они составлены, весьма немного. Основныя сущности соединяются и смѣшиваются одна съ другою; смѣшанныя опять соединяются между собою и съ основными сущностями,

такъ, что соединенія въ природѣ безчисленны, и при каждомъ происходятъ тѣла и явленія новыя; но разложите, изслѣдуйте, и вы найдете, что основная сущность все одна и таже, какъ-бы соединеніе и смѣсь ни были запутаны. Посему Химія и старается узнавать основныя сущности, а потомъ уже легко ей опредѣлять разныя соединенія и смѣшенія. Потому обыкновенное изученіе Химіи весьма просто. Надобно только составить себѣ вѣрное понятіе о предметѣ науки, знать химическія методы, знать основные элементы тѣлъ, и главныя сложности, которыя происходятъ отъ соединеній.

Разборъ веществъ по химическимъ правиламъ, слѣдствіемъ коего бываетъ раздѣленіе веществъ, составляющихъ тѣло, называется *разложеніе*. Если вещества можно соединить снова для составленія тѣлъ, то сія химическая операція называется *составленіе*. Огонь есть одинъ изъ главныхъ дѣйствователей, употребляемыхъ при разложеніи, ибо онъ всегда стремится разъединить основныя вещества, посредствомъ своей расширительной силы; но иногда два, или болѣе, вещества соединены вмѣстѣ, и если составъ сей можетъ быть растворенъ, то раздѣляютъ вещества прибавкою новаго тѣла въ растворъ, которое производитъ предпочтительное соединеніе нѣкоторыхъ изъ веществъ, и уничтожаетъ первое соединеніе, въ какомъ они находились.

Сила, которою принуждены частицы какого-нибудь тѣла соединяться одна съ другою, называется *сродство*; просто *сцѣпленіемъ* называется то состояніе, при коемъ въ какомъ-либо тѣлѣ держатся соединенными одна съ другою частицы сего тѣла.

Частицы каждаго тѣла могутъ быть наблюдаемы съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Если частицы наблюдать, какъ простыя сложности, образующія соединеніемъ какое-либо вещество, въ которомъ онѣ дѣйствуютъ, тогда ихъ называть можно *составными частицами*; если, напротивъ, смотрѣть на нихъ, какъ на частицы сего тѣла, образованныя изъ тѣхъ-же элементовъ, изъ какихъ оно образовано, то ихъ называютъ тогда *частицами существенными*, или просто *частицами*.

Не должно почитать за одно двухъ химическихъ терминовъ: *смѣшеніе* и *соединеніе*. Въ смѣшеніи, тѣла, какъ-бы ни соединялись, сохраняютъ всѣ свои частныя свойства, и обыкновенно могутъ быть совершенно раздѣлены средствами чисто физическими. Въ соединеніи, напротивъ, тѣла, соединенныя въ различныхъ пропорціяхъ, пріобрѣтаютъ свойства совершенно особенныя, теряя прежнія, и только химическое разложеніе можетъ ихъ раздѣлить снова.

Тѣла въ твердомъ состояніи никогда не имѣютъ свойства соединяться, и потому растворя-

ютъ ихъ въ жидкости, или плавятъ съ помощію огня. Если для растворенія употребляется жидкость, то всегда есть такой предѣлъ, далѣе коего растворительное свойство жидкости не дѣйствуетъ болѣе, и растворъ называется тогда *пресыщеннымъ*. Сія пресыщенность является болѣе въ возвышенной температурѣ, и потому раствореніе, приготовленное помощію теплоты, при охлажденіи своемъ отбрасываетъ часть растворенной сущности. Сія часть, принимая болѣе твердости, устанавливается на краяхъ, или днѣ сосуда, и ее называютъ въ Химіи *низвергъ* или *осадка*.

Мы сказали, что называютъ элементами, основными веществами (и также *простыми тѣлами*) различныя сущности, коихъ соединеніе производитъ *составныя тѣла*. Впрочемъ, мы не можемъ сказать, въ самомъ-ли дѣлѣ сіи элементы сами по себѣ не сложны, и состоятъ рѣшительно изъ одного, отличнаго отъ всѣхъ другихъ, вещества. Химики потому почитаютъ ихъ такими, что они никогда не измѣняютъ своей природы, и что ихъ не льзя ни разложить, ни переобразить одно въ другое.

Такихъ *простыхъ веществъ*, элементовъ или основныхъ сущностей, донынѣ открыто до 55-ти. Мы ихъ означимъ здѣсь всѣ, но будемъ подробнѣе говорить о сущности и соединеніяхъ только тѣхъ, которыя входятъ въ кругъ фабрикъ

и заводовъ. Для удобнѣйшаго изученія представляемъ здѣсь слѣдующую шаблицу.

I. Вещества простыя невѣсомыя.

Теплотворъ; свѣтъ; электричество; магнетизмъ.

II. Вещества простыя вѣсомыя.

А. *Не-металлическія.*

Кислотворъ; водотворъ; азотъ (или селитротворъ); *углетворъ; сѣра; хлоръ* (или солетворъ); *бромій; іодій; бурій; фосфоръ; селеній.*

Б. *Металлическія.*

1-й *Степени.* Алюминій; Силицій; Магнезій; Иттрій; Глициній; Цирконій; Ториній.

2-й *Степени.* Кальцій; Стронцій; Барій; Литій; Содій; Потассій.

3-й *Степени.* Марганецъ; Цинкъ (шпіауперъ); Желѣзо; Олово; Кадмій.

4-й *Степени.* Мышьякъ; Молибденъ; Хромій; Вольфрамъ; Колумбій; Сурьма (Антимонія); Титаній; Ураній; Церій; Кобольтъ; Висмутъ; Мѣдь; Теллюрій; Никкель; Свинецъ.

5-й *Степени.* Рутеній; Осмій.

6-й *Степени.* Серебро; Палладій; Родій; Золото; Платина; Иридій.

(Продолженіе въ слѣд. N°).

При семъ N° Прибавленія приложено изображеніе хозяйственной печи, которая устроена въ Военной Парижской школѣ. Противъ прежняго расхода каменнаго уголья, употребляемаго на приготовленіе кушаньевъ, она сберегаетъ онаго почти на 4 тысячи франковъ. Фигура 1-я представляетъ планъ сей печи, а фигура 2-я разрѣзъ. Одинакія литтеры означаютъ и одинакія части печи.

A. Большой котелъ для супу и говядины. — B. Котелъ поменѣе, для зелени. — C. Котелъ съ горячей водою, которую цѣдятъ черезъ кранъ, для мытья посуды. — D. Подвижной котелъ. — E. Подвижной сосудъ для воды. — FF. Печи; рѣшетки въ нихъ чугунныя. Для сохраненія каменнаго уголья, вмѣсто назначенной на рисункѣ мѣры и формы, нынѣ дѣлаютъ ихъ только до того мѣста, которое означено пунктиромъ *bb. cc.* Къ верху печи сіи ограничены чугунными перекладинами, или рѣшетками *m' m'*, простирающимися по всей поверхности печекъ и непосредственно принимающими жаръ. Эта часть назначена для подвижнаго котла E и всѣхъ каспрюль, требующихъ въ обыкновенныхъ кухняхъ отдѣльныхъ огней. Огонь и жаръ сихъ печекъ, по желанію проводится подъ котлы A и B, посредствомъ каналовъ *d,d* и *e,e*, или отводится отъ оныхъ. Сія перемѣна производится при помощи отдушинъ *f, f, g, g*; каналы *e, e*, совокупляются въ одинъ, который, не дохо-

дя до трубы, проводитъ жаръ подъ котелъ съ горячею водою С. Каналы *hh*, проводятъ также подъ котелъ С жаръ прошедшій уже подъ передними котлами.

ii. Переднія форпки или дверки въ печи, подверженныя раскаленію.

jj, двойныя дверки, предохраняющія поваровъ отъ жара первой дверки.

G, углубленіе для золы.

H, проводники, имѣющіе видъ лебединой шеи, доставляющіе холодную воду для кухни.

I, J, подогрѣвальная печь, горизонтально раздѣленная на двое желѣзнымъ листомъ. Она служитъ для поддержанія жара въ приготовленныхъ кушаньяхъ. При новой постройкѣ сей печи въ одномъ госпиталѣ намѣрены уничтожить каменную заборку между котломъ и подогрѣвальною, и раздѣлить сію послѣднюю вертикальною перегородкою, которая назначена линіею точекъ *kk*. Отъ этого, пламя, нагрѣвающее котлы A, будетъ въ тоже время разгорячать чугунную доску, которая одна раздѣлитъ подогрѣвальную отъ котла. Увѣрены, что такимъ образомъ въ лѣвой части подогрѣвальной можно будетъ жарить мясо. Съ обѣихъ сторонъ печи, въ длину, находятся двѣ подогрѣвальныя, такія какъ II, шириною равныя ширинѣ котловъ.

Вся печь крѣпко складена изъ кирпича и снаружи обложена чугунными досками, 7-ми линій въ толщину.

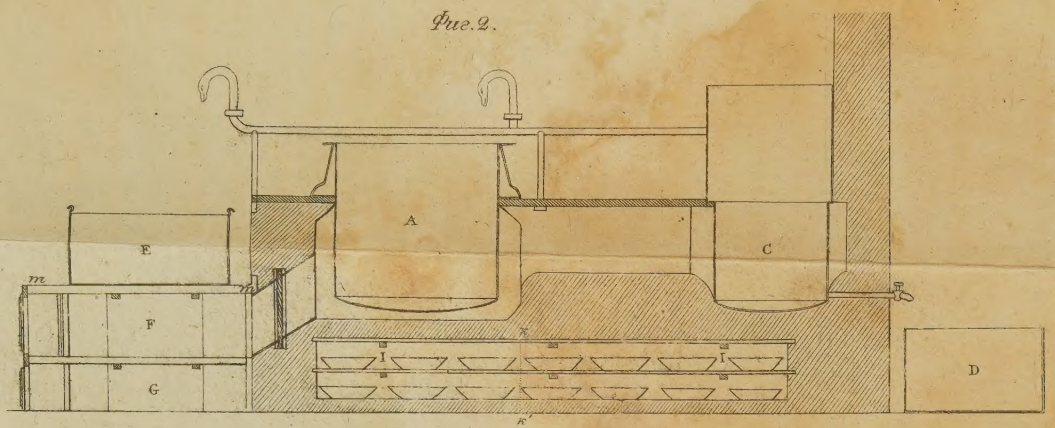
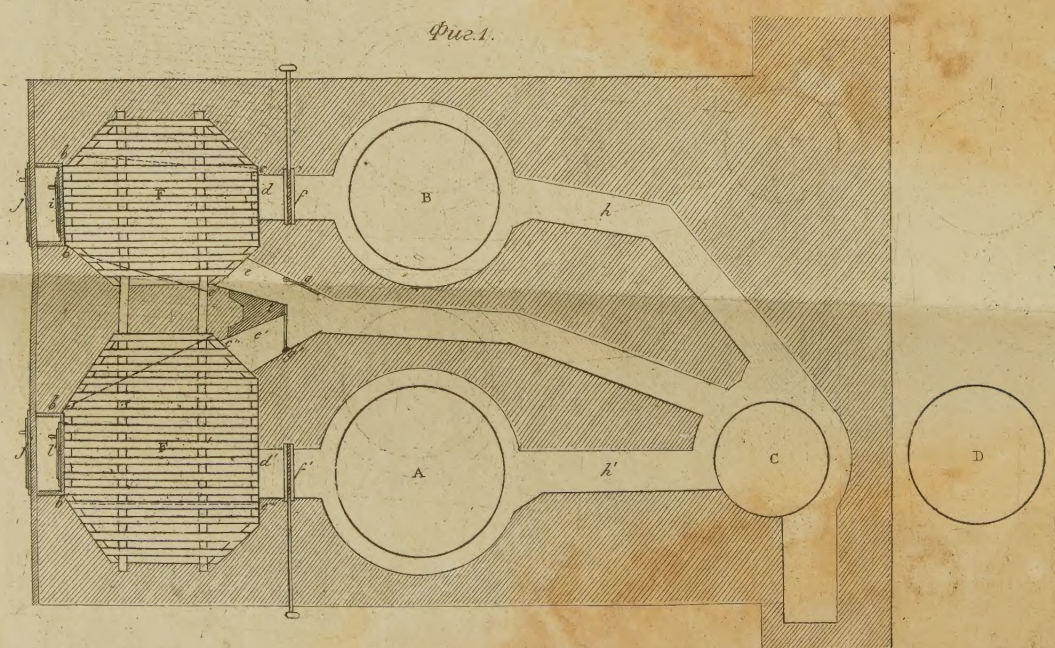
l, Чугунная вставка, для предохраненія печи отъ ударовъ при запираніи отдушинъ.

Въ этой печи можно приготовлять кушанье на 600 человѣкъ. Въ обѣихъ печахъ отдѣльныя топки, почему ихъ можно затаплива ть вмѣстѣ и отдѣльно. Пламя, что можно заключить разсмотрѣвъ самый рисунокъ, сначала ударяетъ въ перекладины *m,m,* разгорячаетъ ихъ и проводится въ трубу оборотными каналами, которые сводятъ его въ середній общій каналъ, или въ каналы боковые; когда же обращаютъ пламя къ котламъ, оно устремляется въ одно время и ко дну и къ бокамъ оныхъ. Каждая изъ двухъ подогрѣвальней можетъ вмѣщать 28 блюдъ; каждаго блюда достаточно на 6 человѣкъ. На перекладинахъ можно варить мяса, подъ соусомъ или подъ рагу, въ котлахъ; тутъ можно также варить зелень. Жаркія приготовляются въ большомъ четыреугольномъ блюдѣ, котораго поверхность равна поверхности одной изъ печей; въ бокахъ оно шести вершковъ въ вышину; крышка его закупоривается герметически. Туда можно положить, напримѣръ, 50 задковъ, безъ костей, раздѣленныхъ порціями на 6 част.; они будутъ готовы въ $1\frac{1}{2}$ часа.

Печь сія чрезвычайно прочна и стоитъ 4500 франковъ со всѣми принадлежностями.

К № 7 Труд. Моск. Тех. 1829.

Фиг. 2.



Фиг. 1.